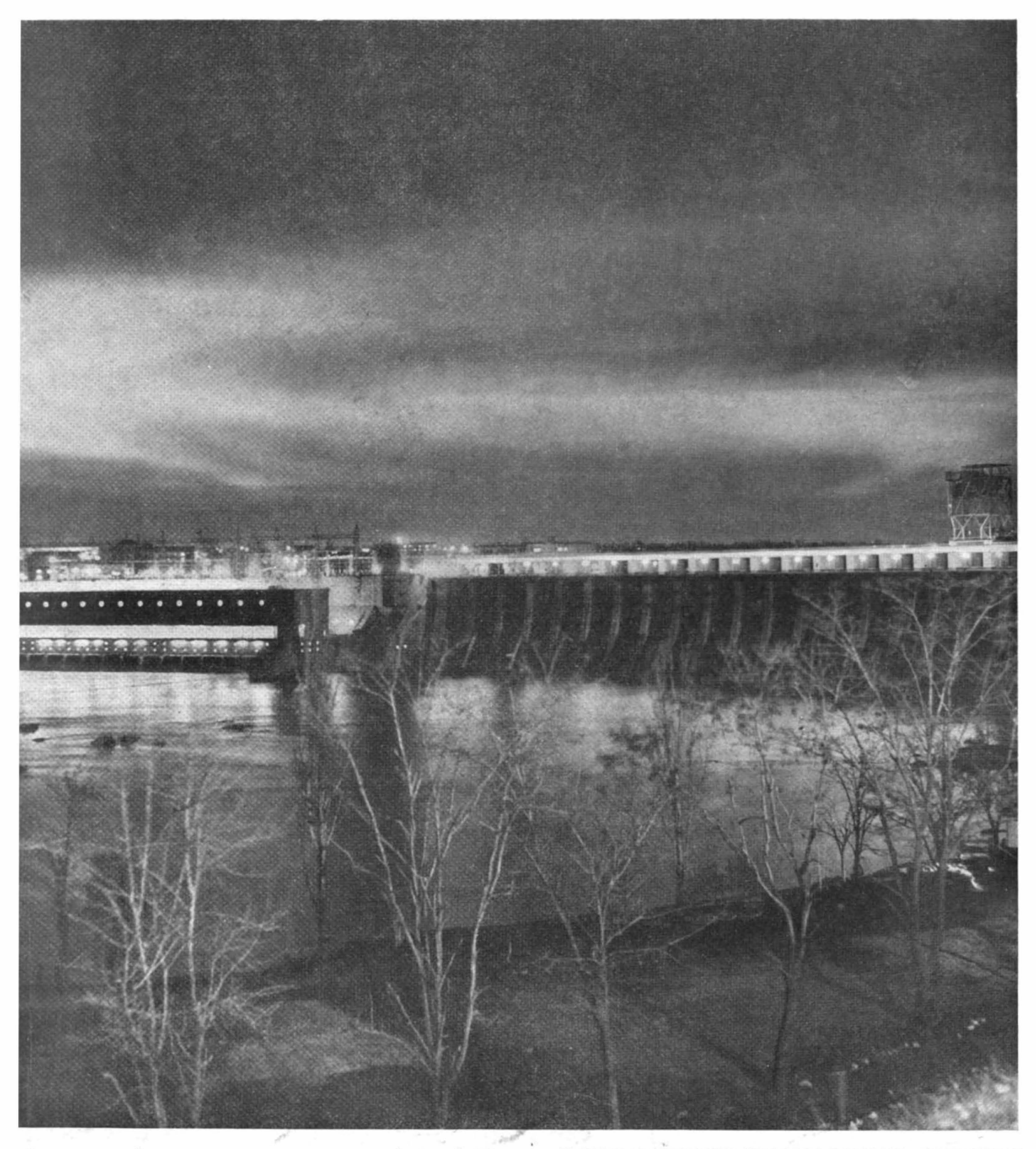

ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Днепрогэс — любимое творение советского народа. Веками Днепр бесплодно расточал свою силу, каменная гряда порогов преграждала путь судам. Советские люди покорили могучую реку. Двадцать лет назад, 10 октября 1932 года, вступила в строй Днепровская государственная электрическая станция имени Ленина. На всем своем протяжении Днепр стал судоходным. Потоки электрической энергии потекли по проводам на шахты Донбасса, на рудники Криворожья, на заводы Днепропетровска, в окрестные колхозы.

Фашистские интервенты превратили крупнейшую гидростанцию в развалины, они хотели навсегда погасить огни Днепрогэса. Но непреклонная воля и мужество советских людей и на этот раз одержали победу. 3 марта 1947 года вновь взошло над Украиной электрическое солнце Днепрогэса.

«Успешное восстановление Днепрогэса показывает,— писал товарищ Сталин строителям,— что советский народ полон решимости быстрее залечить раны, нанесенные войной, и обеспечить дальнейшие успехи нашей Родины».

Ныне, когда XIX съезд коммунистической партии приступает к обсуждению пятого пятилетнего плана, когда в стране социализма сооружаются крупнейшие гидроэлектростанции на Волге и Днепре, на Дону и Аму-Дарье, юбилей Днепрогэса приобретает особый смысл. Огни на Днепре, вспыхнувшие двадцать лет назад, были провозвестником невиданного расцвета энергетики, мощного подъема народного хозяйства СССР, непрерывного движения вперед — от социализма к коммунизму.

На снимке: плотина Днепрогэса ночью. Фото А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 41 (1322)

5 ОКТЯБРЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Привет делегатам XIX съезда Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)!

Да здравствует великая, непобедимая партия Ленина — Сталина!

В. И. ЛЕНИН и И. В. СТАЛИН В ДНИ ОКТЯБРЯ.

Рисунок П. Васильева

ВЕЛИКИЙ СЪЕЗД ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ

Девятнадцатый съезд — великий съезд великой партии — партии строителей коммунизма. Взоры всего советского народа, взоры сотен и сотен миллионов простых людей мира, всего передового человечества обращены к Кремлю, где заседает XIX съезд ВКП(б). Съезд решает вопросы, в которых кровно заинтересованы советские люди.

Вся героическая история нашей Коммунистической партии представляет собой яркий образец самоотверженной борьбы организованного авангарда рабочего класса за насущные нужды трудового народа, образец постоянной заботы о нем.

Величайшие вожди революционного пролетариата Ленин и Сталин создали эту боевую партию коммунистов, ставшую испытанным вождем, учителем и организатором своего народа. Партия коммунистов — ум и сердце народа, его честь и совесть.

«Коммунистическая партия Советского Союза,— записано в проекте измененного Устава партии,— организовав союз рабочего класса и трудового крестьянства, добилась в результате Октябрьской Революции 1917 года свержения власти капиталистов и помещиков, организации диктатуры пролетариата, ликвидации капитализма, уничтожения эксплуатации человека человеком и обеспечила построение социалистического общества».

XIX съезд партии проходит в канун знаменательной даты — 35-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Тридцать пять лет растет и крепнет народная держава. Растет и крепнет социалистическое общество на радость и счастье всем людям труда.

Человечество не знало таких чудесных, сказочных преобразований, которые свершены советским народом во главе с партией Ленина — Сталина.

Труженик, этот настоящий властелин земли, стал у власти и управляет страной. Из недр народа вышли истинные богатыри мысли и труда. Выросли свои талантливые руководители, полководцы, ученые, деятели искусств, миллионы и миллионы сознательных строителей нового общества. Впервые народ сознательно творит свою историю.

Сбылись вещие слова знаменитого русского писателя-революционера А. Радищева:

О, народ, народ преславной!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе...
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят природу даже...

Да, наш народ, ведомый Коммунистической партией, преодолел на своем пути все преграды, все оплоты, мешавшие ему. Он сокрушил своей могучей рукой ненавистный трудовому люду капитализм, создал социалистическое общество. Он преобразует природу по великому сталинскому плану.

Даже мысленным взором трудно охватить всю гигантскую строительную площадку Советской страны. Созидатели коммунизма подчиняют своей воле неугомонные реки, преграждают путь суховеям зелеными заслонами, они создают новые озера, моря, заставляют служить народу неисчерпаемые богатства недр своей земли.

Посмотрите на карту страны! Ангара, Иртыш, Кама, Волга, Днепр, Аму-Дарья — это не только реки. Это строительные площадки огромных сооружений. Урал, Сибирь, Поволжье, Украина, Прибалтика, Туркмения — целые строительные районы. В каждом городе, в каждом селе по воле партии, по начертанному ею плану пятой пятилетки уже идут большие созидательные работы.

Воля партии! Планы партии! Политика Коммунистической партии составляет жизненную основу нашего общества. Эта политика — основа могущества нашего народа, его морально-политического единства, завоеванного партией в жестоких битвах с многочисленными врагами трудящихся.

Партия подготовляла морально-политическое единство советского общества в ходе всей борьбы за уничтожение капитализма и построение социализма. Коммунисты сплачивали народ, ведя его к Октябрьским сражениям. Коммунисты цементировали ряды народа в годы гражданской войны. Они ковали единство трудящихся в годы восстановления народного хозяйства, в годы героического труда советского народа по претворению в жизнь сталинских пятилетних планов.

Морально-политическое единство советских людей, великое социалистическое сотрудничество рабочих, крестьян и интеллигенции, как говорится в решениях XVIII съезда ВКП(б), является не только одной из могущественных сил развития нашего общества, но и гарантией победы коммунизма в нашей стране.

Ярчайшее выражение единства советских людей мы видим прежде всего в непререкаемом авторитете Коммунистической партии. Ни одна партия не имела такого авторитета в народе, как ленинско-сталинская партия. У партии коммунистов нет иных интересов, кроме интересов народа. Цель партии — построение коммунизма — является целью всего советского народа. Наши люди считают дело коммунизма своим родным делом. Коммунизм и народ слились в нашей стране в одну непобедимую силу.

Большевистская партия сильна кровной связью с широкими массами трудящихся. Она воплотила в себе разум, волю, мужество, героизм — все драгоценные качества своего народа. Укрепляя связь с народом, партия всемерно развивает критику и самокритику — эту движущую силу развития советского общества. Наш народ тесно сплочен вокруг своей партии.

Товарищ Сталин на XVIII съезде партии пророчески сказал, что «в случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их однородности и внутреннего единства — будут крепче, чем в любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений».

В годы Великой Отечественной войны советские воины и труженики явили миру примеры невиданного массового героизма и единства. В дни суровых испытаний сотни тысяч патриотов вступали в ряды своей родной большевистской партии.

В радости и беде, в счастье и горе партия всегда с народом. В народе она черпает свои силы, вызывая к жизни могучее, всепобеждающее творчество народных масс. Советский строй дает такие возможности продвижения вперед, о которых и мечтать не может ни одна капиталистическая страна. Вот почему у нашего народа крепка вера в свои силы. С огромным подъемом выполняет он задания партии.

Государственные планы — родное дело народа. В песнях и сказах советские труженики воспевают организатора великих работ — товарища Сталина, Коммунистическую партию. От чистого сердца они повествуют о своем стремлении лучше и скорее выполнить любое задание своей партии. Воронежская колхозница в своем сказе говорит:

Нет у нас таких стен каменных,
Чтобы силушке противились.
Сосчитать — да не сочтешь ее,
Поизмерить — не измеряешь.
Что подсчитано на пять годков,
С тем в четыре поуправимся.
Что дано будет на десять лет,
То как раз придется на восемь.
В этой силушке невиданной
Мудрость Сталина заложена...

Имя любимого вождя — товарища Сталина стало символом побед коммунизма. Имя Сталина стало знаменем трудящихся всего мира в их борьбе за светлое будущее. Имя Сталина — самое дорогое для нашего народа, для простых людей всего земного шара. Сердца сотен и сотен миллионов людей преисполнены горячей любовью к товарищу Сталину — гениальному вождю и учителю революционного человечества, великому знаменосцу мира.

Вместе с Лениным товарищ Сталин тридцать пять лет назад возглавил Октябрьскую революцию, открывшую собой новую эру в истории. Вместе с Лениным в годы гражданской войны товарищ Сталин спас молодую Советскую республику от нашествия врагов. Товарищ Сталин, следуя ленинскому учению и развивая его дальше, разработал план хозяйственного возрождения страны и ее расцвета. Советский народ под руководством партии коммунистов успешно претворил в жизнь сталинские планы и построил социализм. Страна победившего социализма получила замечательную конституцию, названную по имени ее творца Сталинской.

В годы Великой Отечественной войны великий Сталин, приняв на себя всю полноту ответственности за судьбы советской Родины, стал во главе Вооруженных Сил страны, поднял на борьбу с врагом весь народ. По плану Сталина, под его непосредственным руководством враг был разбит, человечество было спасено от угрозы фашистского порабощения.

Вся жизнь товарища Сталина — пример беззаветного, самоотверженного служения народу. Все свои силы, весь свой гений товарищ Сталин отдает борьбе за свободу, мир и счастье трудящихся, за победу коммунизма.

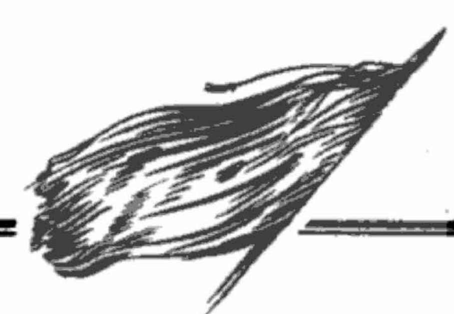
В эти дни, когда заседает XIX съезд партии, наш народ мысленно обращается к своему любимому вождю с чувством особой признательности, горячей благодарности. Свои чувства народ выражает в огромном трудовом подъеме в честь съезда. Свою любовь к вождю советские патриоты воплощают в новых победах мирного, созидательного труда. Трудовую деятельность каждого нашего человека глубоким смыслом наполняет великая цель построения коммунизма, во имя которой народ сплачивает свои ряды вокруг партии Ленина — Сталина.

«...Дорога наша — верная,— говорил В. И. Ленин еще в 1921 году,— ибо это — дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут и остальные страны».

К этой дороге уже пришли народы многих стран. Многие миллионы людей Европы и Азии, избавившись от империалистического ига, твердо стали под непобедимое знамя коммунизма. Маяк Октябрьской революции осветил им путь.

Да здравствует партия Ленина — Сталина!

Да здравствует великий Сталин!

В честь исторического съезда

«В честь XIX съезда партии»...

В дни, предшествовавшие историческому событию, эти слова звучали на собраниях и митингах, с них начинались коллективные письма, их можно было прочесть в заводском цехе, в паровозном депо, в конторе нефтяного промысла, на колхозном току... Реки металла и горы угля, гигантские машины и тончайшие приборы, золотая россыпь пшеницы и белоснежное волокно — все, что добывает, плавит, создает и выращивает советский народ, было принесено им в дар любимой партии в канун ее съезда.

Когда были оглашены цифры, воплощающие неслыханно смелые планы, когда были названы стройки пятой пятилетки,— новую силу обрел человеческий труд, вдохновляемый в нашей стране великой целью. Могущество социалистической Родины — миллионы киловатт электроэнергии, грандиозные плотины, возрожденные земли, необозримые молодые леса — созидается каждодневным трудом советских людей. И, вступая на предсъездовскую вахту, каждый труженик на любом, самом скромном посту вносил свой вклад в великое, общенародное дело.

Превышать планы, работать сегодня лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня,— к этому сводится смысл социалистических обязательств, принятых накануне съезда рабочими, колхозниками, интеллигенцией. Перед лицом всей страны предприятия, колхозы, бригады и отдельные стахановцы обязывались дать больше продукции, досрочно выполнить план, ускорить строительные работы.

Слово сдержано! Со всех концов нашей страны поступают рапорты. Гордые сознанием исполненного перед партией долга, советские люди сообщают о выдающихся трудовых успехах во славу Родины.

Инициаторы социалистического соревнования в честь XIX съезда ВКП(б) — московские автомобилестроители — перевыполнили свои обязательства.

Металлурги Магнитогорска, ленинградские металлисты, строители Главного Туркменского канала, механизаторы МТС Воронежской и других областей — отряд за отрядом рапортуют о досрочном выполнении своих социалистических обязательств.

Открытие XIX съезда вызовет новый подъем творческой активности на заводах, в колхозах, в научных учреждениях — повсюду, где самоотверженно трудится советский человек.

Весь наш народ уверенно смотрит вперед, полный решимости осуществить новые задания, выдвинутые в пятом пятилетнем плане Коммунистической партией, товарищем Сталиным.

У ИНИЦИАТОРОВ СОРЕВНОВАНИЯ

«Сделано в Москве, на Автозаводе имени Сталина».

Мощные грузовики, нарядные лимузины, комфортабельные, вместительные автобусы с маркой «ЗИС» можно встретить и на улицах больших городов, и на шоссейных магистралях страны, и в колхозных селах.

Автостроители столицы — инициаторы всенародного социалистического соревнования в честь XIX съезда партии. Выполняя взятые обязательства, они 25 сентября досрочно выполнили производственную программу девяти месяцев и ко дню открытия съезда выпустили сверх плана несколько автобусов, сотни автомобилей, тысячи велосипедов. Больших успехов достиг коллектив автобусного цеха, которому присвоено звание «Цех коллективной стахановской работы».

На снимке (вверху): новые автобусы «ЗИС» перед отправкой из цеха.

ДЛЯ ГОРЬКОВСКОЙ ГЭС

Ленинградский завод «Электросила» имени С. М. Кирова приступил к выполнению заказов строек пятой пятилетки. Бригада электросварщиков имени Цимлянской ГЭС досрочно сварила корпус гидрогенератора для Горьковской электростанции.

На снимке (внизу): приемщик отдела технического контроля А. Т. Ильин за осмотром корпуса после сварки.

В честь исторического съезда

НАСТУПЛЕНИЕ НАЧАЛОСЬ!

В летописи каждой большой стройки есть знаменательные дни, которые, как рубеж, отмечают начало нового важного этапа работ.

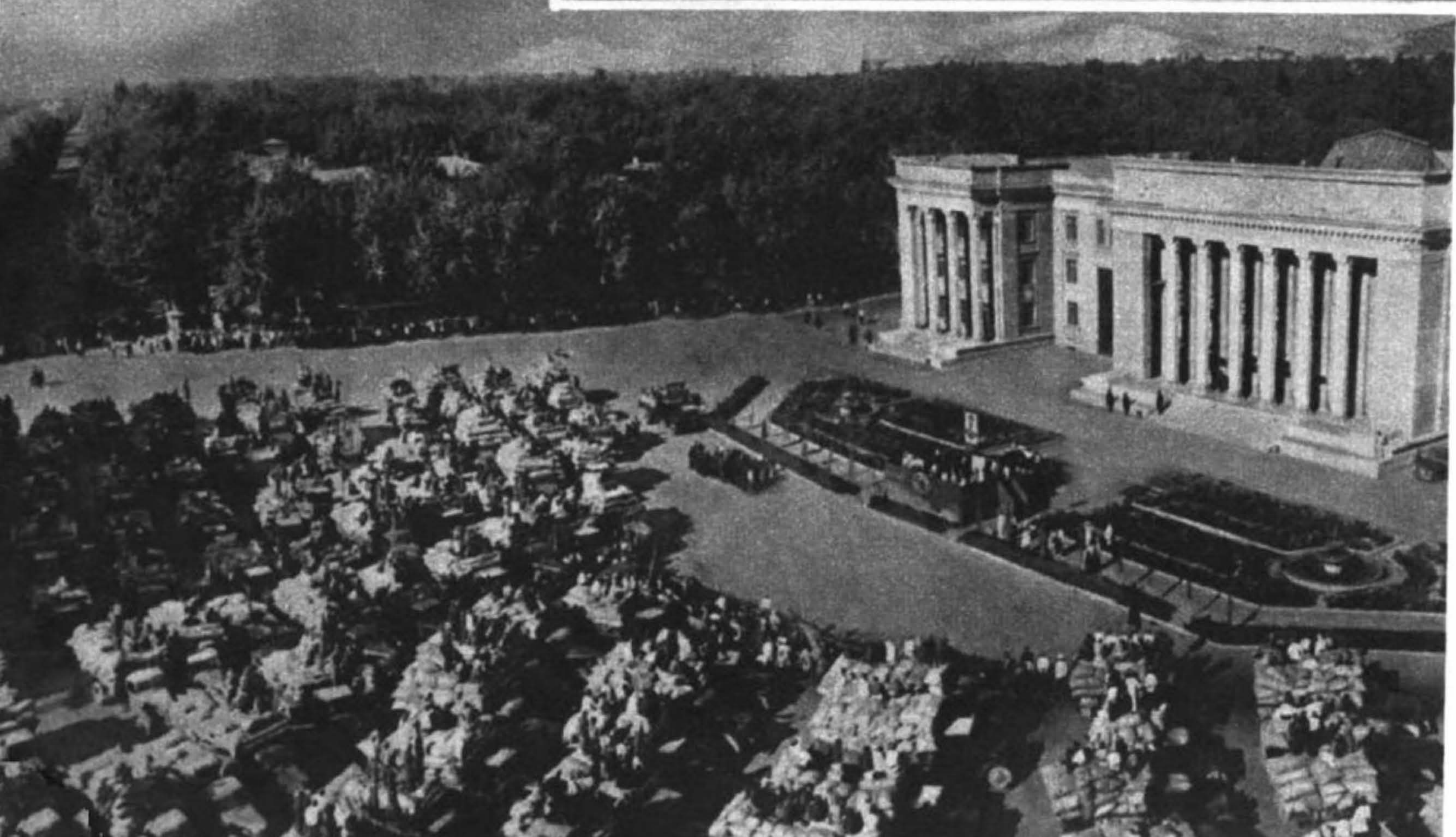
Почти два года вгрызались в грунт Кара-Кумов острые буры, строились у Тахиа-Таша дома, заводы, электростанции, мастерские, прокладывались дороги. Все строители готовились ко дню, когда наконец на трассе канала будут вынуты первые кубометры грунта. Было решено: день этот обязательно должен наступить до открытия XIX съезда партии.

И вот этот день наступил. Почти у самых причалов стоит земснаряд № 303. Его экипаж, прославившийся трудовыми подвигами на Волго-Доне, в предсъездовские дни несет вахту на берегах Аму-Дарьи. С трассы обводного канала уже выброшены первые кубометры пульпы. Наступление началось!

ХЛОПОК НОВОГО УРОЖАЯ

Нет счета машинам, заполнившим просторную площадь у Дома правительства в столице Таджикской ССР. Груженные доверху хлопком нового урожая, они прибыли сюда из колхозов Сталинабадского района на митинг, посвященный красному обозу в честь XIX съезда партии. В этот день на заготпункт было сдано около 300 тонн первосортного хлопка.

ЗВЕЗДА НА ПАРОВОЗЕ

В Каунасском депо Литовской дороги стало традицией вручать бронзовые звезды бригадам лучших паровозов — победителям в социалистическом соревновании. Такая звезда укреплена на правом крыле локомотива старшего машиниста К. Пошкуса. Здесь же, на будке, надпись: «Колонна имени XIX съезда ВКП(б)». Это значит, что коллектив паровоза удостоен чести быть в стахановской колонне имени XIX съезда партии.

Н а с н и м к е (вверху): машинист депо Каунас, инициатор создания колонны имени XIX съезда ВКП(б) Клементас Пошкус.

РАССКАЗ О СТАХАНОВСКОМ ОПЫТЕ

— Поздравляю вас с первой книгой! — с этими словами главный редактор Харьковского областного издательства Владимир Никифорович Гавриленко вручил мастеру Харьковского тракторного завода Тимофею Петровичу Прутскому сигнальный экземпляр его книги «Участок работает поновому».

Книга Прутского вышла в свет накануне XIX съезда партии. Это не только личный подарок коммуниста Прутского съезду. Это подарок всего коллектива участка цеха, где изготавливаются детали трактора.

— Материалом для моей книги послужил стахановский труд строителей тракторов,— говорит автор.— Я счастлив, что книга моя вышла к съезду...

В этом маленьком, но весьма знаменательном событии отражен огромный духовный рост наших людей, выпестованных партией Ленина — Сталина. Сын колхозного конюха Тимофей Прутской пришел на ХТЗ учеником слесаря сравнительно недавно, в 1948 году. За это время неузнаваемо вырос весь заводской коллектив, вырос и Прутской. Сейчас Тимофей Петрович — сменный мастер участка, партгруппорг цеха. Он явился инициатором использования внутренних резервов производства на каждом рабочем месте. Почин мастера нашел горячий отклик на многих предприятиях Харькова. Прутского приглашали то на один, то на другой завод с просьбой рассказать об опыте его участка. Опыт этот он и изложил в своей книге.

МИНСКИЕ ГИГАНТЫ

Могучие двадцатипятитонные автосамосвалы с серебристыми зубрами на капотах моторов теперь широко известны в стране. Заслуженным уважением пользуются они на великих стройках коммунизма.

Сколько дорог исколесили эти трудолюбивые машины, изготовленные на Минском автозаводе! Первый после рождения рейс каждая из них проходит по Могилевскому шоссе. Здесь производится обкатка мощных грузовиков; гул моторов не умолкает с утра до ночи.

Особенно оживленным стало шоссе в предсъездовские дни. Открытие XIX съезда партии создатели большегрузных машин решили ознаменовать выполнением плана одиннадцати месяцев. Уже в середине сентября из заводских ворот вышел первый самосвал в счет ноябрьской программы. Старательной рукой выведено на автомобиле: «Эта машина выпущена сверх плана в честь XIX съезда ВКП(б)».

На снимке: два гиганта-самосвала встретились на Могилевском шоссе.

ДРАГОЦЕННЫЕ КНИГИ

Сравнительно недавно, немногим более десятилетия назад, эти книги были запрещены в Эстонии. Народ хранил их в глубоком подполье, пряча от полиции. Переписанные от руки на тонкой папиросной бумаге, вклеенные между страницами других книг, они жили здесь как вдохновители великой борьбы, как верные друзья, могучее оружие коммунистов-подпольщиков...

Произведения Ленина и Сталина горячо любимы эстонским народом. Высокая честь печатать драгоценные книги выпала на долю коллектива типографии «Пунане Тяхт».

В подарок XIX съезду партии типография задолго до назначенного срока выпускает очередной том произведений Владимира Ильича Ленина.

На снимке: контролеры Сальме Рейсалу (слева) и Гариэтта Виснапу просматривают отпечатанные книги.

Фото В. Евграфова, А. Михайлова, И. Тункеля, М. Реби, Б. Зайцева, Г. Магальника, А. Дитлова, С. Розенфельда, Ю. Добронравова.

ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ НОРМЫ

Комсомолка Клавдия Петрова (на снимке справа) — слесарь-сборщик свердловского завода Энергоремтреста. Ее подарок съезду — стахановская работа на сборке трансформаторов для Сталинградской ГЭС. В эти дни на доске показателей против фамилии Петровой красуется цифра «250».

Интервью «Огонька»

МОГУЧАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ДЕРЖАВА

И. И. ДМИТРИЕВ,
заместитель министра электростанций СССР

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Эти замечательные слова были сказаны Лениным на заре советской власти, в трудное для молодой республики время. Тогда составленный по идее и под руководством Ленина и Сталина план ГОЭЛРО многим казался несбыточной мечтой. Но непреклонна воля, неисчерпаемы силы народа, ведомого Коммунистической партией. По основным показателям план, предусматривавший строительство в течение 10—15 лет 30 электростанций общей мощностью в 1 500 тысяч киловатт, к 1935 году был перевыполнен почти в три раза.

Электрификация страны приобрела исключительный размах. Вслед за первенцами советской электрификации — Каширской, Шатурской, Волховской станциями — были воплощены в сталь и бетон планы строительства Свирской, Днепровской, Зуевской, Сталиногорской, Кемеровской, Нивской, Рионской, Иваньковской, Угличской, Чирчикской, Фархадской и многих других станций. Недавно было отпраздновано открытие Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, в число основных сооружений которого входит Цимлянская ГЭС.

Советская страна стала передовой электрической державой. Уже в 1940 году выработка электроэнергии в 25 раз превышала выработку в царской России. Перед войной электростанции одной только Украины давали энергии больше, чем Швеция, и втрое больше, чем вся Южная Америка.

Фашистские оккупанты нанесли советской энергетике тяжкие раны, превратили в развалины 61 крупнейшую электростанцию.

Основные задачи нового пятилетнего плана, говорил товарищ Сталин в 1946 году, состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах.

Энергетика пострадавших районов была возрождена в кратчайшие сроки. Выработка энергии в 1950 году в этих районах превысила довоенную на 87 процентов. Одновременно по всей стране сооружались новые станции. Особенно значительны наши достижения в развитии гидроэлектростанций. В последнем году четвертой пятилетки они дали электроэнергии в два с половиной раза больше, чем в 1940-м.

В 1951 году, первом году пятой сталинской пятилетки, энергетики добились новых ощутительных успехов. Выработка электроэнергии составила свыше 100 миллиардов киловатт-часов, то есть больше, чем смогли произвести Англия и Франция, вместе взятые. Важнейшее значение получила в СССР теплофикация, бесспорно, занимающая ныне первое место в мире. Следует отметить, что ни Лондон, ни Париж не имеют своих теплофикационных станций.

Гордостью за наш народ, за нашу партию наполняет сердце советского патриота проект директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану. Нам, энергетикам, особенно близки и дороги такие строки проекта директив: «...обеспечить высокие темпы наращения мощностей электростанций в целях более полного удовлетворения растущих потребностей народного хозяйства и бытовых нужд населения в электроэнергии и увеличения резерва в энергетических системах.

Увеличить за пятилетие общую мощность электростанций, примерно, вдвое, а гидроэлектростанций — втрое...»

Прекрасен завтрашний день советской энергетики!

Выработка электроэнергии за пятилетие должна увеличиться на 80 процентов. Таких темпов не знает и не может знать ни одна капиталистическая страна. В 1955 году мы дадим в три с половиной раза больше электроэнергии, чем в 1940-м. Вспомним, что и перед войной Советский Союз, завершив социалистическую реконструкцию, достиг высокого уровня индустриального развития.

Нельзя без радостного волнения читать слова проекта директив: «Ввести в действие крупные гидроэлектростанции, в том числе Куйбышевскую на 2100 тысяч киловатт, а также Камскую, Горьковскую, Мингечаурскую, Усть-Каменогорскую и другие общей мощностью 1916 тысяч киловатт. Осуществить строительство и ввести в действие линию электропередачи Куйбышев — Москва.

Развернуть строительство Сталинградской и Каховской гидроэлектростанций, начать строительство новых крупных гидроэлектростанций: Чебоксарской на Волге, Воткинской на Каме, Бухтарминской на Иртыше и ряда других.

Начать работы по использованию энергетических ресурсов реки Ангары для развития на базе дешевой электроэнергии и местных источников сырья алюминиевой, химической, горнорудной и других отраслей промышленности».

За лаконичными фразами проекта директив — творческий труд советского человека, участника великой армии строителей коммунизма, преодолевающей все преграды и препятствия, уверенно идущей к своей цели.

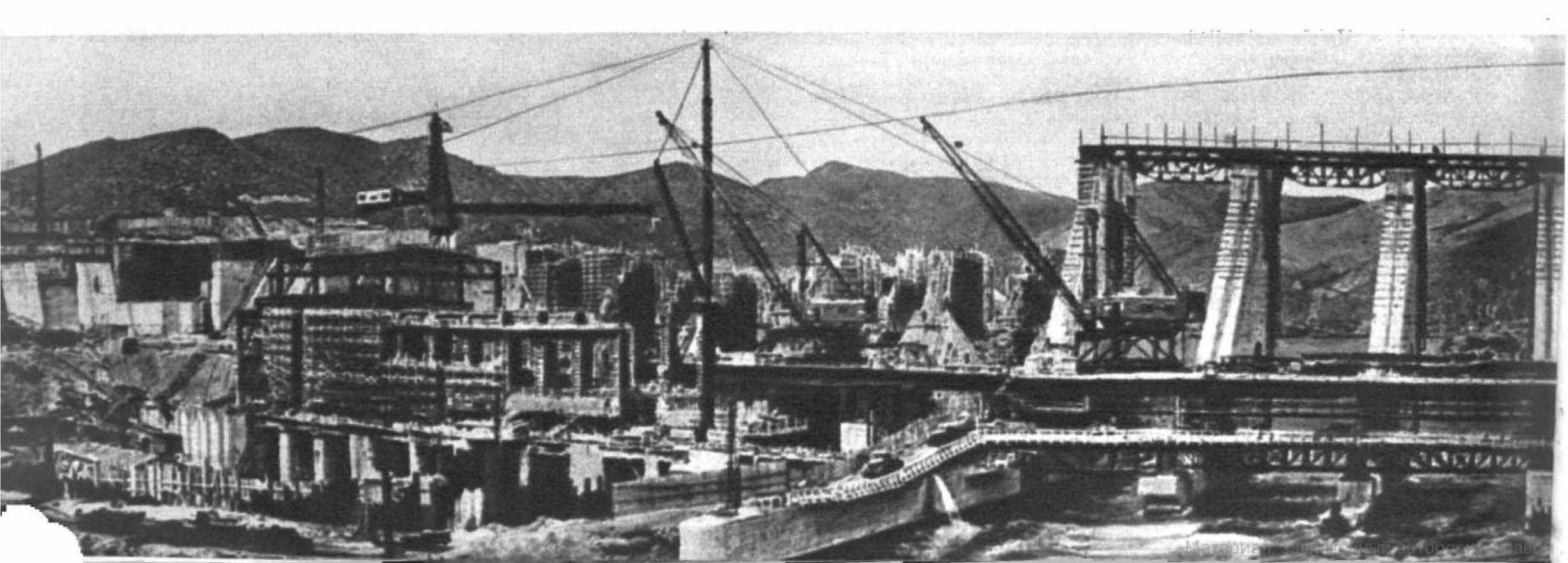
Завтрашний день советской энергетики — это Куйбышевская и Сталинградская ГЭС. Они позволят более эффективно использовать неисчислимые богатства обширнейшего края, обеспечат устойчивые урожаи в районах Поволжья и дадут дополнительно миллионы гектаров земли для развития полеводства и скотоводства. Куйбышевская и Сталинградская плотины поднимут воды Волги на 25—26 метров, а затем по самотечным каналам и с помощью насосных станций направят их для орошения и обводнения свыше 13 миллионов гектаров земли. Около 20 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год будут получать промышленность, транспорт, сельское хозяйство после того, как обе станции начнут работать.

С каждым месяцем все более широким фронтом развертывается строительство Каховской гидроэлектростанции. Гидроузел расположится в 10 километрах ниже города Каховки. На левом берегу реки поднимется здание станции. В 200 метрах от него соорудят шлюз. Строители прилагают все усилия к тому, чтобы еще в нынешнем году начать укладку бетона в основные сооружения.

Тысячи километров отделяют Днепр от Камы, где многочисленный коллектив строителей сооружает гидростанцию у города Молотова. Она позволит еще лучше использовать гидроэнергетические ресурсы реки.

Камская гидроэлектростанция по примеру Куйбышевской, Сталинградской, Каховской сооружается с учетом последних достижений советской техники. ГЭС объединит ряд сложных сооружений, которые значительно поднимут уровень воды. Страна помогает строителям

На строительстве Усть-Каменогорской станции.

выполнить колоссальный объем работ. Для этой цели сюда доставлены самые совершенные отечественные механизмы.

Вслед за тем на Каме начнется строительство Воткинской гидростанции, которая даст еще больше электроэнергии, чем Камская.

Трудно переоценить значение этих двух гидростанций в энергоснабжении бурно растущей промышленности Урала.

Завтрашний день советской энергетики принесет нам Горьковскую и Мингечаурскую станции. Волга и Кура... И здесь и там с одинаковым упорством трудятся советские люди, стремясь выиграть дни и часы, опередить график.

Чтобы дать представление о масштабах Горьковской гидроэлектростанции, назову некоторые цифры. По главным сооружениям гидроузла надо выполнить 30 миллионов кубометров земляных работ, уложить 1 300 тысяч кубометров бетона и железобетона, смонтировать 17 тысяч тонн металлоконструкций. Строители работают в сложнейших геологических условиях. Пришлось применить замораживание котлована под здание ГЭС, применить грунтовой водоотлив.

Мингечаурская ГЭС — крупнейшее гидротехническое сооружение Закавказья. Ее энергии ждут промышленные предприятия Азербайджана, засушливые земли Кура-Араксинской низменности. Плотина Мингечаурской ГЭС образует водохранилище емкостью в миллиарды кубометров.

Необъятны пространства нашей Родины, животворен преобразующий труд народа. Не узнать теперь прежних глухих, неосвоенных мест. Великий русский писатель Чехов, совершая поездку по Сибири, всюду видел нищету, произвол царских чиновников. Но он верил в силы народа. Любуясь сибирскими реками, глядя на их быстрые воды, Чехов мечтал о будущем. Он думал о том, какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега. Она пришла, эта жизнь, в советское время. Не та нынче Сибирь, что прежде. Гигантская сила ее рек ставится советской властью на службу народу.

Грандиозный план пятой сталинской пятилетки включает использование энергетических ресурсов Иртыша и Ангары.

Усть-Каменогорск на Иртыше! Пятидесятиградусные морозы не помешали советским людям сооружать эту гидроэлектростанцию, которая окажет огромное влияние на развитие горнорудной промышленности, на общий подъем культуры всего края. В комплекс гидроузла входят: массивная бетонная плотина, здание станции, где установят мощные агрегаты, и шлюз, способный пропускать большие суда. В ближайшее время станция даст первый промышленный ток.

Не за горами строительство Бухтарминской станции на Иртыше. Узкое ущелье даст возможность соорудить здесь высокую плотину. Образуется водохранилище объемом около 30 миллиардов кубометров. Электроэнергия Бухтарминской ГЭС даст жизнь многочисленным заводам и фабрикам.

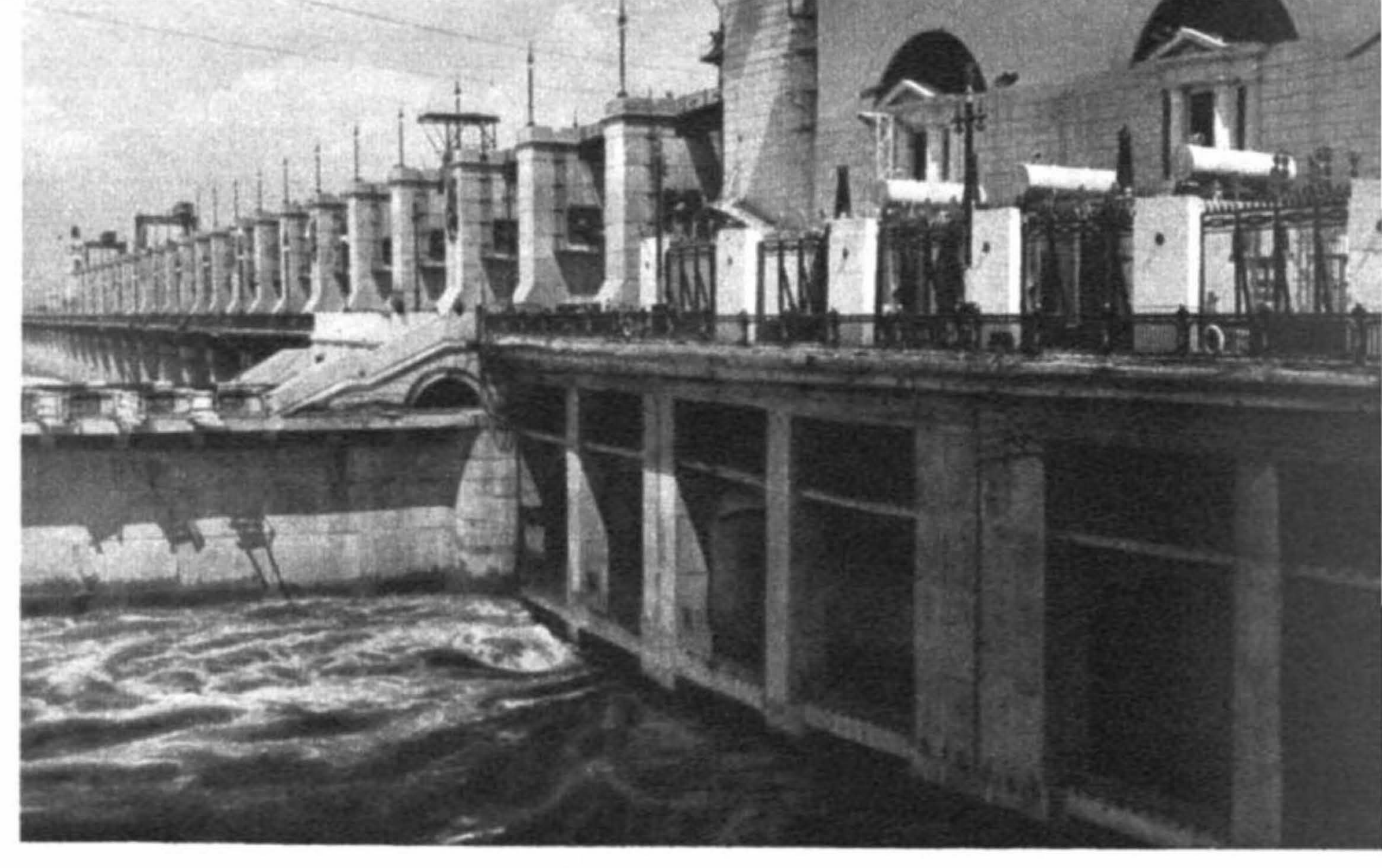
Ангара, река, овеянная поэтическими легендами...

На ее берегах будет сооружена крупная гидроэлектростанция. Несмотря на суровый климат, условия благоприятствуют строителям: основанием станции послужат скалы. Многие материалы, в частности лес, имеются на месте в неограниченном количестве. На работах будут применены четырех- и десятикубовые экскаваторы, двадцатипятитонные самосвалы.

Обузданная твердой рукой советского человека, Ангара даст возможность использовать огромные богатства сибирских недр. Руда, алюминий, химикаты во все возрастающем количестве пойдут из Сибири.

Будущее советской энергетики — это значительный рост электроснабжения Урала, Донбасса, Кузбасса, ряда других промышленных центров, решительное увеличение выработки электроэнергии в Прибалтике, где будут построены Нарвская, Каунасская ГЭС и Рижская теплоэлектроцентраль.

Знакомясь с проектами наших новых станций, вспоминаешь сталинские слова о том, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики.

Цимлянская ГЭС.

Из года в год будет возрастать роль электричества в быту трудящихся. Десятки и сотни электроцентралей, тысячи километров линий электропередачи, систематическое внедрение автоматики и телемеханики, электрификация транспорта и сельского хозяйства — таковы характерные черты и особенности советской энергетики в пятой сталинской пятилетке.

Объем предстоящих работ на ближайшие годы чрезвычайно велик. Если в прошлом году мы выполнили 68 миллионов кубометров земляных работ, то в 1955 году будет выполнено 160 миллионов кубометров. Бетона в первом году пятой пятилетки уложено около 2 миллионов кубометров, а в 1955 году предстоит уложить почти 5 миллионов. В 1951 году изготовлено и смонтировано 150 тысяч тонн металлических конструкций, а в 1955-м намечено изготовить и смонтировать 420 тысяч тонн. Выполняя поставленные товарищем Сталиным задачи, энергетики непрерывно наращивают темпы. Их не удовлетворяют достигнутые результаты. Вместе со всей многомиллионной армией работников народного хозяйства они стремятся к завоеванию новых высот.

Развиваемая по единому государственному плану, в котором все звенья тесно связаны между собой, советская энергетика представляет собой разительный контраст капиталистической. В США, Англии, Франции энергетика служит целям наживы хищных монополий, порабощения трудящихся, подготовке третьей мировой войны. Средств, ежегодно ассигнуемых правительством США на вооружение, с избытком хватило бы на строительство электростанций мощностью во много миллионов киловатт. Заправилы капиталистических монополий неизменно срывают проекты энергетиков, направленные на благо широких масс населения. В области электрификации, как и во всех других областях народного хозяйства и культуры, сказывается неизмеримое, коренное превосходство советского общественного строя над капиталистическим.

Вся страна участвует в сооружении электростанций, демонстрируя непоколебимую решимость народа выполнить пятую сталинскую пятилетку. В величественных планах создания мощных энергетических систем заложены мудрость нашей партии, героизм миллионов советских людей.

ДЛЯ СТРОЕК ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

«Считать особо важной задачей в машиностроении полное обеспечение оборудованием электрических станций...»

Так говорится в проекте директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану. Это указание воспринято коллективом завода «Уралэлектроаппарат» как боевое задание Родины. В ближайшие годы завод должен изготовить основное энергетическое оборудование для волжских гидроэлектростанций: уникальные гидрогенераторы, сверхмощные масляные выключатели, всевозможные машины и приборы высшего класса.

На снимке: стахановцы комсомольско - молодежной бригады В. Доставалов (вверху) и В. Панкратьев за сборкой больших масляных выключателей. Молодые рабочие несут стахановскую вахту имени XIX съезда партии. Каждый из них выполняет по две с половиной нормы в смену.

Фото Ю. Добронравова

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

«Большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки», — так писал Владимир Ильич Ленин Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому Комитетам РСДРП 25 — 27 сентября (по новому стилю). С этих дней и вплоть до самого Октября вождь пролетарской революции нацеливал большевистскую организацию на вооруженное восстание. Вслед за упомянутым письмом он вновь обратился к Центральному Комитету РСДРП; те же мысли были развиты им в статье «Задачи революции» (9—10 октября), в письме председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии и, наконец, в статье «Кризис назрел», большая часть которой была опубликована 20 октября в газете «Рабочий Путь», а заключительная, VI глава предназначалась для раздачи членам ЦК, Петроградского и Московского Комитетов и Советов.

Это были решающие дни перед бурей. Большевики возглавляли активное большинство революционных элементов народа в Петрограде и в Москве, и этого было достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. «Большинство народа *за* нас», — утверждал Ленин. С гениальной прозорливостью он видел доказательства своей правоты в самых разных явлениях народной жизни, находил объективные предпосылки успешного восстания.

За семь месяцев после февральской революции в стране с преобладающим крестьянским населением не было сделано ничего для уничтожения кабалы крестьян! Под давлением фактов это были вынуждены признать даже вожди эсеровской партии. Мародерство капиталистов достигало невиданных размеров, они умышленно останавливали производство. Измученному народу, жаждавшему мира, твердили о необходимости продолжать войну, в то же время пытаясь использовать войска против движения масс.

Назрел момент, когда восстание было поставлено в порядок дня. Владимир Ильич говорил о трех условиях, которые обеспечивают успешность восстания: оно должно опираться на передовой класс; оно должно опираться на революционный подъем народа; оно должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Эти условия в тот период были налицо!

В те же дни товарищ И. В. Сталин в статьях, опубликованных в «Рабочем Пути», полностью разделял ленинские взгляды.

«...Не ясно ли само собой, — писал товарищ Сталин, — что только в борьбе с помещиками и капиталистами, только в борьбе с империалистами всех мастей, только борясь и побеждая их, — можно будет спасти страну от голода и разрухи, от хозяйственного истощения и финансового краха, от развала и одичания?

И если Советы и Комитеты оказались главными оплотами революции, если Советы и Комитеты победили восставшую контрреволюцию, — не ясно ли из этого, что они, и только они, должны быть теперь основными носителями революционной власти в стране?»

Ленину и Сталину пришлось выдержать напряженную борьбу со штрейкбрехерами революции, подлыми предателями, нанесшими удар в спину партии. Письма Владимира Ильича обсуждались на заседании Центрального Комитета партии большевиков. Каменев, выступая против директивных указаний о вооруженном восстании, предлагал скрыть их от партии и все экземпляры ленинских писем уничтожить. Товарищ Сталин дал отпор предательскому выступлению Каменева. По предложению товарища Сталина, эти письма были разосланы по крупнейшим организациям большевистской партии.

В это время, стремясь ослабить нарастающий революционный подъем, меньшевики и эсеры созвали Всероссийское демократическое совещание из представителей социалистических партий, соглашательских Советов, профсоюзов, земств, торгово-промышленных кругов и воинских частей. Совещанием был выделен Предпарламент. Соглашатели думали таким путем приостановить революцию, перевести ее на путь буржуазного парламентаризма. Но это была безнадежная попытка.

Каменев и Зиновьев и на этот раз пытались, участвуя в Предпарламенте, отвлечь партию от подготовки к восстанию.

Но ЦК партии большевиков решил бойкотировать Предпарламент, так как даже кратковременное участие в нем могло посеять обманчивые надежды, будто подобный «выкидыш корниловщины», как назвал его товарищ Сталин, действительно мог что-то сделать для трудящихся.

«Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту», — писал Владимир Ильич. Но, говоря о вооруженном восстании, Ленин неустанно напоминал слова Маркса о том, что к восстанию надо относиться, как к искусству. До мелких подробностей великий вождь революции разрабатывал план восстания: использование воинских частей, флота и красногвардейцев, организация штаба, распределение сил, захват телефона и телеграфа, посылка агитаторов и т. д.

Когда пробил исторический час, большевистская партия под непосредственным руководством Ленина и Сталина осуществила величайший переворот, открывший новую эру в истории человечества.

Первая страница газеты «Рабочий Путь» № 30, 20 (7) октября 1917 г., в которой напечатана статья В. И. Ленина «Кризис назрел».

Партийный билет

Владимир СОЛОУХИН

По Владимирке пыльной в суровые дни
Уходили не я и не мы, а они.
И жандармы, то грязь, то морозы кляня,
Уводили на долгую смерть не меня.
В Петербурге убийство сигналил рожок.
Над Байкалом устало кружился снежок.
В рудниках под ремень подступала вода.
Я партийный билет получал не тогда.

Подо мною в бою не убили коня.
В паровозной утробе сожгли не меня.
И, когда эшелоны к Царицыну шли,
Не глодал я макуху чернее земли.
Я не падал в разводья кронштадтского льда.
Я партийный билет получал не тогда.

Трижды ранен, устал и насквозь пропылен,
В Сталинграде не я подымал батальон.
И не я, оборвав своей жизни полет,
Захлебнуться заставил чужой пулемет.
Только очень уж был он похож на меня,
Кто упал на дрожащие вспышки огня,
Может, было нам поровну солнца и лет.
У героя пробит комсомольский билет.
Над могилой героя ночная звезда.
Я партийный билет получал не тогда.

Я партийный билет получал не тогда.
Тяжелела рука, подходили года.
Над Москвой, над страной, над землей тишина.
Перекличка гудков паровозных слышна.

Я сейчас получаю партийный билет.
Коммунист умирает, но партия — нет!
Где-то новая смена уходит в забой.
Голубеет рассвет. Продолжается бой.
Снова фронт: Сталинград, Ангара и Узбой.
На земле продолжается радостный бой.
Ну, а если...
Нужны ль мне различия знаки,
Чтоб отряд комсомольцев поднять для атаки?
Это право святое, доверие это
Мне вручается вместе с партийным билетом.

Старый мастер Федор Семенович Васильев и молодой слесарь Владимир Матросов представляют два поколения путиловцев. Сегодня у них был большой задушевный разговор. Владимир Матросов вступает в Коммунистическую партию. Федор Семенович, пять лет присматривавшийся к юному слесарю, дает ему рекомендацию. «За тебя спокоен, доверие оправдаешь»,— говорит мастер, вступивший в партию на том же заводе четверть века назад.

Фото С. Фридлянда

Московские предприятия встретили XIX съезд партии новыми успехами. Высоких показателей достиг коллектив завода малолитражных автомобилей. Кузовной цех № 2 — цех отличного качества. Цеховое партбюро заслушало отчет начальника отделения коммуниста В. В. Корсика. На снимке: заседание партийного бюро. Слева направо: секретарь партбюро И. К. Меняйлов, партгруппорг старший диспетчер цеха М. Ф. Трофимова, партгруппорг наладчик С. Н. Кулаков, мастер участка В. Н. Гнитеев, партгруппорг слесарь К. П. Степанов, начальник отделения В. В. Корсик и партгруппорг механик цеха М. А. Евтушенко.

Фото Б. Дмитриева

Особая закалка

Я. ФОМЕНКО

Фото Дм. Бальтерманца

На место сбора демонстрантов Семен Алексеевич Севастьянов пришел, когда там никого еще не было. Исхоженная вдоль и поперек улица, обычно оживленная в эти часы, показалась ему незнакомо-скучной. В будни она выглядела куда веселее. А сейчас тихо, пустынно, никакого движения.

Одно только солнце весело трудилось: стирало темные пятна ночной росы с асфальта, заглядывало в окна и матерински-нежным прикосновением ласковых своих лучей будило улыбающихся во сне детей.

Севастьянов зашел в партком, а затем в главную контору. Спустя несколько минут, выйдя на улицу, он увидел ее совершенно преображенной. На мостовой в кругу рабочих стояли директор завода А. И. Воробьев, секретарь парткома В. Ф. Когтева. Блестел трубами оркестр. Комсорг цеха Саша Бургов сновал в толпе молодежи — наставлял песенников. Изо всех переулков к сборному пункту стекались люди. Тишины как не бывало.

Колонна быстро оделась в живописный наряд стягов и знамен. Севастьянов отошел на тротуар, чтобы со стороны окинуть взглядом выстроившихся демонстрантов.

Вот он, могучий коллектив краснопролетарцев! В голове колонны, высоко подняв над землей эмблему завода, стоят лучшие стахановцы — отборная трудовая гвардия. Сразу же за ними — родной первый механический...

«Эх! Нет Николая Никитовича,— вспомнил Севастьянов о секретаре партбюро, которого временно замещал. — Полюбовался бы, сразу полегчало. Не случилось ли чего с ним?»

Тревожная мысль кольнула сердце. Севастьянов сошел на мостовую и, словно пытаясь заслониться от привязавшегося беспокойства, занял место в строю. Избавиться от возникшего опасения удалось не сразу, и, когда грянул оркестр, Семен Алексеевич не мог взять ногу и с минуту шагал невпопад.

Чем ближе Кремль, тем гуще людской поток. Так частицы металла, стремясь к магниту, уплотняются у центра притяжения.

Близится момент, когда первые ряды краснопролетарцев должны вступить на Красную площадь. Люди приосаниваются. Вот сейчас они — рядовые и командиры трудовых подразделений, партийные и непартийные — пронесут перед Сталиным свою рабочую славу. Их слава в цифрах, выведенных на ярких транспарантах. Она в десятках тысяч станков, какими краснопролетарцы снабдили тысячи социалистических заводов. Она в именах людей, выпестованных и закаленных в труде, в борьбе за индустриализацию Родины. Из среды этих людей вышел Аркадий Воробьев, директор-коммунист, депутат Верховного Совета РСФСР, один из первых стахановцев первых сталинских пятилеток. В их среде выросли 34 лауреата Сталинских премий. В их рядах сотни талантливых конструкторов, рационализаторов, новаторов техники и организации производства.

Семен Алексеевич увидел, как первые ряды стахановской колонны начали подъем у Исторического музея. Вот и сам он почувствовал, будто поднимается со ступеньки на ступеньку — все выше и выше. Ему уже виден полированный гранит Мавзолея, а затем трибуны.

— Как лучше сделать, товарищи? — часто обращается с таким вопросом к секретарю партбюро Н. Н. Семенову (слева) и его заместителю С. А. Севастьянову (в центре) комсорг Саша Бургов.

Как всегда, у самого Мавзолея движение замедлилось. Всем хотелось продлить быстротечные минуты, когда перед глазами проплывали образы людей, олицетворяющих величие страны и партии. До слуха Семена Алексеевича донеслось:

— Привет нашим славным станкостроителям!

Не раз слышанные простые слова взволновали и растрогали.

По дороге домой Севастьянов вновь вспомнил про Николая Никитовича и решил сегодня же зайти к нему.

* * *

Это произошло еще в марте. Секретарь партбюро цеха Николай Никитович Семенов выбыл из строя. Ночью его увезли в клинику.

На вопросы товарищей: «Как Семенов?» — Севастьянов сперва отвечал:

— Выживет...

Потом скрепя сердце пришлось говорить:

— Трудно гадать. Врачи заявляют, что положение серьезное.

Еще через некоторое время разнесся слух, что Николай Никитович безнадежен. И это было близко к истине.

Общее мнение врачей было таково: шансов на выздоровление почти нет. С этим выводом не мирились те, кто считал, что Семенов им нужен, а поэтому должен жить. Это были его друзья, товарищи по партии, по труду — коллектив.

Операция закончена. Заслуженный профессор-хирург дежурил у койки больного. Все средства, какие давала в его руки медицина, весь опыт, каким он обладал, профессор применил, чтобы вырвать больного у смерти. Профессор проверяет пульс, не отрываясь, смотрит на безжизненное лицо пациента. Плохо...

Но вот... Нет, ему не показалось. Щеки больного чуть-чуть порозовели. Этого достаточно, чтобы сказать: будет жив!

И Семенов остался жить. Первым, кого он узнал, придя в себя, был профессор. Словно сквозь сон Семенову слышалось:

— Ну, батенька, помучили вы нас, зато и порадовали. Редчайший случай, осмелюсь вам доложить. Редчайший! Особая какая-то закалка.

Повернувшись к ассистенту, профессор добавил:

— Классический пример, когда моральное состояние решило исход борьбы с физическим недугом.

Накануне Первого мая, в день выхода из больницы, Николай Никитович пришел на завод. Товарищи обрадовались, жали руку «воскресшему из мертвых», а затем возмутились, отругали и отправили домой.

Прощаясь, Николай Никитович обещал Севастьянову обязательно придти посмотреть первомайскую колонну. Семен Алексеевич знал: раз Николай Никитович сказал, значит, придет. Но вот не пришел...

Тревожился Севастьянов напрасно. Хозяин встретил его бодрым возгласом:

— Вот молодец, что пришел! С праздником!

Семенов признался: не пришел потому, что побоялся, как бы товарищи вновь не отругали за легкомыслие.

* * *

Наступила вторая половина мая.

Привычной дорогой шел Семен Алексеевич на завод. На тротуарах кое-где стояли лужицы. Погода испортилась. Сырой, неприятный ветер срывал с деревьев и крыш холодные капли воды и зло бросал в лицо.

Погода, однако, мало занимала Севастьянова. Он думал о другом: как все же получилось, что цех сдал темпы? В апреле, да и раньше, все участки шли вровень, все сверх плана. Теперь же, если изобразить итоги в виде кривой, получится нечто вроде кардиограммы ослабленно пульсирующего сердца.

Цифры подавали сигнал неблагополучия. Севастьянову же, партийному руководителю, надо было знать больше, заглянуть в скрытые за цифрами причины, вызвавшие нарушение пульса производства. То, что показывали цифры, надо было перевести на язык человеческих настроений, желаний, чувств.

Токарь-скоростник лауреат Сталинской премии Виктор Шумилин со своим новым сменщиком Владимиром Мироедовым.

Вспомнилось, как во время первомайской демонстрации, расстроенный отсутствием Семенова, он не мог попасть в ногу и шагал врозь с другими. То же, очевидно, происходит с людьми отстающих звеньев производства. Они шагают не в ногу и нарушают строй. А причина?

Севастьянов стал перебирать факты. Были задержки со снабжением материалами. Случались они и раньше, а серьезных заминок не вызывали. Парторги и коммунисты-станочники поднимали тревогу. Хозяйственники быстро принимали меры, и все входило в норму. Подача инструмента? Конечно, и тут не без греха — и раньше и теперь. Но раньше, стоило появиться малейшей шероховатости — люди спохватывались, замешкавшийся было заведующий кладовой, коммунист Мухин, ловил на лету критику в свой адрес, и все становилось на место.

Сильное это средство — контроль партийной организации и критика! Но вот почему партгрупорги Букреев и Громаков в последнее время очень хладнокровно относятся к разного рода «происшествиям»?

Севастьянов искал подходящие слова, чтобы подвести итог своим размышлениям, и не находил ничего более правильного, чем обязывающая к немедленным действиям, принятая партией для оценки подобного рода явлений формулировка: самоуспокоенность. Опыт партии давал ключ для раскрытия внутренних причин благодушного отношения людей к недостаткам. Да, люди успокоились. Не все, нет! Таких меньшинство. Но разве можно настроение коллектива измерять процентами?

Права Шептицкая! Прав Матвеев! Они — партгруппорг пятого участка Анна Шептицкая и мастер-коммунист того же участка Александр Матвеев, человек большого жизненного опыта и неусыпной партийной совести,— пожалуй, первыми из всех коммунистов заметили, откуда повеяло «холодком».

Коммунистам пятого участка, казалось, меньше, чем остальным, надо беспокоиться. Их коллектив впереди всех. Идя на собрание партийной группы, некоторые из членов партии и не предполагали, что разговор прямым образом коснется их самих, а не кого-либо иного. Виктор Шумилин, известный всей рабочей Москве токарь-скоростник, лауреат Сталинской премии, откровенно говоря, не ожидал, что товарищи предъявят к нему какие-либо серьезные претензии. Нечего греха таить, ему казалось, что его имя, его слава, его прежняя, да и теперешняя работа оградят его от нареканий и упреков. Норму он выполнял — не худо бы всем так. В апреле, правда, процент был гораздо выше. Но у многих он был выше: предпраздничный подъем. Все шли в гору, соревновались за первое место в праздничной колонне.

Помнится, Шумилин сперва рассеянно слушал, что говорила Шептицкая: «Коммунисты сквозь пальцы смотрят, как нарушается дисциплина. В апреле работали куда лучше. Забыли, что программу выполнить мало. Есть обязательства по соревнованию. Дали слово — надо держать. А что получается?»

Группарторг на секунду умолкла, собираясь, очевидно, с мыслями. Рассеянность Шумилина исчезла. Интересно, что будет дальше: глаз у парторга зоркий, ум сметливый, язык острый.

В следующую секунду лицо Шумилина залилось краской. Виктор сделал над собой усилие, стараясь сохранить прежнюю небрежно-спокойную позу и сдержать готовую сорваться протестующую реплику. Глядя в упор, Шептицкая назвала его фамилию, напомнила, как еще совсем недавно завод гордился токарем Шумилиным, как товарищи радовались, когда Виктор стал лауреатом Сталинской премии. Почему же теперь приходится от беспартийных выслушивать укоры в попустительстве Шумилину? Почему коммунист Шумилин считает для себя не обязательными замечания мастера, его помощника, диспетчера и в рабочее время собирает вокруг себя любителей смешных историй и побасенок? Приятно ли наблюдать, что прославленный токарь-скоростник сдал позиции, трудится не в полную меру своего таланта? Пусть коммунист Шумилин задумается над тем, что говорят товарищи, как бы горько ни было ему слушать критику. Зазнайство к добру не приводит.

В глубине души Шумилин сознавал, что многое, о чем говорит парторг,— правда. Присущая ему честность не позволяла отрицать названные Шептицкой факты. С одним он не мог согласиться — с обвинением в зазнайстве. Он предпочел бы, чтобы его выругали на чем свет стоит, готов был сию же минуту обещать товарищам исправить все, что они считали неверным в его поведении, и сделал бы это искренно, без обиды и фанаберии. Виктор сам чувствовал себя в последнее время не в своей тарелке, инстинктивно улавливал нарушение ставших было привычкой норм поведения. Но... зазнайство?! Чересчур тяжкое обвинение!

Виктор переводил взгляд с одного лица на другое, ища если не поддержки, то хотя бы сочувствия. Ни того, ни другого он не увидел, как не увидел он и неприязни. Он прочел на лицах товарищей сожаление, дружеское понимание трудности его положения и желание помочь ему. Хотя выступавшие после Шептицкой коммунисты, особенно помощник мастера Голубцов, говорили так же требовательно, в самой непримиримости их сквозила та неподдельная, строгая доброта соратника, которая больше помогает, чем либеральное сочувствие приятеля.

Подумай тогда Шумилин более серьезно — как он сделал это впоследствии наедине с самим собой,— ему надо было бы без всяких оговорок принять помощь товарищей и сделать решительный вывод, который ему подсказывали. Возможно, не хватило мужества, а возможно, молодость тому была виной, он не сказал прямо: да, товарищи, оплошал, правду вы говорите! Он признал факты и стал доказывать, что их значение сильно преувеличено и судить по этим фактам о нем, как о зазнавшемся человеке, нет оснований.

В последующие дни от полупризнания Шумилин пришел к полному признанию ошибочности своей позиции и на деле показал это. Все заметили перемену в его поведении. К нему вернулось упорство в труде. С чувством хорошей ревности мастера-учителя он следил, как работает его сменщик и бывший ученик комсомолец Анатолий Ярилин, не обижался, когда тот вырабатывал иногда больше. В этом он видел и свою заслугу и деловую критику собственной работы. Анатолий добился большего,— значит, Шумилину надо тянуться, значит, упорнее надо искать новое, чтобы не отстать.

...Семен Алексеевич зашел в цеховую контору. Комсорг Саша Бургов подал ему свежий номер заводской многотиражки:

— Опять нас критикуют. И здорово!

— Хорошо делают.

Второй раз многотиражка брала под обстрел первый механический. Третьего дня она назвала участки мастеров Конкина и Белова. На этот раз от лица монтажников газета предъявляла счет всему коллективу цеха. Из-за нехватки деталей задерживалась сборка станков.

— Надо созывать коммунистов! — сказал Севастьянов, прочитав заметку.

В разгар подготовки собрания вышел на работу оправившийся после операции Семенов. Ему предстояло с хода ввязаться в бой за восстановление былой славы цеха и доброго имени партийной организации.

* * *

Николай Никитович просматривал список коммунистов и с удовлетворением подчеркивал толстым синим карандашом фамилии отлично закончивших в минувшем году партийную учебу. Саша Бургов сидел напротив и щелкал костяшками счетов.

Через застекленную перегородку доносился гневный голос:

— Вы залезли в карман государства! Понимаете это или нет? Пять лет вас кормили, одевали, обували, учили. А вы что делаете? Неделю на заводе — и прогул. Где ваша совесть? Где ваша благодарность?

Николай Никитович оторвался от списка. Саша Бургов, держа в руках объемистую пачку денег — членские взносы, — прислушался и произнес:

— Интересно, кого это «закаляют»?

...У стола начальника цеха стоит длиннолицая девушка. Густые темные волосы ее спутаны и беспорядочными космами падают на плечи.

Неряшливый вид ее вызывает у начальника цеха еще большее раздражение, но он сдерживается и уже не так громко, но с прежней силой возмущения выносит решение:

— Будете перед товарищеским судом отвечать! Понятно? Как людям в глаза смотреть — подумали об этом?

Девушка молчит. Она, кажется, не видит ничего, кроме замасленного кончика пояса халата, мнет его нервно вздрагивающими пальцами и... молчит.

Умолкает и начальник цеха. В кабинет входит мастер.

— Вот, кстати, товарищ Козюткин. Возьмите к себе вот эту... Попробуем, может, исправится. Вы слышите? — обращается он снова к девушке.— Да подымите вы глаза!

Девушка еще ниже склоняет голову.

— Вот человек! Вам же добра желают. Пора за ум взяться. Посмотрите пойдите, как работают Олег Саранцев, Анатолий Ярилин, Нина Юшина, Настя Малютина. Не старше вас, а многому могут поучить. Все! Можете идти!

Мастер вдруг заупрямился.

— Виктор Алексеевич! Не возьму я ее. Вы знаете: раковина самые закаленные резцы ломает. А что такое раковина? Пустота. Вот и это — пустое место.

Теперь начальник цеха возмущен мастером:

— Вы что же? Хотите готовеньких стахановцев получать? Подрумяненных со всех сторон? Как пончик? Вот ее надо сделать стахановкой. Такую вот непричесанную. А вы смотрите,— он заметил, что девушка подняла наконец глаза,— подведете меня — пеняйте на себя.

Дверь не успела закрыться, как раздается ломкий юношеский басок:

— Можно к вам, товарищ начальник? — И в комнату входит паренек в ладном комбинезоне.

— Тоже прогулял?

— Я? Нет. Не успел. Из соседнего цеха к вам хочу перевестись. Мне бы к Матвееву определиться, Александру Ивановичу.

— Ишь ты! — поражается Виктор Алексеевич.— Даже по отчеству знаешь? А почему к Матвееву?

— Больно хвалят его ребята.

— Голубей гонял?

— Голубей? — От удивления басок у паренька пропадает, и он переспрашивает уже мальчишеским альтом: — Голубей? — И, решив, что занятие голубями будет сочтено за признак

несолидности, отрицательно кивает головой: — Нет, не гонял.

— Напрасно! Люблю голубятников. У меня их полцеха. Озорной народ, зато смышленый. Я сам когда-то, знаешь, как увлекался!

Паренек получает бумажку с просьбой о переводе, просветленно глядит на начальника цеха и уже в дверях бросает:

— Посмотрю, какие у вас голубятники!

Когда Семенов вошел в кабинет начальника цеха, на лице Виктора Алексеевича Романова, точно отсвет воспоминаний детства, блуждала улыбка, с которой он проводил паренька в ладном комбинезоне.

— Утвердили нашего молодого пропагандиста,— сообщил новость Николай Никитович.

— Солдатова?

— Да. Ты знаешь, зачем я, собственно, зашел? — начал Семенов.— Надо нам серьезно заняться учетом обязательств в честь XIX съезда, заранее подумать кое о чем...

После памятного для всех собрания в начале июня первый механический цех уверенно пошел в гору. Майская заминка вспоминалась как поучительный урок. Коммунисты еще раз на собственном опыте познали, как опасна успокоенность и как велики возможности рабочего коллектива, если он ясно видит и сильные и слабые стороны своей трудовой жизни.

Программу в мае цех выполнил, но полного удовлетворения это людям не принесло, так как были еще отстающие участки, глядевшие в спины ушедших вперед. Надо было подтягиваться по всем швам, «войти в график», как говорили технологи и планировщики, «подобрать хвосты», как сформулировали задачу рабочие.

Подчистили «хвосты» в июне. Честь и слава стахановского цеха были восстановлены. Монтажники перестали жаловаться на нехватку деталей. Наоборот, они теперь чувствовали, что соседи наступают им на пятки, подталкивают вперед.

Романов установил для себя порядок — в начале рабочего дня «смотреться в зеркало». Так он называет свои утренние визиты в сборочный цех. И если «зеркало» показывало какой-либо «прыщик» или «царапину» на «физиономии» цеха, приступал к «массажу».

Часто после посещения сборочного цеха Романов заглядывал в партбюро и встречал там парторга именно того участка, который нуждался в подкреплении. Николай Никитович, еще накануне получив сигнал от коммунистов, вместе с парторгом намечал ближайший план действий.

Развернувшееся в цехе соревнование в честь XIX партийного съезда открывало захватывающие перспективы. Поэты назвали бы это движение битвой за время. На деловом языке самих инициаторов оно именовалось борьбой за сокращение производственного цикла.

Какое время должна находиться в цехе станина от того момента, когда она поступила туда в виде необработанного литья, и до сдачи на сборку? Раньше, подсчитывая затраты часов и минут на отдельные операции, технологи и планировщики включали в общую сумму времени неизменную величину: 13 суток на так называемое естественное пролеживание или «старение» металла. Перед тем как попасть к строгальщикам, станина должна пережить процесс деформации после нагрева. Обязательно ли это? В самом ли деле это такой непреложный закон, которому надо беспрекословно подчиняться?

Для того, чтобы опровергнуть «естественный» закон и доказать, что он вовсе не естественный, надо было в течение полугода вести точнейшее наблюдение за поведением металла. Заводская лаборатория провела 30 тысяч замеров на различных стадиях «старения».

Итог был таков: по истечении 48 часов после нагрева самые точные приборы не улавливали никаких явлений деформации. Станина не хотела «стареть» все 13 суток. Но и этот результат не удовлетворил исследователей. Возникла мысль: а не проверить ли процесс деформации в пределах и этих 48 часов? Выяснилось, что станина «стареет» только 24 часа.

Разоблачение «технической легенды» о большом периоде «старения» металла — одна из замечательных побед краснопролетарцев над временем.

А нельзя ли сократить и другие периоды производственного цикла? Не только на обработке станины, но и всех других деталей?

Эту цель ставила перед собой токарь Нина Юшина, когда стала растачивать придуманным ею комбинированным резцом два отверстия разных диаметров одновременно, а не порознь. Время сократилось вполовину.

Эту цель видел Виктор Шумилин, когда заставлял свой станок делать баснословное число оборотов в минуту.

Ее видели десятки и сотни других людей цеха.

Авангардные схватки в битве за время завязали коммунисты и комсомольцы, но вскоре за ними втянулись все, кто восприимчив и чуток ко всему новому.

Быстро бегает по бумаге карандаш. Присутствующие думают: как можно держать в памяти столько цифр, наименований, фамилий? Семенов с парторгами подсчитывает, что может дополнительно дать Родине ум, сметка, изобретательность и чудесные руки коллектива. Такие же подсчеты делают, вероятно, в других цехах. И в кабинете директора завода происходит то же самое.

В главной конторе щелкают арифмометры. Выверяются поправки, внесенные трудовым энтузиазмом в программу завода. И вот рождается новая цифра — сумма добавочно найденных в потоке производства возможностей. А еще через некоторое время после слов председательствующего: «Кто «за»?» — поднимается лес рук. Постановлено: в подарок XIX съезду коммунистической партии выпустить сверх плана 250 станков.

Двести пятьдесят станков — целый завод!

* * *

День только начался. Между станками в первом механическом видна фигура секретаря партбюро. Ему приходится часто склонять голову, чтобы выслушивать предложения, претензии, а между делом и веселую шутку.

Кажется, жизнь цеха идет, как обычно. Те же, что и раньше, станки. Те же, что и вчера, звуки от режущих, сверлящих, обтачивающих, строгающих металл механизмов. Так же, как и в прежние дни, от одного станка к другому переходит стальное тело шпинделя. Попрежнему работница ловко снимает со стержня аппарата закалки шестерни с покрасневшим венцом зубьев и аккуратно складывает их в пирамидку, отливающую радужными оттенками. Ничего будто не изменилось в шумовой камере, где с бешеной скоростью вращаются то в одну, то в другую сторону испытываемые шестерни.

В этой повседневной обстановке Николай Никитович улавливает, однако, более высокое, чем раньше, творческое напряжение. В осанке стоящих у станков токарей, в настроении фрезеровщиков, в торопливых движениях подсобниц он чувствует все растущую бодрую энергию подъема.

У дверей цеховой конторы его встречает Севастьянов и вместо приветствия спрашивает:

— Как здоровье, Николай Никитович?

— Прекрасно.

Они обмениваются крепким рукопожатием.

А у входа в цех хозяева завода жмут руки гостям из Китайской Народной Республики, а потом приглашают их подойти к станине винторезного станка.

Переводчик слово в слово повторяет разъяснения сопровождающего гостей инженера:

— Направляющая станина проходит сейчас особую закалку токами высокой частоты. Видите, адаптеры скользят по металлу. Пятнадцать минут — и металл приобретет новое качество. Его износоустойчивость повысится в 6—8 раз...

Один из гостей по-русски спрашивает:

— Особая закалка?

Стоящий у приборов рабочий утвердительно кивает головой, и можно подумать, что вопрос касался не станины, а человека, управляющего жизнью и поведением металла.

...Ровно, ритмично дыхание цеха.

Гори

Александр МЕЖИРОВ

Путь к вершинам ветрами исхлестан железными,
Надо твердо ступать по такому пути,
Надо крепко за звезды держаться
над безднами,
Чтобы к цели заветной с друзьями придти.

Сколько бурь перевидела крепость Горийская,
Сколько ветра вдохнула горийская грудь!
Этот ветер, по улицам города рыская,
Ни на миг не позволит себе отдохнуть.

Чтобы мальчик ходить научился уверенно,
По земле чтобы твердо учился ступать,
В Гори утром весенним на улицу Ленина
Сына малого за руку вывела мать.

Эта улица в песнях народных прославлена,
Прямо к домику Сталина устремлена —
Так что место для сына ты выбрала
правильно.
Здесь дорога его начинаться должна!

Эта улица, зеленью свежей поросшая,
Чуть заметно мерцает в апрельском тепле.
Место выбрано правильно. Почва хорошая.
Здесь и надо учиться ходить по земле.

Эта улица всходами дышит весенними
(Только что пробудилась она ото сна),
Эта почва испытана землетрясеньями,
Значит, всяко бывает, и твердость нужна!

Шаг за шагом по улице Ленина делая,
Сын пойдет далеко, не отступит он вспять,
Твердой станет походка его неумелая, —
Очень правильно место ты выбрала, мать!

Панорама строительства Крещатика.

КИЕВ СТРОИТСЯ

НОВЫЕ УЛИЦЫ

Кто хоть раз побывал в Киеве летом, тот навсегда сохранит в памяти красоту этого города с широкими улицами, затененными густыми шапками каштанов, нарядными бульварами и площадями, садами, скверами и парками. Неповторима прелесть Печерских склонов и набережной Днепра с их цветниками, асфальтированными дорожками, лестницами, партерной зеленью.

Киевляне горячо любят свой город. Тяжело переживали они раны, нанесенные ему в суровую военную пору. И сразу же после освобождения Украины от гитлеровских оккупантов Киев оделся в леса. Восстанавливались здания на старых магистралях; рождались новые кварталы, улицы, каких раньше не было на плане. После войны в Киеве появилось более ста новых улиц! В горсовете поначалу даже не могли сразу всем «новорожденным» имена дать. И некоторые из них долго оставались без имени, под номерами.

А город продолжает строиться, расти ввысь, хорошеть. Старожилы с радостью отмечают: родной Киев стал краше прежнего.

Не узнать сегодня бульвар имени Шевченко, Красноармейскую улицу, Брест-Литовское шоссе с новыми красивыми домами, троллейбусными линиями! Преобразилась историческая площадь Богдана Хмельницкого, появилась новая площадь — площадь Победы. Никогда еще набережная Днепра не была такой благоустроенной, как сейчас.

В городском управлении архитектуры мы видели генеральный план реконструкции Киева. Член-корреспондент Академии архитектуры УССР заместитель главного архитектора города Борис Иванович Приймак рассказывает о том, какой прекрасной станет украинская столица в недалеком будущем.

Площадь Богдана Хмельницкого, восстановленная и благоустроенная после войны

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ КРЕЩАТИКА

Как и все большие стройки в нашей стране, восстановление и благоустройство Киева заранее спланировано и продумано, происходит организованно. Силы строителей не распыляются по многочисленным мелким объектам, а сосредоточены на главных магистралях, и прежде всего на историческом Крещатике, где в дни революционных праздников проводятся военные парады, демонстрации трудящихся, народные гулянья.

— Застройка Крещатика, проводившаяся еще до революции,— говорит Борис Иванович,— носила печать своего времени. Магистраль эта не имела единого архитектурного лица, большинство зданий было выстроено без учета богатой природы.

Разработанный по заданию советского правительства проект восстановления и реконструкции разрушенного гитлеровцами Крещатика отвечает духу и требованиям нашей эпохи, отражает сталинскую заботу о людях. Это будет самая красивая улица с монументальными зданиями. Ее общая ширина — 73 метра.

В основу архитектурного решения нового Крещатика положено создание широких открытых пространств с использованием свободных территорий для устройства садов, скверов, террас, образуемых склонами долины. Вместо сплошного фронта застройки будет применен принцип открытой расстановки отдельно стоящих зданий. Авторы проекта архитекторы А. В. Власов, А. В. Добровольский, Б. И. Приймак, В. Д. Елизаров, А. И, Заваров и А. А. Малиновский решили не создавать улиц-«коридоров» и дворов-«колодцев». Здания со всех сторон будут «омываться» воздухом. В разрывах между ними раскроются живописные склоны возвышенностей.

Здания намечено расположить многопланово, таким образом, чтобы они просматривались с различных направлений. Интересен поперечный профиль будущего Крещатика. По левой, нечетной стороне магистрали располагается терраса с бульваром шириной 21—23 метра, отделяющая от улицы жилые дома. Здесь поднимутся высотные жилые корпуса. На склоне между улицами Октябрьской революции и Карла Маркса намечено сооружение двадцатиэтажной гостиницы. Склоны, ведущие от гостиницы вниз к Крещатику, обрабатываются в виде богатых зеленью террас. А дальше, до Бессарабской площади, протянутся жилые дома высотою от 8 до 12 этажей.

Строгий стиль и монументальность — вот к чему направлены усилия строителей Крещатика.

НА ПОСЛЕДНИХ ЭТАЖАХ

Мы выходим из дома, где в центре Крещатика разместилось городское управление архитектуры. И все, что несколько минут назад при взгляде на листы ватмана только рисовалось воображению, предстает в действительности в камне, граните, в корпусах новостроек.

Пересекаем широкую, залитую солнцем улицу и подымаемся на восьмой этаж строящегося жилого дома. Под нами поблескивают только что политые водой мостовые и тротуары Крещатика. Зелеными гирляндами растянулись кроны деревьев. Мчатся легковые машины, комфортабельные троллейбусы и автобусы. Напротив — башня телевизионного центра, слева — в голубой дымке гора. Вокруг нее выросло много улиц. Справа — кручи Днепра.

Вдоль всего Крещатика, как в боевом строю, вытянулись десятки башенных кранов. Их гигантские стрелы виднеются и на той стороне, возле площади имени Калинина, и на Бессарабской.

Подводит под крышу жилой корпус бригада прославленного каменщика, мастера кирпичной кладки Ф. И. Кравчука. Искусно орудуя кельмой, Федор Иванович кладет раствор и прилаживает кирпич за кирпичом. Он первым в Киеве освоил облицовку зданий керамическими плитами. Его бригада стала своеобразной академией подготовки мастеров-каменщиков. Кравчук строит столицу республики с первых дней ее освобождения.

Отсюда, с восьмого этажа, Федор Кравчук с удовлетворением оглядывается кругом. Вон позади, на пригорке, сверкает белизной новый корпус, где заканчивают настил кровли. Слева поднимаются стены второго этажа другого дома. Немного подальше, у Бессарабской площади, подведены под карнизы десятиэтажные здания. Всюду трудятся ученики Федора Кравчука. Потом каменщик показывает нам на новый жилой квартал.

— Эти дома я тоже строил,— говорит Федор Иванович.— Там я и квартиру получил. Много наших строителей новоселье справило.

Молодая каменщица Нина Пасечник.

КАМЕНЩИК НИНА ПАСЕЧНИК

Кончилась смена. Освободились от работы каменщики. Не спускаясь вниз, они сели тут же на досках и разговорились. Среди них Нина Пасечник, загорелая девушка в майке с открытыми выше локтей сильными руками. Ей было восемнадцать лет, когда она, работая на животноводческой ферме в колхозе имени Шевченко, Лысянского района, на Киевщине, прочла в газете о восстановлении Крещатика. Девушка явилась в правление артели и попросила направить ее на стройку. Ей отказали: «Ценим мы тебя, как хорошую стахановку. В колхозе ты очень нужна, а в Киеве и без тебя все сделают». Но у Нины Пасечник характер твердый, не отступит, пока не добьется поставленной цели. Нина отправилась к секретарю райкома партии. Он внимательно выслушал девушку и не только посоветовал колхозу отпустить ее, но помог ей связаться с представителем строительного управления.

Год назад Нину приняли в бригаду рабочих. Трудилась она добросовестно, мечтая стать квалифицированным строителем. И опять ее настойчивость победила: Пасечник добилась перевода в бригаду каменщиков, к Федору Кравчуку. Опытный мастер обучил колхозницу искусству кирпичной кладки.

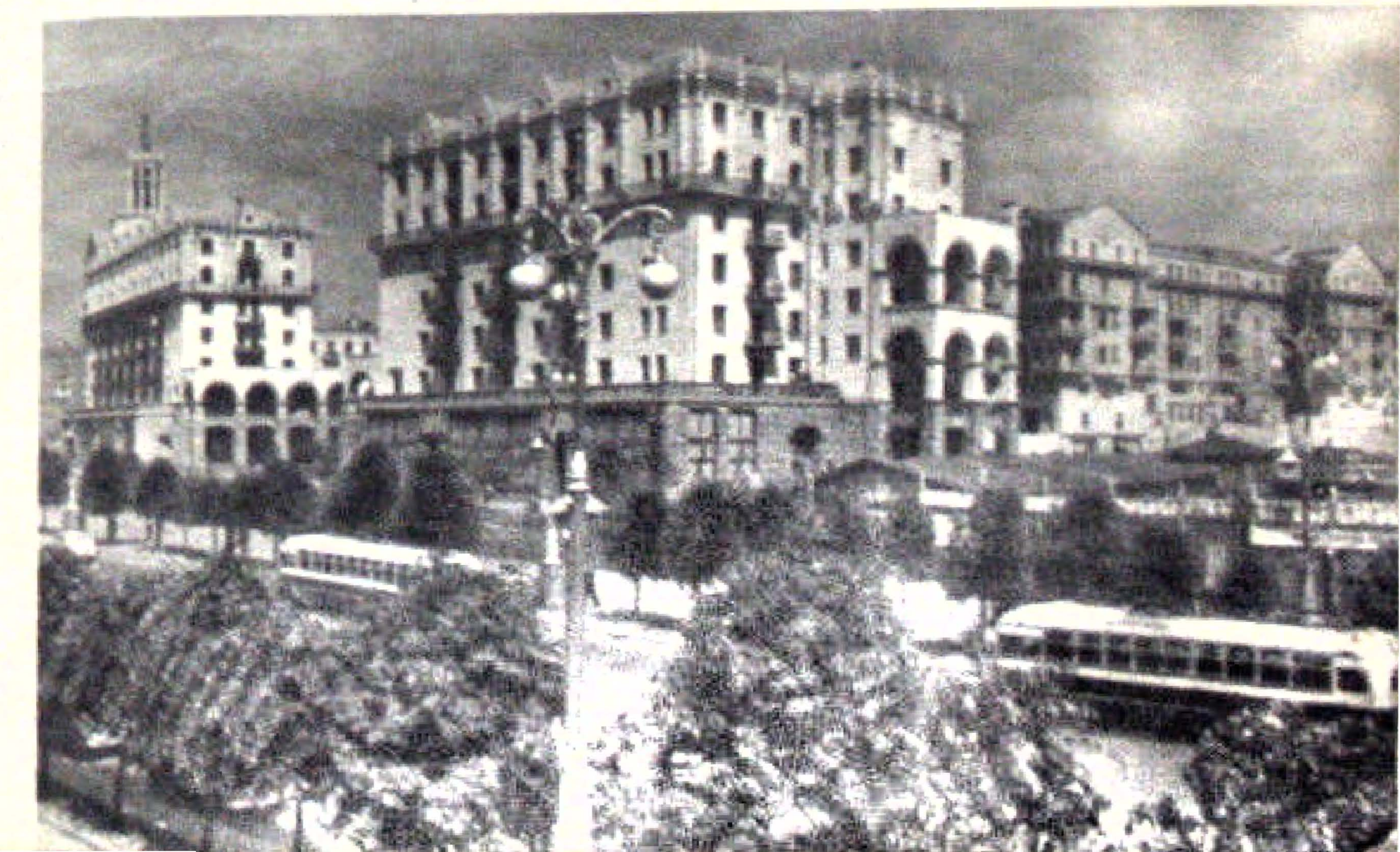
Сейчас Нина Пасечник учится в вечерней средней школе. Подсчитала она, что школу окончит в тот же год, когда строители сдадут последний дом заново отстроенного Крещатика.

Будущее комсомолки-стахановки так же прекрасно, как и будущее древнего, но с каждым днем молодеющего Киева.

Ив. БАТОВ

Фото А. Шексна

Недавно отстроенный квартал на Крещатике.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

В. ТЕНДРЯКОВ

Фото М. Савина

Прошлым летом в один из солнечных июньских дней над селом Вирятиным долго кружил самолет. Пастухи на выгонах, лежа в тени молодых сосняков, глядели вверх, жмурились от солнца и гадали: «И чего это он кружит? Садиться вроде не собирается. Гуляет по небу взад-вперед, словно дело делает...» А самолет действительно «делал дело». Для карт, которыми будут пользоваться землеустроители, он фотографировал земельные участки колхоза «Путь Ленина».

Самолет полетал, кончил работу, а материалы аэрофотосъемки по колхозу «Путь Ленина» были отосланы в Москву.

Спустя год после этого почти не замеченного вирятинцами случая дождливым вечером в правление колхоза к председателю пришла девушка, скинула мокрый плащ и немного простуженным голосом произнесла:

— Я дешифровщик.

В это время у председателя колхоза Сергея Мартыновича Ожогина сидели двое: колхозный фуражир Семен Степанович Калмыков и секретарь парторганизации Николай Ожогин — не родственник Сергея Мартыновича, а однофамилец: Ожогиных в Вирятине много. Сошлись они на досуге выкурить цыгарку, потолковать не спеша о делах. Николай Ожогин говорил много, напористо, но поглядывал на председателя, как бы спрашивая: так ли это?.. Сергей Мартынович и годами старше, и в партию он вступил, когда Николай не начинал еще ходить в школу. Семен же Степанович Калмыков старше и Николая и Сергея Мартыновича. У него много давнишних заслуг перед колхозом, и потому он держится покровительственно, в разговор вставляет свои замечания авторитетным тоном. Сергей Мартынович всегда внимательно выслушивает его, иногда соглашается, а иногда возражает, доказывает мягко, что выгоднее поступить иначе. Выслушав эти возражения, Семен Степанович, помедлив, для солидности сощурившись, кивает:

— Это, пожалуй, верно.

Вот такую-то беседу и оборвал приход девушки. Все трое удивленно переглянулись и наконец признались:

— А что это за штука — «дешифровщик»?

Девушка сначала вынула бумагу с печатью, в которой говорилось, чтобы ей, технику сельхозагросъемки, правление выделило человека и подводу для разъездов, а уж затем достала пачку больших фотографий.

— Вот,— сказала она,— здесь ваши земли засняты: и поля, и покосы, и леса, и самое село. Словом, все. Самолет снимал с трех тысяч метров. Вот эта светлая точечка — дом. А какой он — деревянный или кирпичный,— не разобрать. Я буду уточнять, подправлять. Это и есть дешифровка...

— Так, так. Проверять, словом,— согласился Сергей Мартынович.

Они втроем склонились над фотографиями. Каждый из них до последнего уголка знал и свое село и земли своего колхоза. Но любопытно все же взглянуть на них с высоты трех тысяч метров.

— Ага! Должно быть, наш клуб. А это Пишляйка течет, вот и плотина, электростанция. Даже кочки, что не затопило, и те сюда попали.

— Все есть, каждый кустик заснят, копны сена, и те видны... Глядите, как иголкой, наколото...

— Ну да... Вот и Челновая река. Ну, точно! Вот и вторая наша ГЭС... Не соврал самолет. Стоит ли, девушка, его проверять? Работа на совесть. Все наше хозяйство как на ладони. Любо глядеть.

Сергей Мартынович продолжал напряженно всматриваться в фотографию и разочарованно произнес:

— Что-то не вижу я водонапорной башни. Плотина есть, электростанция... Даже плетень разбираю, а где башня стоит, чистое место. Когда это снимали?..

— Там вверху написано.

— Э-э,— протянул Сергей Мартынович,— в прошлом году снято... Понятно, в прошлом году там было чисто, хоть шаром покати. Сейчас посмотрите: водонапорную башню достраиваем, с земли за три километра видно, не то что с воздуха!

И тут оказалось, что нет и новой кирпичной конюшни, и новой силосной башни, конечно, и свинарника строящегося нет... А какой будет свинарник! Не попали на фотографию и новые лесные посадки, и новый лесной питомник, и часть плодового сада.

— Да-а,— покачал головой Николай Ожогин.— Вас, девушка, видать, не зря послали...

* * *

Дешифровщица ушла отдыхать. Остались втроем. Разговор сначала шел о фотографиях, о том, что успели сделать в колхозе после появления самолета, потом стали вспоминать, когда что построено, что посажено, что труднее, что легче досталось... И сами не заметили, как от сегодняшнего дня дошли до самых первых дней колхоза...

Секретарь парторганизации Николай Ожогин сначала тоже вспоминал и постройку первой ГЭС, и установку колхозного радиоузла, и первое звуковое кино — не передвижку, а стационар — в своем колхозном клубе, но мало-помалу затих, стал только слушать... Да и что ему говорить, когда Сергей Мартынович с Семеном Степановичем стали вспоминать то время, когда каждую зиму с харчишками за спиной отправлялись вирятинцы партиями в Донбасс на приработки! Давнее время! Не было еще тогда на свете Николая Ожогина. Но Семен Калмыков ходил не раз... Он сидит, навалившись грудью на стол, и, не торопясь, с усмешечкой вспоминает:

— Так и жили ни павой, ни вороной — ни мужики, ни шахтеры.

— Теперь ведь тоже наши не забывают шахты,— вставил Николай.

— Теперь другой разговор. ФЗО, квалификация, глядишь, парень за врубовку встал и уж в деревню поклоны шлет: привет, мол, от потомственного шахтера. И прав, что потомственным себя считает. Наша землеробская кровь с угольком смешана, в каждом из нас рабочий сидел. Это нам очень помогло в коллективизацию.

Семен Степанович Калмыков был и организатором и самым первым председателем колхоза «Путь Ленина». Как-то незаметно на смену ему, старику, пришли к руководству более молодые. И приходится признавать: у Сергея Мартыновича и глаз приметливей, и хватка покрепче, да и по грамотности, пожалуй, он, Семен Калмыков, поотстал от нынешнего председателя. Теперь занимает Семен Степанович сравнительно покойное место — колхозный фуражир и, как подобает настоящему фуражиру, скуповат,

Раньше здесь текла крошечная речушка Пишляйка. Колхозница Анна Неверова (слева направо), секретарь парторганизации Николай Ожогин и секретарь комсомольской организации Александр Летунов вместе с председателем колхоза С. М. Ожогиным проходят по месту, где скоро начнутся посадки сада.

придирчив, ворчит за каждую взятую сверх нормы охапку сена. Сейчас же, раз пошел разговор о прошлом, он оживился, стал вспоминать; уж кто-кто, а он-то может рассказать:

— Собрали мы народ на самое первое собрание, начинаем обсуждение, вдруг слышим: «Пожар! Пожар!..» Все сломя голову на улицу... Смотрим: правда, рига горит. Потушить мы ее потушили, а собрание сорвалось. И на другой день так и на третий. Как только собрание, под окнами чей-то голос заблажит: «Пожар, люди добрые!.. Горим!..» И поймать не можем.

Первым богатеем был в то время Кабанов Михайло. Лесом торговал, землю брал в аренду. Знатных жеребцов держал. Выведут, бывало, ему жеребца, ходит, любуется. А сам заморыш, макушкой до репицы не достает... Вот и наткнулись раз на поджигателя — его сын, Васька, действовал... Хлебнули горя, пока таких вот Кабановых, да Егоров Дьяковых, да еще Слепцовых из села не вышибли. А как вышибли, стали сводить в одно место лошадей, коров, у кого плужок был — везли плужок, у кого соха — соху несли... Да, сохи...

Калмыков щурится на электрическую лампочку, и, видно, ее свет напоминает ему, что теперь электричество в их колхозе молотит хлеб, грузит подводы, подает кирпич на стройку водонапорной башни, вертит корнерезки, двигает подвесную дорогу... Семен Степанович усмехается и повторяет:

— Да-а, сохи... Механизация... Как сейчас, помню: четыреста семнадцать сох. Плуги-то были не у многих... Со двора — по сохе. Только один Сидор Саватьич — жил тут у нас такой бедолага — не принес. Не было. Все у соседей занимал. А въедливый старикашка! Петушится, наскакивает: отберете, мол, пропадет, по миру народ пустите, не верю... «Отберете... Не верю...» Отобрать у него только тараканов из избы можно, а не верил он по привычке. Его раньше все, кому не лень, обманывали.

Откинувшись на спинку стула, слушает председатель Сергей Мартынович. Он немного позднее вступил в коллективизацию: служил в армии. Слушает сейчас Семена Степановича задумчиво, чуть хмурится.

— Меня после армии райком партии послал на организацию колхозов к соседям,— заговорил он.— Там кулаки одного паренька убили: заметки в газеты писал. Шутку парень любил, подписывался смешно: «Не в бровь, а в глаз». Так и ставил вместо своей фамилии. Убили, сволочи, и в омете захоронили... Дня через три откопали...

Наступило молчание. За окном шумели мокрыми, уже поредевшими листьями кусты сирени. Сирень эту посадил Сергей Мартынович. Приезжий человек среди белого дня пройдет мимо и не догадается, что здесь правление. Уж слишком неофициальный, попраздничному дачный вид имеет колхозная контора, особенно весной, когда сирень цветет. За буйной зеленью и тяжелыми пахучими кистями цветов видна железная крыша. Вывески нет. Она бы и нужна, да куда ее повесить? Не на трубу же. А ниже,— все равно за кустами не видно. За двенадцать лет председательствования Сергей Мартынович на колхозных землях вырастил большие леса, в них уже ребятишки собирают грибы. А через год — другой село затопят сады. Яблони, груши, вишни уже растут в колхозном питомнике, и место для них намечено на колхозном плане. Любит зелень Сергей Мартынович. Да и как не любить: зелень украшает землю, зелень украшает жизнь, зелень — это сама жизнь!

Три коммуниста — один молодой, два пожилых — сидят, задумавшись. Колхоз «Путь Ленина» живет двадцать с лишним лет. На двадцать с лишним шагов удалились вирятинцы от единоличных полосок... И эти шаги не были одинаковы. У первых шагов невелик размах и робка поступь, но чем дальше, тем шире, тем размашистее шагал колхоз...

Задумался Николай Ожогин. Он по молодости больше любит заглядывать в будущее, чем в прошлое, и сейчас представлял себе, куда отшагает их колхоз, ну, скажем, лет через пять...

Сергей Мартынович просто доволен тем, что «даже самолет заметил перемену в нашей географии...»

А Семен Степанович вспоминает тот далекий вечер, когда он предложил дать колхозу название «Путь Ленина». Семен Калмыков — организатор колхоза и его крестный отец.

* * *

После молчания разговор невольно перешел на памятное вирятинцам событие.

Случилось это нынешним летом. Двенадцать легковых машин вошли в село и остановились около клуба. Из них вылезли незнакомые люди, с любопытством стали оглядываться, и на вирятинской улице зазвучала нерусская речь. Мальчишки, взбивая босыми ногами пыль на дороге, понеслись в разные стороны:

— Го-о-ости приехали!

А гостей ждали... Бригадир строителей Павел Степанович Малахов, чисто побритый, торжественный, лицо потное то ли от волнения, то ли от того, что в праздничном костюме жарко, а утереться нельзя, руки заняты, приблизился и с поклоном подал, как положено, на расшитом рушнике, хлеб-соль:

— Уважьте, гости дорогие, чем богаты, тем и рады...

Пожилая крестьянка из Познани, смущенно порозовев, приняла еще греющий печным теплом каравай с солонкой, врезанной в румяную корку.

На этот раз в колхозе «Путь Ленина» гостями были крестьяне из Польши.

Когда один за другим гости, здороваясь, жали руку Сергею Мартыновичу, он почувствовал, что ладони гостей шершавы и тверды, а пожатия их осторожны, как-то неловки. Так здороваются люди, руки которых привыкли к плугу. И Сергей Мартынович решил прежде всего показать им поля: «От земли народ. Должно тронуть за сердце». Он не ошибся.

...Гости остановились у поля, поднятого под пары. Далеко синей туманной полоской стоял лес. Там поле кончалось. Гости, сначала пораженные шириной поля, молча разглядывали спокойное море черной земли, потом, бросившись на колени, жадно стали запускать руки в рыхлую землю, мерять глубину пахоты.

— О-о!

Сергей Мартынович, по-хозяйски расставив ноги, стоял и невозмутимо наблюдал. К нему подскочил один из поляков, с раскрасневшимся лицом. Брюки у него были запачканы на коленях землей. Жестикулируя, он быстро заговорил. Ожогин не понимал слов, но о чем спрашивал поляк, он понял и кратко ответил:

— Трактора...

Поляк радостно закивал головой. Да, да, трактора. Только тракторами можно так глубоко вспахать такое огромное поле.

Гости осмотрели все. «Добже, добже...» — слышалось и около свинарников, и около кирпичного завода, и около птицефермы.

— Среди этих поляков,— вспоминает Калмыков,— заметил я одного старика. Юркий такой старичок, из недоверчивых. Ну точь-в-точь напомнил он мне Сидора Саватьича. Даже обличьем схож. Правда, этот бритый, а наш бороду имел, словно на огне подгорела: косой клинышек на сторону. А натура одна, сразу видно. Ныряет поперед других этот старичок, слабинку ищет. У вас, говорит, земли богатые, на нашей земле такого колхоза не построить. А я ему: земли, мол, ваши знаю, еще в гражданскую по ним пана Пилсудского гнал. Нынешних ваших земель не видел, а про те скажу: правда, хуже... А хуже потому, что те земли капиталистические были, истощенные, а мы свои земли по системе Вильямса подняли. И начал ему про травопольные севообороты выкладывать. Он слушает, а в глазах недоверие... Ничего, думаю, походишь, посмотришь, иными глазами взглянешь. И точно. Помните: старичок уезжать не хотел.

В оконное стекло бьет редкий дождик, шумит в кустах ветер. От этого шума еще уютнее кажется в светлом кабинете. И каждое слово в такие минуты приобретает особую значительность.

— Вот мы сидим,— произносит негромко Сергей Мартынович,— меряем сейчас то, что сделали... Немало сделали... А где-нибудь в Польше или Румынии собрались сейчас крестьяне на первое общее собрание, обсуждают, как начинать жить колхозом.

— Название колхозу дают,— вставил Николай.

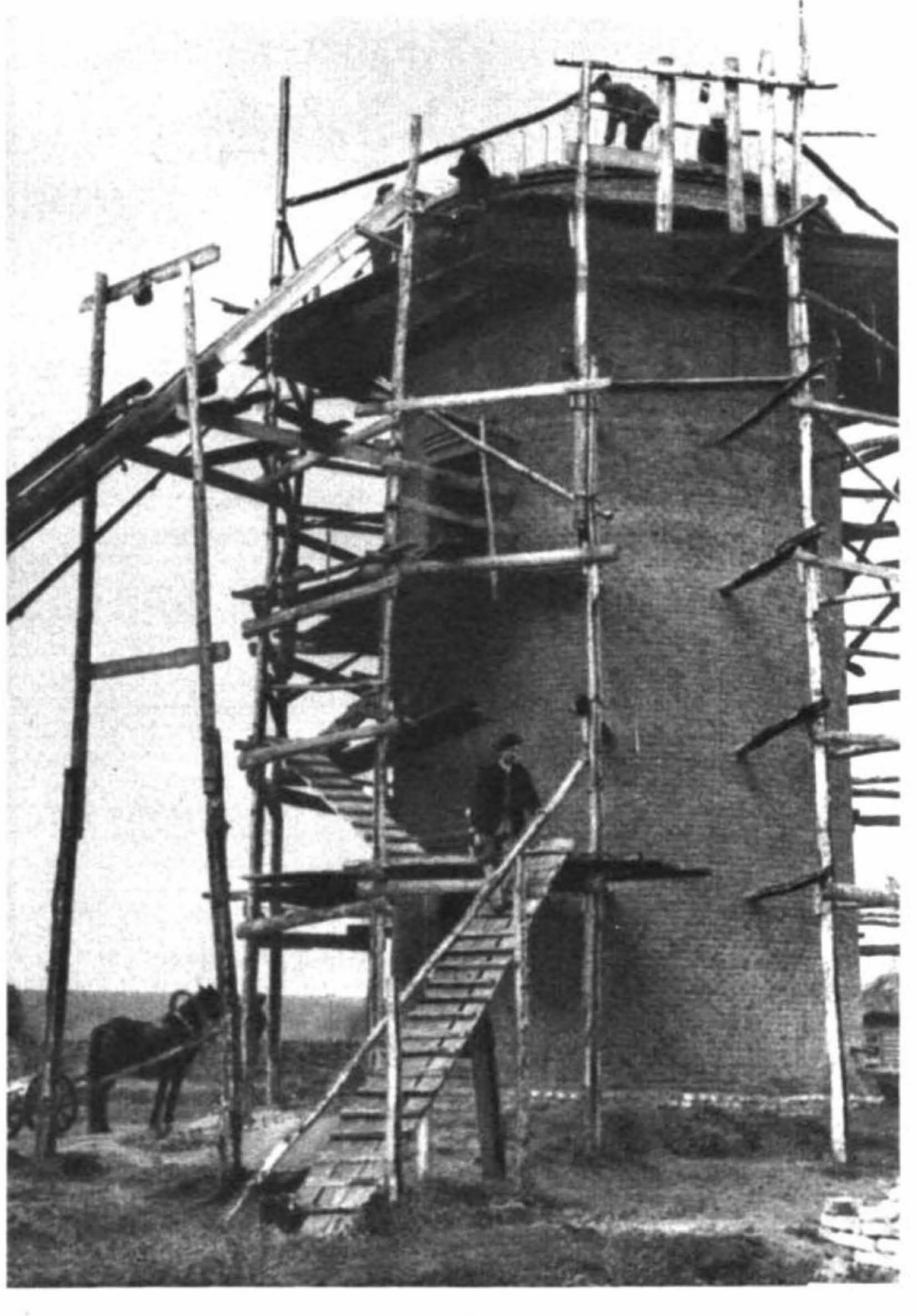
— Может быть, тоже «Путь Ленина» называют. Глядишь, в Польше тезка нашему колхозу объявится.

— Все может быть... Путь-то у нас с ними теперь один...

Час поздний. За окном шумит на ветру сирень. Качается на столбе перед правлением электрическая лампочка. По утихшей улице села гуляют тени.

Три коммуниста долго еще говорят о нынешних и будущих днях родного колхоза.

с. Вирятино,
Тамбовской области.

Постройка водонапорной башни идет к концу.

«Зеленый лагерь» у подножья пика имени XIX съезда партии.

ПИК ИМЕНИ СЪЕЗДА ПАРТИИ

В. АБАЛАКОВ,
заслуженный мастер спорта

Все участники первого высотного сбора альпинистов на Памире с нетерпением ждали вечерних часов, когда маленькая ультракоротковолновая рация связывала нас с «Зеленым лагерем», расположенным внизу.

Захваченные непогодой на большой высоте, под самой вершиной пика Ленина, мы семь дней по вечерам с напряженным вниманием слушали радиопередачи, посвященные XIX съезду партии, новому пятилетнему плану. То, что мы слышали, поражало нас своим масштабом, наполняло сердца восторгом и гордостью: к каким высотам процветания ведет страну наша партия!

В эти дни редко и ненадолго разрывался над Памиром серый облачный занавес; тогда под нами, как волны застывшего моря, сверкали свежим снегом бескрайние гребни.

Мы спустились в «Зеленый лагерь» и отдыхаем после тяжелого многодневного похода. Прямо напротив лагеря, рядом с массивом пика Ленина, высится безымянная вершина «6 500»; мощные, стройные формы ее еще с начала лета привлекали наше внимание. Северный гребень безымянной вершины выглядел пригодным для восхождения. Нужны были точный расчет и осторожность. В бинокль были видны крутые подъемы, большие скопления снега и огромные карнизы на гребне. Такие препятствия не пугают, а разжигают спортивный интерес. Поэтому мы решили выходить на штурм новой высоты.

Нас пятеро: заслуженный мастер спорта СССР Валентина Чередова, мастер спорта Яков Аркин, мастер спорта Михаил Ануфриков, альпинист Виктор Буслаев и я.

Днем мы, простившись с товарищами в «Зеленом лагере», пересекли ледник и поднялись на морену под склон, по которому утром должны были выйти на гребень. Пока готовился ужин, часть группы налегке прошла нижнюю часть склона и в подтаявшем снегу подготовила ступени.

Ложимся спать еще засветло, ибо рано утром собираемся начать восхождение. С рассветом, связавшись капроновыми веревками, в быстром темпе начинаем подъем; вчерашние следы окрепли, и мы идем по ним, как по лестнице.

Но выше снег становится рыхлым, часто проваливаемся сначала по колено, а на крутых сбросах почти по пояс.

Нам удается выбрать обдутый перегиб склона и поочередно вылезти на гребень.

Сразу стало легче на душе!.. Не задерживаясь, продолжаем идти вверх, так как до зазубрины гребня, на которой мы наметили место ночлега, по длинному, рваному гребню очень далеко.

Судя по причудливой форме быстро растущих облаков, безветрию и духоте, близилась гроза.

Как гигантским хлыстом, щелкнул первый удар грома, остро запахло озоном. По капюшонам застучал град, началась метель, все исчезло в пляшущем белом вихре.

Только привычка ходить в горах в плохую погоду помогла нам добраться до зазубрины.

Всю ночь и еще сутки бушевал буран,— казалось, конца ему не будет! Раннее утро 3 сентября началось особенно сильными порывами ветра: бешено мчались облака. Стало холодно, появились участки ясного неба. Не рассчитывая на лучшую погоду, мы покинули свои пуховые спальные мешки и двинулись вверх.

Мы были в хорошей спортивной форме, поэтому могли на такой высоте без отдыха в быстром темпе почти шесть часов пробиваться вверх по глубокому снегу. Временами казалось, что вершина совсем близка, но за перегибом склона открывался следующий, испытывая наши силы и терпение.

Наконец вершина! Впереди показался далекий склон пика Октябрьского. Мы стояли над громадным обрывом.

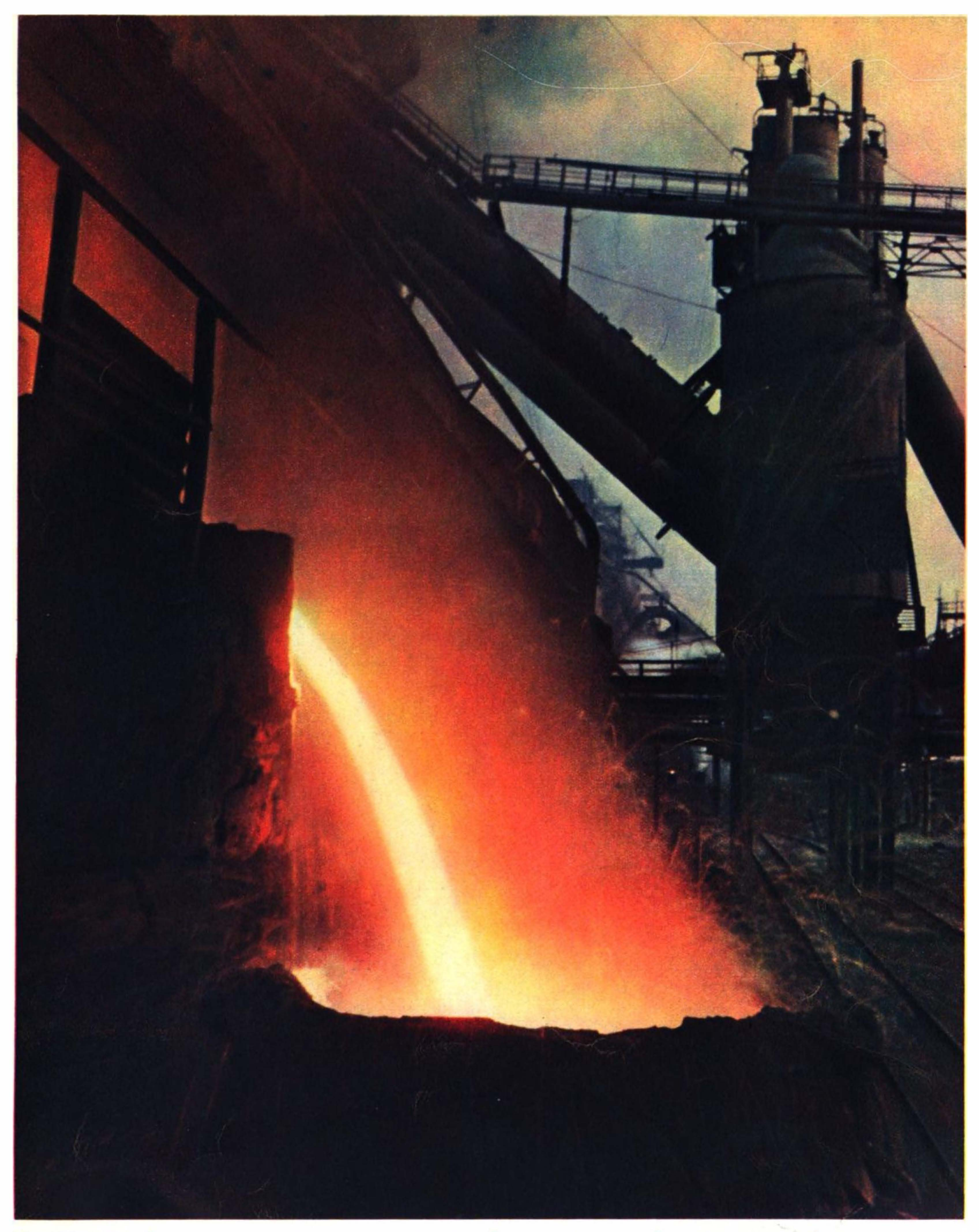
Вершина! Михаил Ануфриков фотографирует вершину, панораму гор. Горячо поздравляем друг друга с трудной победой и по праву первовосходителей предлагаем назвать пик именем XIX съезда ВКП(б).

Группа альпинистов поднимается на северный гребень.

На вершине пика имени XIX съезда партии. Слева направо: В. Абалаков (пишет записку о совершенном восхождении), В. Чередова, В. Буслаев, Я. Аркин.

Фото Михаила Ануфрикова

Магнитогорский комбинат — один из первенцев сталинских пятилеток. По инициативе товарища Сталина на востоке нашей страны создана новая угольно-металлургическая база. Уральский металл был на вооружении героической Советской Армии, одержавшей победу над фашизмом. Уральский металл служит мирному послевоенному строительству. На снимке: Магнитогорский металлургический комбинат имени Сталина. Выпуск чугуна.

Фото И. Романова

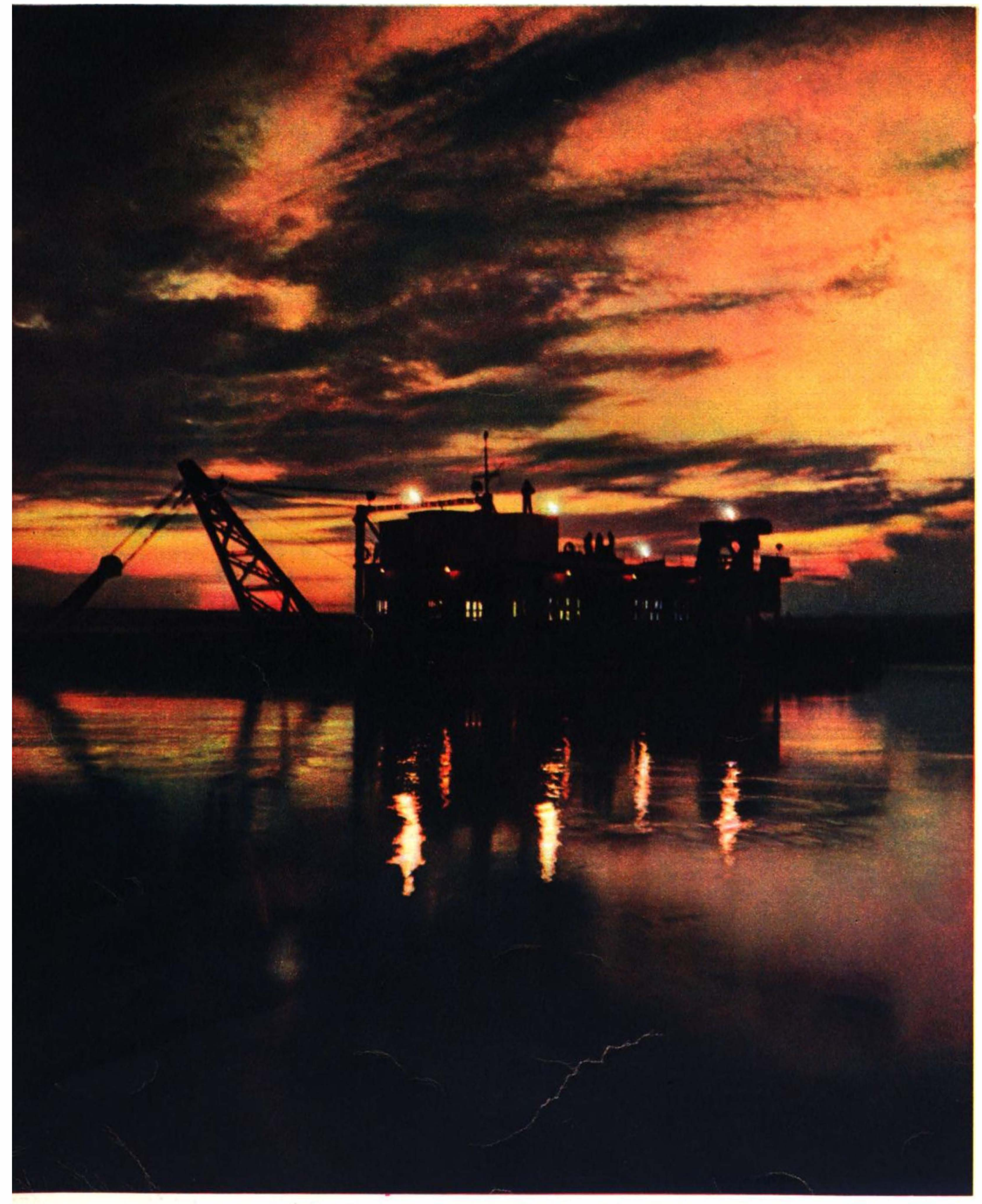
Из года в год растут урожаи на социалистических полях. Все производительнее работает колхозное крестьянство, вооруженное совершенной техникой. На огромных пространствах убирают урожай могучие советские комбайны. На снимке: комбайнер Выселковской МТС, Краснодарского края, Герой Социалистического Труда Наталья Ивановна Свинарева рапортует по радио в МТС об окончании уборки на полях колхоза имени В. М. Молотова. Н. И. Свинарева убрала своим комбайном в нынешнем году 462 гектара, намолотила более 10 тысяч центнеров зерна.

Фото А. Узляна

Незабываем торжественный день открытия Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. Завершена первая из великих строе коммунизма! На снимке: триумфальная арка первого шлюза нового канала.

Фото Дм. Бальтерманца

«Увеличить за пятилетие общую мощность электростанций, примерно, вдвое, а гидроэлектростанций — втрое»,— так сказано в Проекте Директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану. В эту пятилетку развернутся работы на строительстве Сталинградской ГЭС. На снимке: земснаряд на сталинградской стройке.

Фото С. Осипова

УБИЙСТВО ДЕРЕВНИ ТИНЬ

Ю. ЖУКОВ

Одна из жительниц деревни варит свой последний обед у родного дома.

В дни, когда советские люди смело перекраивают карту страны, меняя течение рек, создавая новые моря и возвращая к жизни пустыни, когда сотни селений меняют адреса и тысячи семей справляют новоселье в новых, еще пахнущих смолой, светлых, удобных домах, любуясь через окно широкими просторами пришедших в иссохшие степи могучих вод,— в эти радостные для советского народа дни мне хочется рассказать о том, как умерла в горах Савойи далекая французская деревушка Тинь, которой создание искусственного озера принесло не радость, а тяжкое горе.

Здесь, на высоте 1 800 метров, исстари жили тихой, трудной, но мирной жизнью горцы, промышлявшие скотоводством. Их убогие, слепленные из глины и соломы хижины давали приют под одной крышей и самим крестьянам, и их коровам, и овцам. Сложенная из дикого камня еще в XI веке колокольня с железным петухом на шпиле была видна издалека, и туристы, поднимаясь на перевалы, откуда открывался изумительный вид на глубокую котловину, на дне которой лежала деревушка, умилялись: это было так живописно!

После войны сюда поднялись инженеры. То была кратковременная эпоха, когда лучшие люди Франции с увлечением трудились над восстановлением разоренного гитлеровцами народного хозяйства; петля плана Маршалла еще не была затянута на шее их родины. Коммунисты, входившие в состав правительства, выдвинули смелый план: мобилизовать и поставить на службу национальной экономике силу горных рек. Это позволило бы освободиться от германской зависимости,— Франции всегда не хватало своего угля, и, чтобы обеспечить работу теплоэлектроцентралей, она вынуждена была идти на поклон к магнатам угольной промышленности Рура.

Инженеры, обследовавшие долину Изера, пришли в восторг, увидев котловину, в которой лежала деревня Тинь. Она была как бы предназначена самой природой для того, чтобы превратиться в гигантское водохранилище. Для этого стоило только запломбировать выход из нее железобетоном. Авторы проекта, что было естественно для того времени, позаботились и о судьбе жителей деревни: было решено перенести Тинь на двести метров выше, туда, где находится горный хуторок Буассе; жители Тинь, таким образом, переместились бы на берег большого искусственного озера, подпертого высочайшей в Европе плотиной.

Работы начались. Но вскоре в судьбах Франции произошли крупные перемены: она попала в зависимость от США. Коммунисты были устранены из правительства. Планы реконструкции народного хозяйства были извращены, сокращены, заброшены. В частности, был резко сокращен план строительства гидростанций, столь невыгодный американо-германским монополиям. И хотя в долине Изера жизнь еще теплилась и постройка плотины у деревни Тинь понемногу подвигалась вперед, характер и цели этого строительства стали совсем иными.

Пять лет работали строители. О том, в каких условиях протекала эта работа, достаточно красноречиво говорит одна лишь цифра: в результате несчастных случаев здесь погибло 30 человек. Гигантская бетонная плотина, отбрасывавшая тень на деревню Тинь, поднималась все выше и выше к небу. Инженеры могли гордиться своим детищем. Но жителям горного селения мысль о том, что скоро плотина войдет в строй, причиняла лишь острую боль: куда они денутся?

Дело в том, что план переноса деревни в район хуторка Буассе был давно уже отставлен: компания «Электрисите де Франс» соорудила там лишь новую церковь и очертила на карте квадрат для кладбища. Крестьянам обещали возместить убытки от затопления деревни деньгами. Но, как всегда бывает в таких случаях в капиталистической стране, это было выгодно лишь богатым. Хозяин гостиницы для богатых туристов, приезжавших в горы на лыжный сезон, положил в свой карман 52 миллиона франков; он купил на эти деньги два отеля в Каннах, на берегу Средиземного моря. А крестьяне? Им досталось всего по нескольку сот тысяч франков — на эти деньги не купишь нынче ни земли, ни усадьбы. Да к тому же в горах Савойи не так легко найти продающийся участок: пахотная земля и угодья здесь на вес золота. А что ждет батрака Селестена, которому досталось всего 24 тысячи франков, или прачку Мари, которой обещали дать 80 тысяч?

Обездоленные горцы отказались взять предложенные им нищенские денежные возмещения и начали отчаянную и безнадежную борьбу за существование своей деревни.

— Мы останемся здесь, мы никуда не уйдем! — заявили они.— Нам все равно помирать, так уж лучше мы умрем вместе с нашей деревней. Пусть нас затопит вместе с нашими хижинами!

В первых числах марта 1952 года власти попытались силой эвакуировать архивы муниципального совета деревни и тем самым положить конец ее самоуправлению. Крестьяне ударили в набат, собрались и помешали этому. Муниципальный совет в знак протеста против произвола властей коллективно подал в отставку. Крестьяне выбрали делегацию во главе с ушедшим в отставку мэром Бок и послали ее искать правду в Париж. Простодушные горцы из далекой деревушки не разбирались в политике. Они не знали, в чьи двери лучше постучать, к кому обратиться. Один из ходоков вспомнил:

— Братцы! Помните, в прошлом году к нам приезжали знатные туристы? Двое депутатов, как их звали? Да-да... Вендру и этот, второй, Шаррет... Они остались очень довольны нашим гостеприимством. Один даже сказал: «Если что случится, напишите мне...»

Посланцы обреченной деревни обрадовались: это идея! Депутаты все могут, у них большие связи. После долгих поисков ходоки разыскали Вендру и Шаррета. Это были деголлевцы. Неожиданная встреча поставила их в затруднительное положение: прогнать ходоков нельзя — узнают коммунисты, поднимут шум. Помочь им? Дело это хлопотное и дорогостоящее. Вендру втихомолку ругал себя: какого чорта он сболтнул тогда, чтобы ему написали в случае каких-либо трудностей? Выкручивайся теперь!..

Поразмыслив, Вендру и Шаррет решили спровадить ходоков к министру внутренних дел, радикалу Брюну,— пусть эта неприятная история бросит тень на его партию, а деголлевцы умоют руки. Так и сделали. Тем временем делу была придана огласка. Газеты напечатали заявление ушедшего в отставку мэра деревни Тинь.

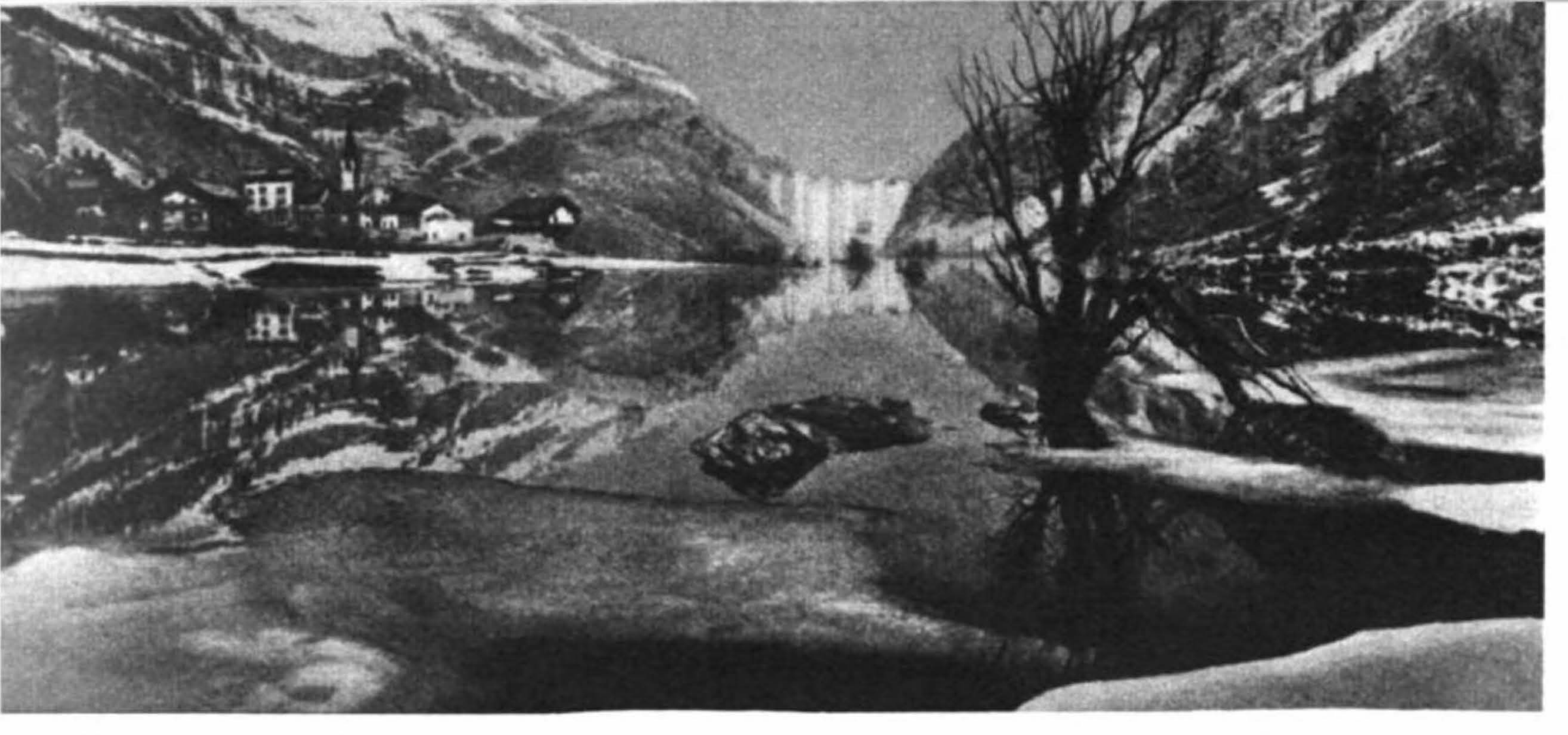
— Мы просим подождать, пока начнется таянье снегов,— сказал он.— В нынешних условиях трудно провести эвакуацию деревни. Мы просим также выровнять предоставляемое нам возмещение убытков, учитывая повышение цен. Мы не противимся национальным интересам, мы только просим, чтобы с нами обращались, как с людьми...

В этой обстановке министр не счел возможным не принять крестьян. Но что это был за прием! Глава делегации Бок так рассказал о встрече с Брюном по возвращении домой:

— Министр внутренних дел принял нас, как осужденных уголовных преступников. Он нам сказал: «Если «Электрисите де Франс» готова начать затопление, я произведу эвакуацию деревни — добровольно или насильно». Я ответил министру: «Если щиты плотины опустят, мы утонем». Министр сказал: «Мне нечего добавить к тому, что я сказал».

Тогда крестьяне решили бить челом президенту республики. Их прошение было передано в Елисейский дворец. Несколько дней спустя в Тинь пришел лицемерный до тошноты ответ. Его наклеили на телеграфном столбе посредине деревни: «Завершение строительства плотины, вызванного настоятельной необходимостью, требует эвакуации населения, приверженного к своей родной земле. Я выражаю ему всю

вы и мебель, которые охранники валили в грузовики.

Вид осужденной на гибель деревни Тинь.

мою глубокую симпатию и считаю своим долгом заявить, что правительство и родина не забудут жертвы, принесенной вами». Крестьяне хмурились и пожимали плечами, читая это выражение соболезнования. Тем временем близился заключительный акт драмы...

Во второй половине марта в Тинь слетелось восемьдесят корреспондентов буржуазных газет. Словно стая стервятников, они ждали смерти этой деревни. Представители властей торопили крестьян:

— Убирайтесь быстрее, мы закрываем плотину!

Чтобы устрашить население, они вызвали охранные войска — пресловутые «роты республиканской безопасности». Головорезы в касках с автоматами продефилировали на грузовиках через Тинь с гиканьем, свистом и пением: «Ах, Нини, собачья шкура». Через перевалы перебирались старьевщики — скупать бедный крестьянский скарб. Из Лиона явился покупатель, которого заинтересовали колокола древней церкви.

Но крестьяне не уходили. Наоборот, они провели 16 марта выборы нового муниципального совета, который должен был возобновить защиту их интересов. Тем временем администрация начала опускать один щит плотины за другим, и вода у ее подножья начала прибывать. Связисты сняли все провода, за исключением одного, оставленного для корреспондентов. Журналисты нетерпеливо толпились у единственного аппарата, часами ожидая очереди, чтобы продиктовать очередную сердцещипательную заметку.

— Только что закрыли школу. Ученики в знак протеста написали на доске: «Тинь будет жить!»; потом развели костер у крыльца и сожгли тетради. Учительница заплакала и сказала: «Я здесь родилась... Я здесь научилась читать...» На нашу просьбу дать интервью она сказала: «Ах, оставьте меня в покое!..»

Солдаты вытаскивают мебель из школы.

— Первым будет затоплен дом 84-летней крестьянки, которая всю жизнь никуда не выезжала из деревни и никогда не видела поезда. Ей сказали: «Мамаша, веселее! Это будет интересная прогулка». Она ничего не ответила...

— Один крестьянин сказал: «Когда вода окружит мой дом, я поднимусь на крышу и прыгну с нее...»

Вечером 16 марта стали известны результаты выборов муниципального совета. Наибольшее число голосов получил крестьянин Жюстен Рэймонд. Именно на него смотрели, как на будущего мэра,— муниципальный совет должен был собраться на завтра, чтобы облечь его полномочиями. Но завтрашний день сулил один из тех сюрпризов, к которым Франция привыкла за последние годы: открытое и грубое вмешательство военно-полицейских сил.

Как всегда в таких случаях, операция началась на рассвете, когда деревня мирно спала. «Роты республиканской безопасности», подтянутые из Лиона, Гренобля и Шамбери, заняли все перевалы, преградив доступ в долину Изера. Тем временем пятьсот охранников, вооруженных автоматами и бомбами со слезоточивыми газами, спустились в Тинь — по одному на каждого жителя деревни, включая младенцев и стариков. Солдаты и офицеры охранных частей заняли позиции у мэрии, церкви, школы, почты, на единственной площади деревушки. Ради предосторожности они отрезали веревки у церковных колоколов, чтобы помешать крестьянам ударить в набат.

В пять часов утра к Жюстену Рэймонду постучали:

— Откройте!

— Кто там?

— Приказ префектуры!

В хижину ворвались четверо охранников:

— Немедленно оденьтесь, вас ждет у мэрии префект.

Когда Рэймонд подошел к мэрии, там действительно уже находился префект, окруженный сонмом полицейских инспекторов и военных.

— Я требую, чтобы вы мне отдали ключ от мэрии! — сухо сказал префект.

Крестьянин возразил:

— Я должен сначала собрать муниципальный совет.

— Хватит разговоров! Ключ!

Трое охранников бросились на народного избранника, скрутили руки и вырвали у него ключ. Тут же полицейский отряд ворвался в мэрию и начал выбрасывать архивы и мебель, которые охранники валили в грузовики.

Потрясенный до глубины души, Рэймонд попытался войти в мэрию, но полицейские спустили его с лестницы. На улицах уже собирались жители деревни. Женщины плакали. Префект, подозвав к себе Рэймонда и других членов избранного накануне муниципального совета, говорил:

— Господа, я надеюсь, что вы уже приняли необходимые меры и что большая часть из вас приобрела новые усадьбы...

— Нет,— отвечали крестьяне.— Возмещения, предоставляемые нам, недостаточны для этого. Мы не хотим бродить по улицам чужих селений, как бродяги. Поймите, господин префект, речь идет о нашем будущем, о нашей жизни! Мы предпочитаем умереть в своих домах, чем их покинуть...

Префект пожал плечами и дал понять, что аудиенция окончена. Тем временем на телеграфном столбе рядом с соболезнованием президента появилось извещение о том, что граждане, которые не пожелают немедленно покинуть Тинь, вообще не получат никакого возмещения. Читая этот документ, крестьяне громко возмущались. Но охранники тем временем сделали свое дело: они опустошили мэрию,— и офицер вернул ключ Рэймонду. Глянув на него, Рэймонд покачал головой и забросил ключ в ледяную воду Изера: зачем теперь он ему, когда мэрия официально перестала существовать?

Покончив с мэрией, полиция взялась за церковь. Префект объявил плачущему кюре, что по согласованию с епископом он закрывает церковь и отдает приказ об ее эвакуации. Вооруженные винтовками и автоматами охранники спустили на землю древние колокола, разобрали алтарь, вынесли изваянные еще в средние века статуи святых в наивных деревенских кружевных мантильях, связанных богомольными старушками. Все было увезено. Тем временем на плотине были опущены последние щиты, и вода начала прибывать быстрее.

Началась агония обреченной деревни. В Тинь прибыли команды динамитчиков, которым было поручено взорвать хижины одну за другой. Но крестьяне попрежнему отказывались покинуть их. С наивной верой в счастливую случайность они цеплялись за свои клочки земли до самой последней возможности. А вдруг случится что-то необычайное, сверхъестественное, что спасет Тинь? Вдруг произойдет землетрясение, которое разрушит плотину? Вдруг правительство сжалится над деревней? Но чудес на свете не бывает, и вскоре всем стало ясно, что в самом недалеком будущем горцам из Тиня предстоит раствориться в безрадостном и безликом море бездомных «перемещенных лиц», не иссякающем после второй мировой войны.

Для успокоения взбудораженной общественности газеты писали, что для жителей деревни Тинь отвели какие-то старые бараки, брошенные строителями. Но что они будут делать в этих бараках? Чем они будут жить? Что они будут есть? Никому до этого не было дела. Префект, руководивший «операцией Тинь», заботился только об одном: как бы поскорее очистить площадку, подлежащую затоплению.

«Предоставленные самим себе, изолированные в кольце, образованном карабинами, осажденные водой, которая поднимается на метр в день, обезумевшие жители деревни Тинь мечутся, как крысы, пойманные в западню,— писала буржуазная газета «Парипресс энтрансижан» в номере от 20 марта.— Они взывают ко всем своим друзьям, пытаясь найти в районе свободные фермы, дома, которые можно купить или арендовать. Но цены на поля и на здания внезапно удвоились... В Бург-Сен-Морис цены на землю поднялись до двух тысяч франков за метр... Бедняки, которые до сих пор ничего не получили и которые ждут своего пособия на выселение, чтобы арендовать что-нибудь в другом месте, до сих пор не получили каких-либо указаний о том, что же им причитается... Тем временем угроза затопления становится хотя и не немедленной, но все более явственной. «Естественно,— говорят инженеры из «Электрисите де Франс»,— подъем воды можно было бы остановить, но мы здесь только исполнители. Мы выполняем безжалостный план, представляющий собой меру психологического принуждения».

Потянулись самые горькие, самые тяжкие дни. Газеты информировали о них страну лаконичными сообщениями, выдержанными в сухом, бесстрастном тоне военных сводок:

21 марта. В селении Тинь начато разрушение ближайших к воде домов. Бакалейщик Турни закрыл свою лавку. Пока еще остается открытым табачный магазин, где, кроме табака, сейчас продают ботинки, тетради, горчицу и консервы, но запасы истощаются, и их не обновляют. Дорога, ведущая в Тинь, закрыта ротами охранных частей. Однако старьевщики и скупщики скота сумели обойти запрещение. Они пока еще ничего не покупают, только прицениваются. Скупка начнется лишь в последние часы перед затоплением. Ожидаются плодотворные сделки.

25 марта. Вчера в селении Тинь в 15 часов 30 минут вспыхнул пожар. Горела гостиница «Большой шлюз», принадлежавшая бывшему мэру деревни — Бок. Огонь перекинулся на соседнюю гостиницу «Иголье ушко». Власти опасались, что этот пожар является сигналом к бунту горцев. Однако эти опасения не подтвердились. Гостиницы сгорели дотла.

4 апреля. Все здания усадьбы Шоданн — или, по крайней мере, то, что от них осталось, — уже окружены ледяной водой. Последний житель усадьбы, Мюллоз, который по колено в воде продолжал в течение двух дней спасать свое имущество, наконец покинул свой дом: в него уже невозможно было войти.

5 апреля. Власти вынуждены принять энергичные меры, чтобы ускорить эвакуацию селения Тинь. С завтрашнего дня бригада по разрушению зданий начнет снимать крыши со всех домов. Полагают, что эта демонстрация (!) ускорит уход жителей. Сегодня после обеда было взорвано одно недостроенное здание.

7 апреля. Префект Савойи отдал приказ, запрещающий въезд в Тинь всем лицам, не проживающим там. Другим приказом префект распорядился прекратить подачу в Тинь электроэнергии с 10 апреля. Таким образом, принимаются все меры к тому, чтобы ускорить эвакуацию деревни, но пока еще из нее никто не уехал. Вчера после обеда был снят памятник жителям селения, погибшим в войнах 1914—1918 и 1939—1945 годов.

8 апреля. Разрушение домов селения Тинь ускорилось благодаря прибытию из Парижа группы специалистов по взрывным работам. От здания мэрии остались только два обломка стен. Ожидают, что общая эвакуация деревни близка. Однако Жюстен Рэймонд, живущий рядом с опустошенным кладбищем, отказывается покинуть свой дом, хотя вода к нему подступит завтра.

10 апреля. Жюстен Рэймонд был вынужден сегодня бежать из своего дома ввиду быстрого подъема воды. Вчера после обеда были взорваны стены кладбища и часовня.

15 апреля. Вчера в опустошенной церкви было отслужено последнее в истории Тинь пасхальное богослужение. Присутствовало около трехсот человек, упорно отказывающихся покинуть тонущее селение. Часть жителей, дома которых уже затоплены, ютится в здании бывшей почты. На горной дороге, вьющейся над долиной Тинь, наблюдается усиленное движение автобусов с туристами. Большое количество любопытных откликнулось на призыв, расклеенный на стенах города Шамбери: «Последний взгляд на Тинь — 900 франков».

19 апреля. Вода подступает к зданию церкви селения Тинь. Пришедшие в полную растерянность жители деревни обратились к префекту Савойи с просьбой вмешаться и приоткрыть щиты плотины, чтобы позволить им завершить эвакуацию имущества. Большая часть населения покинула наконец Тинь. Однако некоторые старики все еще не могут решиться на эвакуацию. Одна восьмидесятилетняя крестьянка, увидев, как разрушают ее дом, скончалась от разрыва сердца.

23 апреля. Вчера в селении Тинь блюстителями порядка были избиты два репортера парижского еженедельника. Инцидент произошел в тот момент, когда одного крестьянина, отказывавшегося покинуть свой дом, принудили уйти путем вмешательства службы порядка. Журналисты сфотографировали эту сцену. Они были избиты, а их фотоаппарат разбит.

29 апреля. Вчера в селении Тинь были взорваны церковь и два последних дома. Не позднее, чем через два дня, вода покроет руины мертвой деревни.

1 мая. Префектура Савойи вчера вечером официально объявила, что полная эвакуация селения Тинь завершена. Жители покинули селение добровольно после разрушения всех домов. Не было отмечено никакого инцидента.

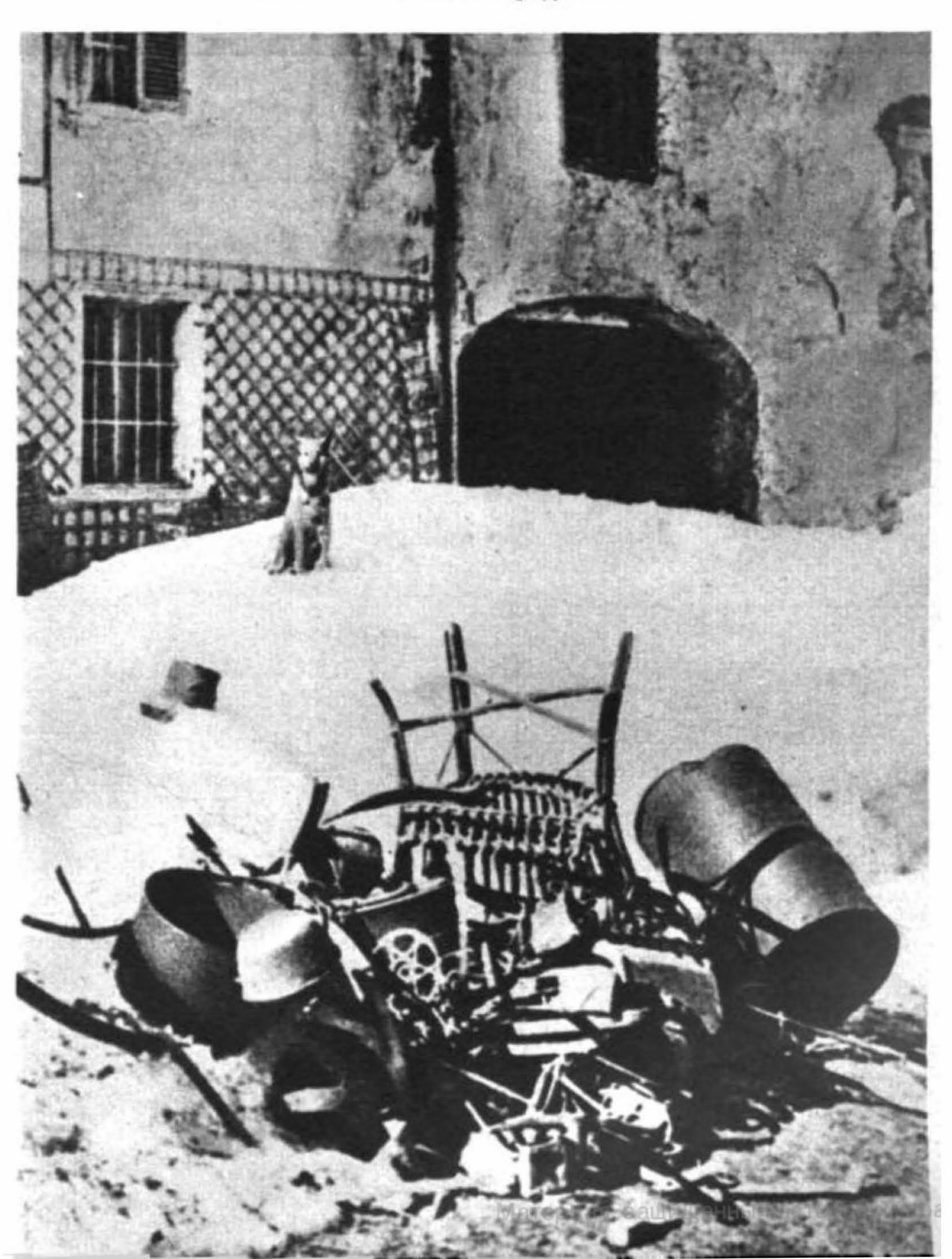
«...Жители покинули селение добровольно после разрушения всех домов»! Бездушному чинуше, написавшему эту строку, видимо, было невдомек, что в ней, словно в капле воды, отражена вся подлость и гнусность режима, именуемого буржуазной демократией. Да, они были совершенно свободны в выборе, крестьяне деревни Тинь: утонуть, подобно крысам, в ледяной воде, на куче щебня, оставшегося от их домов, либо уйти куда глаза глядят. Легко представить себе, как славили они эту замечательную «свободу», бредя тяжелой походкой бездомных людей по каменистым дорогам Савойи, сторонясь от обгонявших их грузовиков охранных частей, завершивших свою постыдную миссию в селении Тинь и спешивших на новые расправы в другие места.

Трагическая история насильственного умерщвления деревни Тинь не нуждается в комментариях. Скажу одно: если требуется кому-либо символическое изображение проклятого строя, жертвой которого стали ни в чем не повинные горцы из деревни Тинь, вот оно: взорванные динамитом хижины, медленно заливаемые водой; горько плачущие старухи и дети, оставшиеся без кровли над головой; сочувственное послание президента на поваливкемся телеграфном столбе; и над всем этим — наглый, пьяный охранник с автоматом, насвистывающий песенку о своей «Нини — собачьей шкуре».

Рвут последнюю связь Тинь с внешним миром.

Все, что осталось от родного очага.

РОЖДЕНИЕ СТАНИЦЫ

И. КОТЕНКО

Фото А. Гостева

Этот маленький, почти неприметный эпизод произошел ранней весной на переправе через Дон, у старого казачьего городка Калача. Сотни машин, обслуживавших строительство Волго-Дона, толпились в те дни у переправы. Маленький катерок, расталкивая проплывавшее по реке «сало», с трудом тащил за собой паром, тесно заставленный самосвалами, «зисами», бульдозерами. Мерное постукивание его мотора не умолкало круглые сутки. Шоферы в ожидании переправы жгли костры, заливали в радиаторы еще пахнущую ледком донскую воду, но, едва к берегу подходил паром, бросали все дела и спешили к причалам пробивать себе дорогу.

Но как ни шумели они, как ни доказывали свое право на первоочередной пропуск, порядок, установленный на переправе, нарушить было трудно. Здесь, как и на всей придонской земле, существовал в те дни один закон: интересы строительства. Комендант переправы, а попросту десятник одного из строительных участков, высокий, уже немолодой человек в теплой стеганке, туго перехваченной солдатским ремнем, в мягких резиновых сапогах, не верил ни клятвам, ни документам. Заглянув в кузов, коротко приказывал водителю: «С цементом? Давай наперед!» У другого, заискивающе смотрящего ему в глаза шофера спрашивал: «Гравий? Погоди! Пропусти наперед бульдозер».

В то утро, о котором идет рассказ, когда к берегу уже причалил паром и заревели моторы ближайших пяти — шести машин, готовых ринуться на мостки, комендант неожиданно поднял руку и неторопливо зашагал к запыленной полуторке, одиноко стоявшей у самой воды. У переправы она появилась минут десять назад и вопреки общим правилам прошла вдоль всей колонны машин по береговому песку. Когда пораженные шоферы очнулись, она подобралась почти к самым мосткам, и только здесь какой-то ободранный, повидавший виды самосвал преградил ей путь.

И вот к этой машине подходил теперь комендант. Он внимательно оглядел сложенные в кузове столы, плетеные стулья, большую, крашенную вишневой краской скамью, узлы, мешки, потрогал глянцевито поблескивающий, свесившийся за борт лист большого фикуса и только тогда поднял глаза на сидевшую у самой кабины женщину. Ей было лет тридцать пять. Закутанная в белый платок, она строго смотрела перед собой, словно ничто ее не касалось, и прижимала к себе так же, как и она, тепло закутанных девочек.

— Далече правитесь? — спросил комендант.

— В Ильевку! — с готовностью отозвался шофер, поднимаясь с подножки.— Километров десять осталось, товарищ начальник!

— Значит, в новый дом? — чуть заметно улыбаясь, спросил комендант переправы.

Женщина неожиданно быстро повернула голову и уставилась на коменданта большими, чудно похорошевшими от затеплившихся лукавых искорок глазами.

— Сколько же нам здесь ожидать?

Комендант только теперь посмотрел на шофера, заправлявшего под кубанку свой лихой чуб, и тихо приказал:

— Садись за руль!

Он пошел к причалу, и за ним следом осторожно двинулась полуторка. Она проходила мимо самосвалов, груженных камнем, мимо посторонившейся «Победы» какого-то начальника, мимо трактора с огромной прицепной тележкой и осторожно взошла передними колесами на поддавшийся вниз под ее тяжестью чисто подметенный ветром паром. И за ней уже потянулись с нетерпением дождавшиеся своей очереди остальные машины.

Может, так бы и исчез из памяти этот небольшой эпизод на калачовской переправе, если бы он был случайным, рожденным только благодаря доброму сердцу или любви к детишкам старого волго-донского десятника. Но сколько раз за эти годы, когда шло строительство Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, когда на огромном пространстве казачьей земли, от Калача до Цимлы, шло невиданное еще в истории переселение станиц и хуторов, приходилось наблюдать подобные случаи! Да это и нельзя назвать случаем. Внимательное, заботливое отношение к хозяйству и даже настроению переселенцев стало духом времени, главной приметой государственного, партийного отношения к этому большому человеческому делу.

Много мыслей рождает это массовое переселение старых станиц на новые места. Но, пожалуй, самая главная из них — неразрывное единство государственных и личных интересов. Никто не сказал пришедшим на донские берега строителям: чего, мол, их сюда принесло, зачем надо было нас тревожить? Великая мысль о преобразовании земли на благо человека уже крепко вошла в быт колхозного казачества.

В ту пору, когда только начинались разговоры о переселении, когда молодежь на гулянках пела об этом частушки и вовсю радовалась открывающимся перед ней перспективам, более пожилые казаки прикидывали все это новое дело по-хозяйски, сдержанно и расчетливо. Не в одной хате до зари ворочался какой-нибудь полевод, заслуженный передовик сельского хозяйства, со славой проходивший по чужим землям во время войны, обуреваемый многими мыслями. Конечно, подчас было немного грустно покидать обжитой клочок земли своего база, тревожили большие и малые вопросы. Как будет с выпасами на новом месте? Приживутся ли виноградные лозы на буграх? Как быть со строительством своей собственной хаты? Где взять лес, кирпич?

Но как только началось переселение, перед донскими колхозниками снова — в который раз! — открылось во всем величии, чуткости, заботе свое, советское, родное государство.

Началось с самого простого — с материального обеспечения всех переселенцев. Когда во двор к старому колхознику Василию Андреевичу Сулацкову пришла в первый раз оценочная комиссия, он сдержанно поздоровался и присел на ступеньки крыльца, ожидая, что будет дальше. Комиссия начала заносить в список хату, летнюю топку, сложенную во дворе, сарай, колодец, каждое деревцо в садике и тут же оценивала их.

— Четырнадцать тысяч! — слышал старик.— Пятнадцать тысяч!

Старый казак-колхозник Петр Яковлевич Рыжкин с женой Полиной Степановной у своего нового дома в хуторе Крутом.

Давно ли здесь был пустырь! А теперь здесь раскинулся парк новой станицы Цимлянской.

Сулацков взволнованно поднялся. Эта сумма превосходила все его самые смелые расчеты. А получил он семнадцать тысяч!

Новый (на берегу Цимлянского моря) хутор Крутой, где живет сейчас в новом доме Василий Андреевич Сулацков, вырос словно по мановению руки. Государство помогло переехать колхозникам, выделило для них лес, кирпич, стекло, кровельное железо,— словом, все необходимое для строительства. Только на перенесение хозяйственных построек этого колхоза, школы, клуба и пересадку виноградников государство выделило 1 миллион 300 тысяч рублей. Чтобы понять, какую государственную помощь получили переселенцы в зоне нового Цимлянского моря, достаточно сказать, что на строительство новых станиц и хуторов только в одних районах Ростовской области было затрачено 45 миллионов рублей. Свыше 28 миллионов рублей из этой суммы получили колхозники, рабочие и служащие.

И не только о денежной выгоде говорят теперь в приморских казачьих станицах. Выгоды сказались в любой отрасли общественного и личного хозяйства. В новых станицах появилось электричество, по оросительным каналам пришла на поля вода. Казалось, что еще только начало вступать в жизнь то новое, что принесло с собой степное море, а на открытие Волго-Донского канала уже прибыл из прицимлянских колхозов самый дорогой гость — огромный пшеничный сноп, который колхозники собрали на орошаемых землях, давших по 350 пудов с гектара.

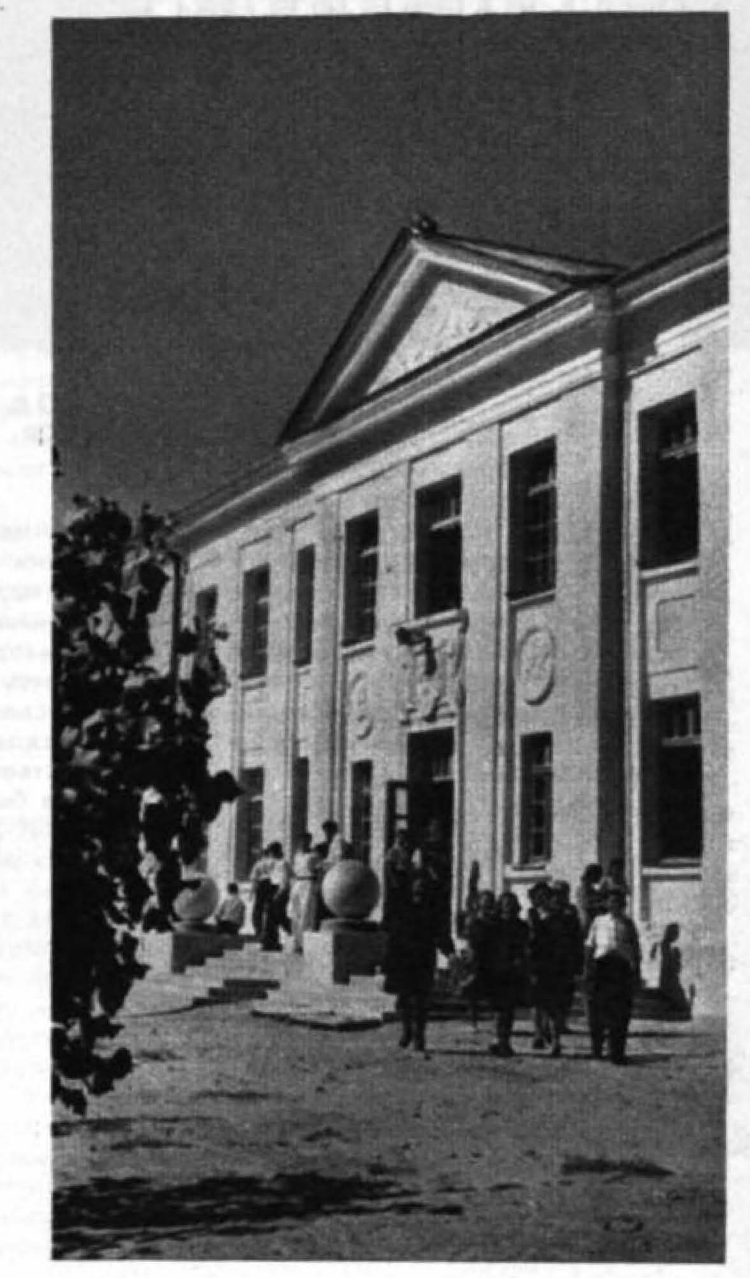
Старая донская станица Нижне-Чирская. Помнится, здесь одним из первых был переведен на бугры, на берег нынешнего моря, детский дом. Его переносили рабочие строительного участка. Они же привели сюда детей и разместили их в больших, светлых комнатах.

Станица Жуковская — тоже «новосел». Широкие улицы. Дома, крытые железом. Аллеи молодых деревьев. В окнах домов ярко горит электрический свет. В центре двухэтажная школа-семилетка, кинотеатр, станичная библиотека, заканчивается строительство амбулатории.

Хутор Крутой... Его в шутку называют выходцем со дна моря. Наблюдая за проходящими по Цимлянскому морю пароходами, определяют, над каким именно местом он сейчас проходит: «Будто как раз над вашим куренем, Сидор Васильевич!», «Нет, сдается, он сейчас, Григорий Петрович, в аккурат над той вашей грядкой, что до войны общественный бугай вытоптал!»...

Дома в этом хуторе просторные, с резными балкончиками, во дворах много цветов и фруктовых деревьев. Кстати, в переселенных хуторах и станицах Ростовской области только в этом году высажено во дворах и на улицах 7 600 фруктовых и 4 500 декоративных деревьев.

И так всюду. Просторно раскинулся у самой плотины ГЭС поселок Цимлянский. На курортный городок похожа новая станица Соленовская, к которой подошли и охватили ее с трех сторон морские воды. По проекту городских архитекторов построена станица Калининская.

В этой школе занимаются дети станицы Цимлянской.

Прижились на новом месте и виноградные лозы.

— Раньше как было? — вспоминают старые люди.— Увидишь, на телеге семья перебирается на новое место, сердце сжимается: куда путь держат, что впереди их ожидает? А теперь в городе ли, в селе ли увидишь на машине кровать, цветы домашние, детишек закутанных,— значит, переезжают люди в новую, обязательно лучшую квартиру, начнется у них новая, обязательно лучшая жизнь... Так уж сделали для нас партия, государство наше советское!..

Мы сидим с тетей Дашей, она же Дарья Григорьевна Железнякова, в маленьком садике у ее нового дома. За невысоким, недавно поставленным забором видна широкая площадь. Колышутся на свежем ветру молодые тополя. У пристани грузится баржа. Карповское море переливается серебром. Прижимая к себе дочку, которая только что пришла из школы и еще держит в руках портфельчик, Дарья Григорьевна рассказывает о своей новой жизни. Она упоминает и о случае, который был с ней на калачовской переправе, с благодарностью говорит о людях, которые ради нее задержали важные государственные грузы...

Гений русской музыки

Г. В. АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист СССР

«...В области искусства, в творчестве сердца русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звуков, красок.

Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним волшебник Глинка...»

Эти слова Горького, необыкновенно глубоко характеризующие Глинку и его эпоху, мы постоянно вспоминали, работая над фильмом «Композитор Глинка». Именно они зародили у нас много лет назад первую мысль о создании фильма, посвященного гениальному музыканту. Именно они послужили нам ключом к изучению биографии отца русской музыки. Работая над сценарием, мы проверяли ими каждую сцену, каждый эпизод. Снимая фильм, мы стремились вложить в каждого из многочисленных исполнителей горьковское понимание великого художественного подвига Глинки.

Глинка был Пушкиным русской музыки. И до него русская музыка имела замечательных композиторов, но только благодаря ему она стала в самом высоком смысле патриотичной, национальной, народной, классической.

«...Музыку пишет народ, а мы, композиторы, ее только аранжируем»,—говорил Глинка. Эта замечательная мысль, утверждающая народность искусства, была высказана композитором в страшную пору николаевской реакции, когда всякое выражение любви к народу рассматривалось, как крамола, и все национальное, русское в угоду иностранцам изгонялось из духовной жизни. Тогда, по выражению Горького, «замкнуты были уста народа, связаны крылья души». Но творчество Глинки, идущее из самого сердца народного, стало выражением русского национального характера, чувств и мыслей простых людей, которые они изливали в своих песнях.

Глинку травили. Одну его гениальную оперу, «Иван Сусанин», изуродовали отвратительным «верноподданническим» текстом барона Розена, плохо знавшего русский язык и русскую жизнь, а другую оперу, «Руслан и Людмила», за ее народный характер на долгие годы изгнали из репертуара. И все же его творчество победило и не могло не победить, ибо все оно от начала до конца было народно. Бессмертная музыка Глинки осталась в веках, она стала знаменем демократического искусства, она породила русскую музыкальную школу, давшую человечеству Даргомыжского и Чайковского, Серова и Балакирева, Мусоргского и Бородина, Римского-Корсакова и Рахманинова.

М. И. Глинка (артист Б. Смирнов) с сестрой Людмилой Ивановной (народная артистка СССР Л. Орлова).

Советские зрители уже знают фильм о Глинке, созданный в 1946 году. Однако жизнь и творчество великого русского музыканта представляют совершенно неисчерпаемый материал, который невозможно вложить в один фильм. И поэтому было решено вновь обратиться к трудам гениального композитора и раскрыть зрителям другие стороны его жизни в искусстве.

Передать биографию великого человека — это значит рассказать о том, чем он велик, что он дал человечеству. И поэтому для нас в жизнеописании Глинки самым главным стала творческая история его гениальных опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», его симфонических произведений, его романсов и обработок народных песен. Откуда родилась эта музыка Глинки, где ее истоки? Какие мысли и чувства композитора ее породили? Вот вопросы, на которые мы хотели ответить нашим фильмом.

М. И. Глинка (артист Б. Смирнов) на репетиции дирижирует исполнением «Славься».

Для этого нам надо было показать связь Глинки со своим народом и лучшими его представителями, надо было рассказать о борьбе, которую вели Глинка и его друзья и единомышленники.

С этого мы и начинаем наш фильм.

...1828 год. Страшная буря остановила течение Невы. Петербургу грозит наводнение.

Беспомощна царская власть в борьбе с народным бедствием. «С божией стихией царям не совладать»,— говорит Николай I. Но народ борется мужественно и отважно. В утлой лодочке простые русские люди сражаются с разбушевавшейся Невой, стремящейся их поглотить. А когда им становится трудно, они запевают песню, которая вливает в них новые силы и энергию.

Так начинается фильм, и так возникают в нем основные темы творческой биографии Глинки: тема мужества и самоотверженности русского народа, которые прославлял Глинка своим искусством, и тема музыки, помогающей народу в его борьбе.

Музыка Глинки стала глубочайшим выражением национального русского характера: храбрости, трудолюбия, патриотизма, разносторонней одаренности, которая проявляла себя даже в условиях крепостничества.

Нам хотелось показать в фильме простых людей, вдохновивших Глинку на создание его подлинно народных музыкальных образов. Поэтому появились в фильме крестьянин-партизан Отечественной войны 1812 года Ерофеев, народные музыканты и танцоры, заме-

чательные русские умельцы, такие, как изобретатель паровоза М. Черепанов. Введенный в фильм эпизод передвижки церкви является подлинным историческим фактом, свидетельствующим об исключительной технической одаренности русского народа. Передвижка церкви в фильме осуществляется по инициативе русского самородка — кузнеца Дмитрия Петрова.

Глинка черпал свои музыкальные образы из жизни родного народа, из источников народного творчества. Как внимательно и любовно вслушивался он в народные песни — русские и украинские! Он знал и высоко ценил все заслуживающее уважения в искусстве других стран, но на чужбине тосковал по родине, и когда сочинял, то ставил на фортепиано гравюры родных русских пейзажей...

Искусство Глинки имело могущественных врагов в лице официального царского Петербурга, чиновного аристократического общества того времени, низкопоклонничавшего перед всем иностранным и с презрением относившегося к русской народной музыке, называвшейся им «кучерской». Но искусство Глинки жило в народе и имело замечательных друзей и ценителей, поддерживавших композитора в трудные минуты и вселявших в него веру в правильность избранного пути. Жуковский поддерживал Глинку своими официальными связями, Даргомыжский стал его первым преемником. Тонкий знаток музыки и сам композитор, Грибоедов мечтал о совместной с Глинкой работе. Гоголь помышлял об опере «Тарас Бульба». Младший современник Глинки Стасов стал пламенным пропагандистом его творчества.

Но первым и самым великим другом Глинки был Пушкин. По свидетельству современников, Пушкин и Глинка не только любили друг друга, но и любовались друг другом. Пушкин горячо поддерживал мысль Глинки о создании оперы «Руслан и Людмила» и даже собирался сам переработать свою поэму для оперы. Смерть помешала ему осуществить это.

Мы сочли своим долгом показать в фильме круг друзей композитора, возглавляемый Пушкиным, ибо без этого образ композитора предстал бы обедненным.

На наш взгляд, фильм о Глинке должен быть фильмом о музыке, музыкальный материал в нем имеет первостепенное значение. Велико творческое наследие Глинки, и труден был отбор. Замечательный глинковский гимн «Славься» стал лейтмотивом фильма, и это определило принцип его музыкального построения.

Показать главное дело жизни великого композитора — значит показать его творческий подвиг в деле создания гениальной музыки. Но в этой музыке есть своя главная сторона — демократические ее основы. Глинка первый сделал народ главным героем оперы, и именно эту главную сторону его творчества мы и избрали нашей темой. Так определился и выбор музыкальных произведений, которые организовали драматургию фильма, определили его сюжет, превратили его в гимн русскому народу.

К постановке фильма «Композитор Глинка» я готовился много лет, изучал биографию Глинки, собирал иконографические материалы. Постепенно формировались замысел фильма, образы его героев, отдельные сцены.

Нужен был сценарий. Мне посчастливилось начать эту работу с выдающимся советским писателем Петром Андреевичем Павленко и Н. К. Треневой. Преждевременная и неожиданная смерть Павленко оборвала наше содружество, но он все же успел наметить основное направление будущего фильма, главную идейную и художественную линию сценария. Павленко, можно так выразиться, вылепил в сценарии образы Глинки, Пушкина и сестры композитора Людмилы Ивановны Шестаковой, сыгравшей выдающуюся роль в истории русской национальной музыки. Творческой фантазией Павленко были рождены эпизодические, но очень важные для темы образы кузнеца Дмитрия Петрова, партизана Ерофеева и других представителей народа.

К сожалению, не довелось также завершить работу над музыкальной партитурой фильма и композитору В. Щербачеву, глубокому и тонкому знатоку творчества Глинки. Эта работа была успешно доведена до конца В. Шебалиным, отнесшимся к ней со всей серьезностью и ответственностью.

Из многих актеров, о которых мы думали, как о возможных исполнителях роли Глинки, мы остановились после длительных поисков и проб на Борисе Смирнове. Зрители уже видели Смирнова на экране, но маленькие роли, в которых он до сих пор выступал в кино, не раскрывали всего дарования этого артиста.

В Смирнове нас привлекли не только подходящие внешние данные, но и присущие ему вдумчивость, чуткость. Бесконечно трудна задача создать образ гения, сыграть роль замечательного человека так, чтобы он предстал для миллионов зрителей близким, родным и понятным. Трудно без аффектации и фальши, правдиво показать творческую одержимость художника, процесс творчества, минуты вдохновения. Мне думается, что Смирнову удалось победить эти трудности, что воплощенный им образ — успех артистического мастерства, в котором талант, знание и труд неотделимы.

В небольшой, но бесконечно ответственной роли Пушкина в фильме дебютировал молодой актер, недавно окончивший Московский театральный институт, Л. Дурасов. Вероятно, найдется множество зрителей, чье представление о Пушкине не совпадет с образом, созданным Дурасовым. Но думается, что в пределах отведенной ему роли Дурасов добился бо́льшего, чем удивительное портретное сходство. Он дал талантливый эскиз образа Пушкина. И нет сомнения в том, что при большем объеме роли актер смог бы нарисовать Пушкина глубже и совершенней.

Преданным другом Глинки, посвятившим свою жизнь пропаганде русской музыки, была его сестра Людмила Ивановна, в замужестве Шестакова. С особою, присущей русской женщине самоотверженностью она оберегала своего великого брата от всех житейских невзгод. Ей мы обязаны тем, что до нас дошло почти все наследие Глинки. Переписанные ее рукой ноты и партитуры сохранили гениальные произведения композитора, подлинники которых погибли во время пожара. Людмила Ивановна — это женщина «доброты неизреченной», которая сыгра-

Встреча Франца Листа (Святослав Рихтер) и М. И. Глинки (артист Б. Смирнов).

Возвращение М. И. Глинки (артист Б. Смирнов) на родину из Италии.

ла немалую роль в творческой биографии и других великих русских композиторов, и прежде всего Даргомыжского и Мусоргского.

В фильме Людмила Ивановна помогает зрителю ближе узнать личную жизнь композитора, ее трудности и невзгоды, о которых сам Глинка не говорит.

Этот образ задушевного друга Глинки, верного спутника его жизни, и создала народная артистка СССР Л. П. Орлова.

В ролях друзей Глинки зрители увидят актеров Ю. Любимова (Даргомыжский), Г. Вицына (Гоголь), И. Литовкина (Грибоедов), А. Попова (молодой Стасов), Ю. Юровского (Виельгорский), С. Вечеслова (В. Одоевский), К. Нассонова (В. Жуковский). Роль Николая I исполняет артист М. Названов.

Необходимо отметить некоторых исполнителей эпизодических ролей: талантливо и ярко сыграл роль кузнеца Дмитрия Петрова, солдата, «еще с генералом Ермоловым на Монмартере постоявшего», артист А. Сашин-Никольский; роль итальянской певицы Паста, высоко ценившей гений Глинки, исполнила актриса Б. Виноградова.

Снимался в нашей картине один из талантливейших советских пианистов — Святослав Рихтер. Он выступает не только как пианист, но и как актер, исполнитель роли выдающегося венгерского композитора и виртуоза Франца Листа в эпизоде великосветского концерта в Петербурге. Блестящее исполнение Листом своей фортепианной переработки марша Черномора из «Руслана и Людмилы», его восторженная оценка творчества Глинки заставляют даже петербургскую «светскую чернь» изменить отношение к русскому композитору.

Режиссер П. Арманд во многом помог мне и актерам в создании образов фильма.

Изобразительное решение фильма принадлежит операторам Эдуарду Тиссэ, с которым я работаю уже более двадцати пяти лет, с времен «Стачки» (1924 г.) и «Броненосца «Потемкин» (1925 г.), и Антонине Эгиной и художнику А. Уткину. Осваивая замечательное наследие мастеров русской живописи XIX века, они воссоздали в фильме русские пейзажи, облик николаевского Петербурга, картины Италии, Испании, портреты выдающихся деятелей русской культуры. Но мы не скроем от читателей, что они ничего не снимали в Венеции, что в дни съемок на Неве не было ни бури, ни наводнения. Все это, как и многое другое, что зрители видят в фильме, создано выдающимися мастерами комбинированной съемки — оператором Г. Айзенбергом и художниками Л. Александровской, И. Гордиенко и Ф. Красным. Более шестидесяти портретных гримов и сотни типов для народных сцен сделала художник-гример В. Рудина.

С экрана звучит оркестр Государственной Ленинградской филармонии под управлением дирижера Е. Мравинского. Ленинградская Государственная академическая капелла под руководством Г. Дмитревского исполняет хоровые партии из опер. Государственный хор русской песни СССР под руководством А. Свешникова поет песни Глинки, русские и итальянские песни. Танцы в фильме оригинально поставлены балетмейстером Игорем Моисеевым и исполнены руководимым им ансамблем. На этот раз ансамбль исполнял не только народные пляски, но и арабский танец и лезгинку из оперы «Руслан и Людмила». Речь героев фильма и музыку мастерски записал на пленку звукооператор Е. Кашкевич.

Я назвал много имен, рассказывая об участниках постановки. Но на самом деле их было много больше. Это весь коллектив киностудии «Мосфильм» — не только вся съемочная группа, но и монтажеры, костюмеры, осветители, плотники и механики, лаборанты и гримеры, инженеры и техники. Все были одушевлены одним стремлением — достойно воплотить на экране образ человека, чье имя является гордостью и славой русского народа.

А. С. Пушкин (артист Л. Дурасов)

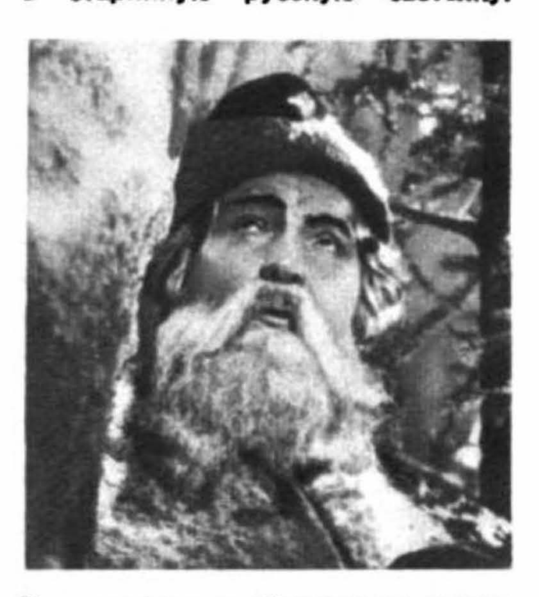
Фильм-концерт

Благодаря радио творчество выдающихся мастеров советского искусства стало доступным широчайшей аудитории слушателей. Но одно дело — слышать все это по радио, и совсем другое — видеть своими глазами. Понятен поэтому успех, которым сопровождался показ таких кинопроизведений, как «Большой концерт» или «Щит Джургая», — фильмов-концертов с участием виднейших артистов.

Сейчас студия «Ленфильм» выпустила новый такой фильм — «Концерт мастеров искусств»[1]. Значительное место занимают в нем сцены из опер «Иван Сусанин» М. И. Глинки и «Пиковая дама» П. И. Чайковского. Сочетать пение с созданием предельно правдивого, выразительного и точного внешнего образа — задача нелегкая. Особенно удались в «Концерте мастеров искусств» сцены из оперы «Иван Сусанин». Народный артист СССР М. Д. Михайлов в сценах с врагами, прощания с Антонидой (заслуженная артистка БССР Н. Гусельникова), в знаменитом эпизоде в лесу с подлинным вдохновением воплощает образ простого русского человека, идущего на высший подвиг во имя родины: «Страха не страшусь, смерти не боюсь, лягу за родную Русь!»

С подъемом исполняют Л. Масленникова и С. Лемешев сцену первого объяснения Лизы и Германа («Пиковая дама»). Галина Уланова и В. Преображенский танцуют в фильме «Вальс» Ф. Шопена. Это превосходное исполнение, несомненно, доставит большое удовольствие зрителям, так же, как сцены из балета А. Глазунова «Раймонда» с Н. Дудинской в главной партии, сцены из балета А. Хачатуряна «Гаянэ» в исполнении артистов Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова и огневые русские пляски участников Ансамбля народного танца под руководством И. Моисеева.

Интересно задуман показ эстрадных выступлений певцов. Пение Вероники Борисенко, исполняющей в сопровождении оркестра русских народных инструментов под руководством Д. Осипова «Пряху», с концертной эстрады переносится в старинную русскую светелку.

Кадр из фильма «Концерт мастеров искусств». Народный артист СССР М. Д. Михайлов в роли Сусанина.

Певец Иван Бугаев поет песню Ю. Милютина «Ленинские горы», проходя с друзьями мимо величественного высотного здания МГУ на Ленинских горах, любуясь раскинувшейся панорамой столицы.

Фильм заканчивается выступлением симфонического оркестра Ленинградской филармонии и хора Государственной академической капеллы, исполняющих фрагменты из оратории Д. Шостаковича «Песнь о лесах». Этот гимн преобразованию природы сопровождается показом грандиозного строительства, развернувшегося повсюду в Советской стране. Перед зрителями встают бескрайные колхозные поля, лесные полосы, огромные заводы, стройки, панорама Волго-Донского судоходного канала, здания в лесах — все то великое и родное, чем заняты сегодня советские люди.

В. МОРОЗОВА

[1] Производство киностудии «Ленфильм». Постановка А. Ивановского и Г. Раппапорта, оператор — С. Иванов.

Из года в год советские люди получают все больше хлопчатобумажных, шелковых, трикотажных изделий. Стахановцы легкой промышленности дают продукцию отличного качества. На снимке: молодая стахановка работница рижского шелкоткацкого комбината «Ригас аудумс» Эрна Улмис. На жаккардном станке она выполняет полторы нормы.

Фото Е. Умнова

Любовью и заботой государства окружены советские школьники. Счастливая детвора находит время и для плодотворной учебы и для веселого отдыха. *На снимке:* отличники Кумарыкской школы (Фрунзенская область, Киргизская ССР) Турарбек Аманкулов, Атиз Базарбекова, Тукан Калагулова.

Фото И. Тункеля

СОВРЕМЕННИКИ

Короткие рассказы

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунки О. Верейского

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОНЦЕРТ

Все началось с открытки, на которую поначалу Михаил Силыч Матвеев, знаменитый солист знаменитого театра, не обратил даже особого внимания. Артист был уже немолод, слава пришла к нему давно, и он едва успевал перечитывать обширную корреспонденцию, которую присылали на его имя. Да открытка и не содержала ничего особенного. Радиокомитет организовывал очередной концерт по заявкам слушателей, на этот раз рабочих и инженеров одной из великих строек коммунизма, и в числе этих заявок, принесенных музыкальным редактором на выбор Михаилу Силычу, было письмо экскаваторщика Никиты Божемого, который просил певца исполнить старинную бурлацкую песню «Эй, ухнем».

— У него губа не дура, у этого Никиты,— с обычным своим грубоватым добродушием сказал Михаил Силыч редактору.— Что ж, включайте в программу «Эй, ухнем», пусть Никита порадуется.

Певец и сам любил эту песню, которую давным-давно он, тогда еще маленький конторщик пароходного общества «Кавказ и Меркурий», замирая, трепеща и обливаясь потом в тесноте галерки, слышал в исполнении Шаляпина. Он пожалел только, что раздольную песню эту придется исполнять в радиостудии, к чему он, как и большинство артистов, никак не мог привыкнуть.

Но на этот раз, оставшись один у микрофона, певец вдруг представил знакомое, дорогое ему с детства приволье волжских берегов и стройку, о которой он столько читал в газетах. Он увидел массу людей и среди них Божемого, которого воображение артиста нарисовало пожилым украинцем в вышитой рубашке с низким воротом, с лысоватым выпуклым шевченковским лбом, с пышными висячими усами и внимательными глазами, грустными и лукавыми одновременно. Он представил себе даже, как слушает его Никита, упираясь подбородком в загорелый кулак и пряча улыбку в пшеничные усы.

Должно быть захваченный видением далекой стройки, Михаил Силыч пел в пустом помещении радиостудии, как давно не певал и на больших концертах.

Через несколько дней пришло письмо от Никиты Божемого. Экскаваторщик писал, что он — давний любитель пения — слыхивал лучших певцов страны, но что такого исполнения любимой песни ему слушать не доводилось. Он звал Михаила Силыча на стройку, «обновить новый летний театр». Между прочим, в конце письма он сообщал, что в благодарность певцу экипаж машины решил в следующем месяце перекрыть свой собственный рекорд и вынуть грунта на пятнадцать тысяч кубических метров больше, чем в предыдущем. «Это мы вам в подарок за дивное, прекрасное ваше пение»,— писал экскаваторщик.

Последние, брошенные точно бы между прочим, строки письма необычайно взволновали певца. Он давно привык к вниманию зрителей. Но ни букеты, которые восторженные девушки торопливо совали ему в руки, когда он выходил из артистического подъезда, ни всяческие портсигары, палехские шкатулки, бювары и бокалы с надписями и без надписей — ничто ни разу так не порадовало артиста, как это простое сообщение. Пятнадцать тысяч кубических метров грунта! Ему, давно привыкшему к шумной своей славе, было необыкновенно приятно сознавать, что он точно бы помог ускорить строительство.

Неожиданно для товарищей по театру он, слывший среди них человеком неподвижным, тугим на подъем, вдруг сам взялся комплектовать концертную бригаду для поездки на Волгу. Делал он это неторопливо, деловито, радостно, будто бы был членом экипажа экскаватора «Уралец», выполнявшим задание своего бригадира. Он даже написал Никите Божемому, когда артисты прибудут, кто едет и что будет исполнять. В ответ он получил большое благодарственное письмо от начальника политотдела, а от самого экскаваторщика выразительную телеграмму: «Великое спасибо, ждем. Божемой».

Артистов на стройке встретили радушно. К пароходу высыпала целая толпа. Всем преподнесли по букету. Михаил Силыч был обрадован и все озирался, стараясь разглядеть среди коричневых, загорелых лиц человека в рубахе с низким, завязанным шнурочками воротником и висячими усами. Усевшись в машине возле начальника политотдела, он не удержался и спросил, был ли среди встречавших знаменитый экскаваторщик.

— Никита Остапыч? Он сейчас в забое. У них горячие дни — перемычку к осенней воде закончить надо... А вы его знаете?

— Нет, так, слышал, в газетах читал,— соврал почему-то Михаил Силыч.

Целый караван машин с празднично одетыми людьми шел за «победами», в которых ехали артисты. И все же певец был огорчен.

— Хорошая голова этот Никита Остапыч! — продолжал разговор начальник политотдела.— Наша гордость. Он тут такую выработку показал в прошлом месяце,— все ахнули. Впрочем, дело не в цифрах. Остапыч—это целая школа. Он...

— А он будет на концерте?

— Ну как же! Со всем своим экипажем. Для них я приказал все правое крыло второго ряда оставить... Да, простите, я и забыл, это же он сагитировал вас сюда приехать.

— Меня не надо было агитировать,— сухо ответил Михаил Силыч и замолчал на всю дорогу.

Огорчение перерастало в обиду на этого Никиту. Ведь он, Матвеев, всенародно известный певец, в ответ на его приглашение приехал сюда. Привез великолепную бригаду. А тот даже не встретил. Не может быть, чтобы на такой огромной стройке, что вот уже полчаса тянется за стеклами машины, не нашлось бы человека, чтобы его заменить. В театре — и то заменяют исполнителей, а ведь это театр, и исполнители — единственные в своем роде!.. Певец дал себе слово ни за что не смотреть на правое крыло второго ряда.

Он так и сделал, когда во фраке, крахмальной манишке быстрым шагом вышел на летнюю сцену, прикрытую изящной раковиной. По склонам естественного холма расходились радиусами ряды. Задние терялись во мраке, как бы вливаясь в темноту леса, покрывавшего холм. Глубокое звездное небо служило потолком амфитеатра. Но раковину построили так, что резонанс был великолепный. Голос певца, то бархатно-гибкий и мягкий, то раскатисто гремевший на низких нотах, легко покрывал бесконечные ряды и, уносясь вдаль, то стихал в лесу, то возвращался звучным эхом.

Этот естественный зал так жадно ловил звуки, так чутко слушал, так дружно аплодировал, что к Михаилу Силычу вернулось отличное

расположение духа. Он простил экскаваторщику обиду и, кончив петь, добродушно, лукаво улыбаясь, посмотрел на первые ряды правого крыла. Они были хорошо видны, эти ряды, освещенные отсветом сцены. Зал был набит битком, но именно во втором ряду зияло несколько пустых мест.

Ревнивым глазом артиста Михаил Силыч в одно мгновение разглядел в этом ряду полную миловидную женщину с головой, увенчанной тяжелыми косами, загорелую стройную девушку и еще каких-то женщин, между которыми темнели незанятые кресла. Артист понял: это места экскаваторщика и его друзей, понял, что они не пришли даже его послушать.

Но аплодисменты так дружно, так бурно и настойчиво гремели под звездным небом, что постепенно чувство обиды снова растворилось в них. Михаил Силыч забыл об экскаваторщике, он как бы слился в единой общей радости с этой массой загорелых, обветренных людей, сердца которых так чутко отзывались на каждую ноту. И, подчиняясь радостной воле слушателей, он в этот вечер был необыкновенно щедр и пел, не жалея голоса.

А потом, когда его наконец отпустили и он, взволнованный, счастливый, юношеским, легким шагом сбежал со сцены, вытирая платком вспотевший лоб, к нему протиснулись женщины, которых он разглядел давеча во втором ряду. Та, что была повыше, дородная, смуглая, с головой, увенчанной косами, протягивая большой букет прекрасных роз, которые, как казалось, еще хранили меж лепестками капельки утренней росы, сказала певуче:

— Это от Никиты Остапыча Божемого.

— А это от экипажа «Уралец»,— торопливо прощебетала тоненькая, что сидела в ряду подле первой. Сунув букет певцу и страшно при этом покраснев, она скрылась за спинами подруг.

Остальные отдали букеты молча. В руках у певца оказалась целая охапка роз.

— А Никита Остапыч, где он? — спросил Матвеев, скрывая лицо в тяжелых, душно пахнущих цветах.

— Извиняется он перед вами. Я Оксана, супруга его. Велел он мне передать, что не мог вас встретить и на концерт придти. Сменщик у него заболел, а дело самое срочное... Перемычку насыпают, а осень-то, вон она,— и, обаятельно сверкнув зубами, женщина сказала, вдруг переходя на украинский: — Вы вже мого чоловика звиняйте. Вин був дуже сумный, що вас не побачив. Дило ж! Сниданье — и то на работу ему ношу.

— Где ж вы взяли такие прекрасные цветы?

— А це вин сам выростив. Вин квиты дуже любить. Вин для вас увесь садочок наш обирвав...

Сразу полегчало, посветлело на душе певца. Ну да, как ему раньше не пришло в голову, что люди тут вкладывают в работу все свои силы, способности, мечты, что тут, наверное, бывают часы и дни, когда приходится во имя дела жертвовать самым дорогим, личным. Михаилу Силычу стало стыдно за свою эгоистическую обиду, захотелось поскорее увидеть своего корреспондента, пожать ему руку, познакомиться с ним.

После концерта управление давало артистам ужин. Михаил Силыч отказался садиться за стол и стал просить показать ему строительство.

Была глухая ночь, но все здесь жило, как днем, в свете бесчисленных электрических огней. Провожатый, молодой инженер, москвич, любитель музыки, то принимался объяснять назначение тех или иных объектов, то пускался в пространные разговоры о вокальном искусстве. Михаил Силыч слушал рассеянно. Тут, на этом некогда тихом и пустынном волжском плесе, где в дни его юности стояла лишь старая баржонка, служившая пристанью, шла теперь стройка неоглядного масштаба. Певец даже и не пытался представить себе все, о чем рассказывал его спутник. Как человек с острым музыкальным слухом, он воспринимал окружающее в виде потока звуков. Все они, такие ему непонятные и многообразные, как бы сливались в одну могучую, торжественную и раздольную симфонию коммунистического созидания.

И где-то здесь, среди этого звукового многообразия, на неведомой певцу машине работал Никита Божемой, любитель музыки, пожертвовавший концертом для срочного дела. Его машина тоже, наверное, вплетает какие-то свои звуки в эту симфонию. Прорываясь сквозь все эти шумы, то и дело раздавался звонкий девичий голос, разносимый репродукторами. Он говорил обыкновенные вещи: кому-то приказывал ускорить оборот самосвалов, кого-то приглашал немедленно явиться к дежурному инженеру, кого-то сердито отчитывал за неподачу бетона на третий участок... Обычные текущие дела. Но певцу этот голос казался голосом человека-творца, командующего всей этой массой сложных, могучих, рычащих, звенящих, пыхтящих машин и механизмов.

— Кто это? — спросил Матвеев.

— Это Нюра Капустина, помощник дежурного диспетчера,— ответил провожатый. И тоном экскурсовода пояснил: — Весь котлован у нас радиофицирован, все распоряжения строителям, оперативные, конечно, передаются по радио.

— Бригадир автоколонны, бригадир автоколонны! Усильте оборот машин, не заваливайте подачу. Божемой сердится, Божемой сердится.

— И голос ее слышат везде?

— Ну да, а как же, по всему котловану,— отозвался инженер, с удивлением улавливая в вопросе знатного спутника взволнованные нотки.— А первый раз в «Сусанине» я слышал вас мальчишкой, помню...

— Вот что, а если мне выступить сейчас по этому радио? — перебил его вдруг Михаил Силыч.— Ну да, чего вы так на меня смотрите? Выступлю вот для Никиты Божемого, для всех, кто сейчас работает и не мог быть на концерте. А? Как?

— Что вы! Там же дощатая конурка,— испугался провожатый,— скворечня, никакой акустики, там...

— Нет, нет, идемте. Где она сидит, эта ваша голосистая Нюра? — властно сказал Михаил Силыч, весь наливаясь веселой, озорной радостью, точно бы с плеч у него свалилось сразу лет двадцать — двадцать пять.

И через несколько минут известный всем строителям голос Нюры Капустиной, растерявший все свои самоуверенные и повелительные нотки, торопливо, единым духом выпалил из всех репродукторов:

— А сейчас по диспетчерскому радио выступит для рабочих ночной смены народный артист Союза Михаил Силыч Матвеев. Он споет... Ой, этого я и не знаю, он сам вам скажет. Внимание, у микрофона артист товарищ Матвеев.

Сквозь рев бетоновозов, тягучий лязг загоняемого в землю шпунта, сквозь пофыркивание скреперов, скрежет экскаваторных ковшей прорвался и полился могучий бас. Необычайно радостно, с веселой силой и удалью прогремела над стройкой старая бурлацкая песня... Славный патриот Иван Сусанин говорил с родиной в свой предсмертный час... Раскатывался по котловану сатанинский смех Мефистофеля... Разудалый Еремка потешал русский народ веселыми прибаутками о широкой масленице...

Странный это был концерт. Паузы в промежутках между песнями и ариями заполнял взволнованный девичий голосок, вызывавший к прорабу проштрафившегося десятника, сообщавший экскаваторщикам, что автоколонна усилена, в третий раз срочно требовавший какого-то Климова к дежурному инженеру. А потом снова гремел разносимый репродукторами на много километров могучий бас.

Не переставая нажимать рычаги экскаватора, слушал его Никита Божемой. Слушали бетонщики, мостя в щитах опалубки влажную серую массу, сыпавшуюся с грохотом из самосвалов. Слушали электросварщики, извергавшие молнии в железных зарослях арматуры. Слушал дежурный инженер, который, так и не дождавшись исчезнувшего Климова, присел на минутку на какой-то ящик перед репродуктором да так и застыл очарованный...

Певец стоял в крохотной диспетчерской кабинке, заполнив ее своей массивной фигурой и почти упираясь головой в потолок. Он давно сорвал и сунул в карман крахмальный воротничок вместе с галстуком. Пот ручьями лился с его широкого рабочего лица. Не замечая этого, он исполнял одно за другим самые любимые произведения, пел радостно, самозабвенно, бросая в диспетчерский микрофон все сокровища своего голоса.

Он пел, испытывая новую небывалую радость, которую он сам еще не понимал и которая бодрила и молодила его...

ВКЛАД

С того самого дня, когда бригада Сетьстроя прибыла в эти знаменитые теперь края, Петр Синицын как-то сразу разочаровался в своей профессии.

Нет, «разочаровался» не то слово. Все было сложнее.

Петр Синицын попрежнему любил свое нелегкое, опасное дело монтажника-верхолаза. Со стороны, издали, мачты высоковольтных электропередач, пересекающие ландшафт, кажутся легкими, ажурными, точно бы парящими в воздухе над простором степей или трудолюбиво шагающими гуськом через леса по прорубленной для них просеке. На самом деле это тяжелые стальные сооружения. Поднять, установить, укрепить их на бетонных подушках, а потом на большой высоте подвесить к ним провода и грозозащитные тросы — дело нелегкое. Оно требует ловкости, сообразительности и умения, если надо — идти на разумный риск. Петр Синицын, трудовой путь которого начался тут, в бригаде сетьстроевцев, сразу увлекся этим делом, втянулся в него и стал совершенно искренне считать его самым интересным и увлекательным из всех дел, какими занимаются люди. К тому же, что там говорить, приятно сознавать, что ты ведешь свет, энергию, культуру в далекие районы, в пустынные края, в степь, в тайгу.

Но вот стальные мачты зашагали по трассе великой стройки. С их вершины, с высоты птичьего полета, в погожие дни открывалась окрестность километров на пятнадцать, на двадцать. Перед Петром Синицыным развертывались картины строительства, сменявшие одна другую. Среди изрытой, развороченной степи юный монтажник видел в облаках пыли целые стада работающих машин, таких больших и сложных, что они казались ему сверху живыми существами.

Все это было так необычайно интересно, что дисциплинированный монтажник иной раз вдруг прекращал работу и застывал, точно зачарованный всем этим. Среди строителей он видел много своих погодков — самых обыкновенных парней и девушек. И он с неудовольствием стал замечать, что завидует им, уверенно хозяйничающим на всех этих сооружениях, управляющим машинами и механизмами, по сравнению с которыми собственный инструмент казался ему до смешного простым. О стройке каждый день писали в газетах. Вся страна следила за работой этих парней и девушек, а он, Петр Синицын, со своими товарищами продолжал ставить все одни и те же, похожие одна на другую мачты, тянуть бесконечные провода, совершенно одинаковые и в тайге, и в степи, и на трассе великих строительств.

Вот тут-то Синицын и почувствовал, что стал охладевать к своей профессии. Видя, что это уже отражается и на работе, он однажды доверил свои тревожные мысли мастеру Захарову, который когда-то приобщил его к сложному делу верхового монтажа. Захаров, или, как все его называли, Захарыч, человек покладистый и даже осуждаемый начальством за мягкость и панибратство с подчиненными, с недоумением посмотрел на своего ученика, потом вдруг покраснел до испарины и пустил такую очередь соленых, дореволюционного качества словечек, что Петр отскочил от него и поспешил убраться, не ожидая ответа по существу.

Но вечером, приняв у бригады работу, мастер сам подошел к Синицыну, маленькой жесткой рукой взял его за плечо и, посмотрев в сконфуженные глаза парня, сказал с упреком:

— Петька, профессия баловства не терпит. Она, как жена: выбрал — люби, по сторонам не поглядывай, а то станет тебе грош цена, и название тебе от всех будет «вертопрах».

Квартировали в ту пору монтажники в доме на окраине поселка. В большой комнате жило человек шесть. Мастер помещался в уголке, отгороженном одеялом. Ночью, когда все уже храпели на разные голоса, Синицын ворочался и не мог уснуть. Он принимался считать до ста и обратно, но этот неоднократно проверенный им способ самоусыпления не помогал. Сна не было. Разговор с мастером не выходил из головы.

Вдруг Петр услышал, как в углу резко скрипнула деревянная кровать. Кто-то наощупь, осторожно обходя спящих, пробирался к нему.

— Маешься? — услышал он рядом шопот Захарыча. — И мне чего-то не спится, вертелся, вертелся, аж бока болят, — мастер присел возле. — Очень ты меня, Петька, сегодня обидел... Я што, меня можешь какими хошь словами критиковать — выслушаю. Ты дело наше обидел... Профессия, она ведь святая, в нее, брат, верить надо.

Синицын молчал. Его удивляло, что мастер, из которого обычно и слова не выбьешь, вдруг так разговорился.

— Вот ты толкуешь: машины. Верно, знаменитые машины, сам любуюсь. А разве только в машине дело? Дело в том, кто в ней сидит Посади в нее дурака — он машину угробит и дела не сделает. А человек с умом, он и с простыми кусачками себя проявит. Вот ты в нашем деле усомнился, на стройку коммунизма потянуло. Стройка, она, конечно... А вот не поставим мы во-время на Волге мачты и упоры, не перекинем линию — всей стройке тормоз, машины остановятся, питаться им нечем.

Мастер склонился к парню и горячо шептал ему на ухо. Он был на совещании, предстоят работы огромной важности, невиданные, небывалые. Нужно подвесить между двумя береговыми упорами линию длиной в полтора километра. Да где? Метрах в ста над рекой. И когда? Теперь вот, срочно, до паводка. А то как раз левобережье без тока и оставишь.

— Слыхал? Вот и разумей, что такое верхолаз-монтажник. И помни, парень, не важно, на какой ты машине сидишь, важно, что ты умеешь, да ум, да сердце, да к делу любовь. А если все это в тебе есть, будь ты хоть перевозчиком на пароме, придет твой час, проявишь себя, и народ тебе свое спасибо скажет...

Ночной этот разговор, жаркий шопот мастера припомнил Петр Синицын некоторое время спустя, когда над рекой на обоих берегах уже возвышались огромные ажурные мачты, уходящие в синеву неба, а на них, слегка повисая над стремниной, протянулись толстые, едва различимые снизу провода. Небывалая в истории техники задача была уже решена, решена умно, смело, во-время. Но вот за день до того, как по проводам должен был пойти ток, контролеры, принимавшие сеть, заметили, что над серединой реки, на одной из фаз, произошел обрыв жилы провода.

Страшное это было открытие. Опускать провод вниз нельзя: на реке началось судоходство. Задержать сдачу линии невозможно: механизмы стройки, все эти земснаряды, экскаваторы, уже заняли исходные позиции и ждали тока. Оставалось одно: найти человека, и не просто человека, а отличного мастера, который взялся бы по проводам, висящим более чем в ста метрах над уровнем реки, добраться до места обрыва и там, качаясь над бездной, наложить бандаж. Подобной работы в таких необыкновенных условиях никому из монтажников Сетьстроя производить еще не доводилось. Да вряд ли и вообще производил до этого нечто подобное хотя бы один верхолаз в мире.

Как когда-то на фронте на опасное героическое дело вызывали обычно охотника, так и здесь инженер, собрав лучших монтажников, спросил, не возьмется ли кто-нибудь из них добровольно совершить этот трудный и опасный подвиг.

Наступило молчание. Монтажники, загораживаясь ладонями от солнца, смотрели на провисший провод, покачивающийся над водой, стараясь разглядеть на нем роковой обрыв. Призматический бинокль переходил из рук в руки. Через его сильные линзы можно было даже рассмотреть завитки оборвавшейся жилы. И люди стояли в молчании, прикидывая в уме свои силы и расстояние, на которое предстояло карабкаться по проводу высоко над бездной. Каждый мысленно совершал этот опасный путь и чувствовал, как от одних только этих мыслей начинает учащенно биться сердце, а дыхание становится прерывистым.

Петр Синицын был среди товарищей. Когда инженер вызвал охотника, он вспомнил, как Захарыч говорил ему ночью, что в каждой профессии настает время, когда человек сможет проявить свои способности, и еще подумал молодой монтажник, что стройка коммунизма, куда его так тянуло, может остаться без тока. Эти мысли разом мелькнули у него в голове, и, прежде чем даже созрело окончательно взвешенное решение, он подошел к инженеру и торопливо сказал:

— Я полезу. — Потом ревниво взглянул на остальных монтажников и прибавил, уже оспаривая свое право на подвиг: — Я, я полезу, я наложу бандаж.

Сердце его билось так, что он даже испугался, как бы этого не услышал начальник, решавший его судьбу. Он даже попятился от инженера. Вызвались и еще охотники.

Инженер пытливо всматривался в их загорелые лица. Все это были опытные, испытанные монтажники-верхолазы. Инженеру предстояло принять решение, от которого зависела не только своевременная подача тока великому строительству, но, может быть, и человеческая жизнь.

Взгляд его остановился на взволнованном юном лице, на котором даже под густым загаром угадывался возбужденный румянец.

— Пойдет Синицын, — сказал инженер как можно спокойнее и обыденнее. И тут же начал отдавать распоряжения, чтобы были приняты все меры безопасности.

Обычно думают, что верхолаз лишен ощущения пропасти, этого могущественнейшего чувства, возникающего и укореняющегося в человеке, когда он младенцем делает свои первые шаги по земле. Нет, тягостное чувство это живет даже в самых опытных высотниках, и только всепобеждающая человеческая воля обуздывает его, позволяя мастеру трудиться где-нибудь на огромной высоте с тем же спокойным, расчетливым мастерством, как на твердой, незыблемой земле. Зато верхолаз, знающий, что такое высота, научившийся хладнокровно работать на ней, стоя на земле, никогда не может без волнения наблюдать за своим товарищем, находящимся там, наверху.

И сейчас, когда Петр Синицын с инструментальной сумкой через плечо проворно карабкался на вершину стальной мачты, о которую, как казалось снизу, распарывали свои груди сырые весенние облака, за ним с волнением следили опытные его товарищи. Петр становился все меньше и меньше. Вот уже не стало видно его лица с крепко закушенной губой. Только силуэт его фигуры не очень четко вырисовывается, то стушевываясь, то проясняясь, среди грязноватых торопливых тучек.

— И ветер еще, чтоб его... — сказал кто-то из наблюдавших за ним.

— И сырость... провод-то, он теперь скользкий, — с сокрушением добавил другой.

— Тише вы, — простонал Захарыч, не отрывая глаз от маленькой фигурки, как будто этот тихий шопот людей на земле мог отвлечь, рассеять внимание того, кто там, наверху, оторвавшись от железных ферм мачты, медленно, очень медленно начал свой путь по проводу, качавшемуся над пропастью.

— Пошел... А провод-то, провод-то как парусит!

— Не каркать! — рычит Захарыч, а потом сам шепчет чуть слышно: — Осторожней, осторожней! Перехватывайся, отдыхай...

Большая река живет между тем своей обычной жизнью. Маленький, шустрый буксирчик тянет за собой баржи с лесом. Катер волочит огромную барку парома, палуба парома сплошь покрыта людьми и машинами. Белоснежный большой теплоход плывет величественно, как лебедь. Маленький человек, медленно перемещающийся там, наверху, на раздуваемых ветром проводах, с земли еле виден, но его уже заметили отовсюду, взоры сотен людей устремлены к нему.

Мастеру Захарову, которому самому приходилось вот так, навесу, ремонтировать провода — хотя, конечно, не на такой высоте и не при таких небывалых обстоятельствах, — начинает казаться, что и эти взволнованные взгляды, и тарахтенье мотора катера, и гудки пароходов — все это как-то мешает тому, кто, вися над пропастью, медленно, но неуклонно движется к месту обрыва.

— Петруха! Петя, Петенька, осторожней, осторожней! — шепчет он. Когда кто-то из монтажников прикладывает к глазам бинокль, он смаху вырывает у него прибор. — Не смей, не в цирке!..

Инженер, который дал Синицыну разрешение совершить этот подвиг, уловив конец фразы, думает: «В цирке?! Что стоит самый сложный цирковой номер, в сотый раз повторяемый на ограниченной высоте, над распростер-

той сеткой, по сравнению с тем, на что добровольно вызвался вот этот паренек, висящий сейчас над бездной на колеблющихся, парусящих проводах! И все же я, начальник, позволивший монтажнику пойти на этот подвиг, прав. Еще никогда никому не доводилось тянуть такую сеть. Это уникальный пролет, и техника еще не создала специальных приспособлений для ремонта сетей так высоко над землей. Пока приходится ограничиваться обычными мерами безопасности. Ведь даже и не представишь себе пловучую башню такой высоты. Сто четырнадцать метров над уровнем воды!» Математически организованный мозг инженера сам собой производит расчет. Скорость падения в первую, во вторую, в третью секунду... «Боже, какая страшная скорость! И все-таки нужно послать туда катер. Ну, да, под провода, на всякий случай. Хотя какой может быть случай: удар о воду — и...»

— К катеру! — командует он.

Взревев мотором, катер стремительно отрывается от причала и, точно привязанный, начинает кружить по реке под проводом. В нем инженер, мастер Захаров и водитель, вихрастый паренек в тельняшке, настолько сейчас побледневший, что слой загара кажется на его лице зеленоватым, а веснушки — черными. Захаров ложится на корме, чтобы не терять своего ученика из виду.

— Да не трещи ты мотором, чорт конопатый! — зловеще шепчет он мотористу.— Не тещу катаешь... Ходи на малом газу.

Всем своим существом, всеми мыслями мастер с тем, кто, вися над бездной, почти уже достиг средины реки. Самое горячее его желание сейчас — быть рядом с учеником, и только большой опыт, говорящий, что в верхолазном деле там, где достаточно одного, двоим нечего делать, да жесткая самодисциплина высотника мешают ему просить у инженера позволения лезть на помощь Петру...

А Петр Синицын между тем уже добрался до места обрыва жилы.

Вначале, когда он поднялся на вершину гудящей мачты, ощутительно вибрирующей под ударами ветра, и перед ним протянулись провода и тросы, которые, как это было четко видно отсюда, как бы плавали вперед и назад, ему стало страшно до дрожи в ногах. Высотник с первых же своих трудовых шагов, он научился справляться с тягучим, томительным чувством, овладевающим человеком на краю пропасти. Он никогда без нужды не смотрел вниз и приучил себя воспринимать все окружающее его на высоте как бы лежащим на земной поверхности.

Но тут не было твердой опоры для ног и рук. Тросы, по которым предстояло двигаться, раскачивались и как бы умышленно стремились выскользнуть из-под него. Щемящий холодок страха, возникший где-то под ложечкой, быстро сковал все мускулы. Руки, ноги потеряли обычную эластичность, стали неповоротливыми. И, может быть, впервые за все время работы верхолаз почувствовал каждой точкой своего тела, как вздрагивает и даже раскачивается верхушка мачты.

Что же, слезать? Он хотел было смерить взглядом расстояние, отделявшее его от земли,— перед его взором развернулась стройка, отлично видная сверху. Широко простираясь в излучине реки, она вся курилась дымами многих труб, куталась в облака пыли. Как пловучие дома, стояли на рейде землесосные снаряды, за которыми, будто огромные сосиски, тянулись сегменты пловучих пульповодов. У мола, опоясанного причалами, теснились суда. Краны неутомимо сгружали с барж фасонное железо, стальные фермы, пачки теса, бревен, сетки с бумажными мешками, вновь железо и вновь бревна. Вся окрестность до самого горизонта кипела трудом.

Слезать? Оставить все эти землесосы, шагающие экскаваторы, бетонные заводы без электроэнергии?

Сотни людей смотрели в эту минуту на Петра Синицына: с берегов, с пароходов, с парома,— но он, не зная об этом, не видел их. Зато он чувствовал, что в эту минуту на него, простого верхолаза-комсомольца, смотрит стройка коммунизма, где он мечтал работать все эти последние месяцы.

Слезать? Да как он смел так подумать!

Петр Синицын цепким, пружинистым движением соскользнул на провод и, радостно — да, именно радостно — ощущая, как вновь становится эластичным все тело, а руки обретают цепкость, двинулся вперед. Все сомнения, опасения, колебания точно бы сразу остались позади. Мысли, воля — все сосредоточилось в одном твердом, непреклонном решении добраться до обрыва, наложить бандаж.

Карабкаясь по раскачивающемуся проводу, Петр думал только о том, как сделать свои движения более точными; он не видел ничего, кроме своей парусящей опоры, то тускневшей в сыром тумане, то вырисовывающейся с необыкновенной четкостью. Он не смотрел вниз, не думал об опасности и двигался медленно, расчетливо, сантиметр за сантиметром карабкаясь там, где не смогла бы пройти ни одна кошка.

И что очень странно, это удивило и его самого, он не заметил, как добрался до места. Вот он, проклятый обрыв, поставивший под удар старания, труд и энтузиазм сетьстроевцев! Провод второй фазы. Завитки поврежденной жилы. И почему она, чорт ее подери, все-таки оборвалась тут, над рекой? Может быть, проглядели и подняли провод с дефектом? Нет, место обрыва еще золотится крупичатым изломом. Жила оборвалась, вероятно, когда провод уже повис. Впрочем, все равно, надо чинить, скорее чинить.

Петр Синицын медленно раскачивается над бездной... Но у него дело государственной важности. Это дело поглощает все внимание, все чувства. Эта сосредоточенность позволяет монтажнику трезво, рассудительно обследовать обрыв. Руки уверенно, без дрожи накладывают бандаж. Работа пустяковая сама по себе, но сделай ее вот тут, на проводе, который все время качается! И еще этот проклятый ветер, он то стихнет, то неожиданно бьет с упругой силой, будто прячется, а потом выскакивает на тебя исподтишка, стараясь столкнуть.

— Нет, шалишь, не выйдет! — цедит сквозь зубы Петр, а руки его работают, работают.

И вот все окончено. Можно возвращаться назад. Но происходит событие, которое сразу все меняет. Из рук монтера выскальзывают пассатижи. Как кажется сверху, нехитрый этот инструмент медленно падает вниз. Глаза монтера невольно провожают его; пробив волну, пассатижи скрываются под водой. Впервые после того, как Петр Синицын оторвался от стальных креплений мачты, он отчетливо видит под собой желтоватую, взлохмаченную волной реку, кое-где просвечивающую янтарными клиньями мелей. Где-то внизу кружатся чайки. Белые барашки гуляют по перламутровой волне. Маленький, будто спичечный коробок, катер, на котором монтажник различает и инженера и мастера, крутится внизу. Петр видит даже, как Захарыч, сложив руки рупором, должно быть, что-то кричит.

А рядом, покачиваясь, гудят под ветром провода и тросы. Глядя на них, верхолаз снова, как там, на мачте, каждой частицей своего покрывшегося испариной тела ощущает и страшную высоту, и неустойчивость парусящих проводов, и злую силу ветра.

Сразу появляется головокружение. Руки, схватившиеся за провод, начинают противно дрожать. Все точно бы расплывается. Медленно теряя равновесие, Петр неудержимо валится со своей зыбкой опоры в желтую, шевелящуюся речную бездну...

— А-а-ах! — этот неопределенный крик вырывается внизу и у мастера, что лежит, смотря вверх, на корме катера, и у монтажников, и у пассажиров парома, идущего со стройки уже в обратный рейс...

Петр сорвался с провода. Но через мгновение, трудно уловимое глазом, он повис на монтерском тросе, к которому был пристегнут цепью пояса. Его товарищи, бросившись к мачте, начали карабкаться вверх. Катер кружит по воде под местом, где на стометровой высоте висит человек, беспомощно раскачиваемый ветром. Кровь медленно течет по подбородку инженера, от волнения прокусившего себе губу. Мастер снова приложил руки ко рту и во всю мощь своих легких кричит:

— Петь, Петь!.. Не болтайся, виси покойно-о-о! Отдыхай, Петь, отдыхай, копи силы-ы-ы! Слышь? Силы копи!

На мгновение руки мастера бессильно опускаются, он растерянно смотрит на инженера.

— Не слышит: ветер, волна... Да не трещи ты мотором, окаянная сила, глуши свой паршивый примус!

И снова, приложив руки ко рту, Захаров кричит до хрипа, до красных кругов в глазах, до дрожи во всем теле:

— Петя, виси, виси-и! Накопишь силы. Раскачивайся, цепляйся ногами за провод, Петя! — И вдруг, оборачиваясь к инженеру, он радостно хрипит окончательно сорванным голосом: — Услышал!..

Но Петр Синицын не услышал ничего.

Оправившись от падения, он перевел дыхание и понял, что цепь и пояс, которыми он иногда на работе и пренебрегал, пока что спасли его. Теперь он знал, что в реку не упадет. Это сразу дало возможность обдумать положение.

Не может быть, чтобы не было выхода! Не висеть же вот так над рекой на цепи, как бы крепка она ни была! Ведь вот дополз же он, и бандаж наложен, и дефект устранен, и ток давать можно. Стройка получит ток!

Сознание хорошо выполненного долга окончательно привело верхолаза в себя, сообщило мыслям его ясность. Но как же быть? Если он будет так вот висеть,— там, на берегу, начнут опускать провод, чего бы это ни стоило. Огромная работа, а главное, поднять провод снова смогут не скоро. На это нужно много времени. Так как же, как же быть?

Нет, он не слышал, что кричал ему с катера мастер Захаров. Ветер уносил все, что тот силился сообщить своему ученику. Но недаром мастер славился умением учить молодых. Петр сам понял, что нужно делать.

На несколько томительных минут он затих. Он висел над бездной в полном покое, если, конечно, мог быть покой в его положении. Копил силы. Отдохнув, принялся раскачиваться на цепи. Он раскачивался все больше. Вот нога его уже коснулась провода. Еще, еще... Эх, как кружится голова! Еще немного... Провод неясно мелькает рядом, и в это мгновение верхолаз весь напрягается, сжимается в комок и, разжавшись, зацепляется за провод ногами.

Теперь он перестал быть игрушкой ветра, может сознательно управлять движениями. Еще несколько минут он отдыхает, вися вниз головой. Сейчас он даже не боится, он уверен в себе. Провод не будут спускать!.. Перехватываясь руками по цепочке, он дотягивается до провода. Рывок — и он уже снова на нем.

Он не слышал восторженных криков, прокатившихся по реке. Он ничего не видит и не слышит. Он отдыхает над бездной, выключив все органы чувств, экономя каждое движение.

Потом, отдышавшись, собрав силы, он, уже уверенно балансируя, цепко перехватываясь руками, движется к стальной мачте.

Те, кто внимательно следит за ним снизу, поражаются тому, как быстро он на этот раз проходит расстояние до твердой опоры. Ему же, наоборот, движения кажутся мучительно медленными, каждое свое перемещение на проводе он отмечает как маленькую победу.

Петр очень устал. Порой он перемещается как бы механически, но движется, движется. Воля, вера в себя, только что выдержавшие такую проверку, безошибочно ведут его. Вот рука касается наконец металла мачты. Чувство приглушенной усталости вспыхивает с новой силой, но радость распирает грудь, кажется, будто и сердцу становится тесно.

Это не только радость спасения, нет, это радость неизмеримо бо́льшая, радость сознания отлично выполненного долга, полуосознанное ощущение того, что вот он, простой монтажник-высотник, сделал сейчас свой маленький вклад в осуществление великих планов своего народа.

«И моя копеечка не щербата,— удовлетворенно думает он, медленно слезая с мачты.— И я от стройки не в стороне».

Впрочем, когда на земле Петра Синицына обступают обрадованные товарищи, ликующий инженер, мастер Захаров, глядящий теперь на него не с обычной своей снисходительностью, а с почтением, все наперебой начинают его хвалить, поздравлять, он ничего не говорит им об этих своих светлых мыслях и только хрипло, с трудом произносит:

— Попить бы, а? Водички бы холодненькой... Дайте попить!..

ДЕФИЦИТНАЯ БАБУШКА

У Василия Рыбникова, бригадира автоколонны тяжелых машин, того самого Рыбникова, что весной прославился на строительствах конвейерной организацией перевозок, было одно удивительное качество, выработавшееся еще на фронте: он умел засыпать в любое время. Закроет глаза и спит, что бы вокруг ни происходило. Когда нужно, проснется — бодрый, с ясной головой. Водители, уважавшие своего начальника, склонны были именно этой способностью объяснять его поразительную неутомимость, умение, если того требовало дело, сутками не вылезать из кабины и сохранять при этом свежесть ума, бодрость, спокойствие, распорядительность.

И вот этот человек второй день маялся бессонницей. Недавно он вылетел на узловую станцию принимать новую партию, как он выражался, «техники». Самолет был открытый, погода скверная. Он застудил больной зуб. Получилось воспаление надкостницы. Правую щеку у Рыбникова безобразно раздуло. Обратно он поехал на пароходе и вот уже вторые сутки пути не мог заснуть. Он по очереди перепробовал все успокаивающие средства, какие только нашлись в пароходной аптечке. Потом прикладывал к флюсу стручок красного перца по совету какой-то старой пассажирки. По рекомендации бригадира уральских монтажников, ехавшего с ним в одной каюте, полоскал рот коньяком, а после принимал коньяк и во внутрь, что, по утверждению другого пассажира — геолога по профессии, — радикально помогает при всех воспалениях. Ничто не действовало. Только ходьба, как казалось Рыбникову, слегка успокаивала жгучую, сверлящую, пульсирующую боль. И вот огромный человек в накинутом на плечи ватнике неустанно, как часовой, шагал по палубе маленького пароходика, который, хлопотливо шлепая плицами, медленно двигался по холодной, затянутой сердитым ноябрьским туманом реке.

Василий Рыбников ругал себя за то, что не поехал поездом, ругал капитана, который, как казалось ему, вел свое суденышко нарочно неторопливо, ругал промозглую погоду раннего ноября, ругал пассажиров; уютно рассевшись за широкими стеклами салона, они слушали радио, стучали по столу костяшками домино, о чем-то разговаривали и даже смеялись. Вот ведь люди! Как они могут так беззаботно болтать и даже смеяться в то время, как это корыто точно бы совершенно завязло в сырой, сочащейся дождем мгле!

Особенно раздражала Рыбникова маленькая, сухонькая старушка, что посоветовала ему «попользовать флюс» перцем. Он заметил, что стоило трем — четырем пассажирам сойтись вместе, как она была тут как тут. И все-то она знала, во все вмешивалась, со всеми заговаривала. Вслед за ней неотступно ходила черноглазая девочка лет шести, такая кругленькая, загорелая, крепкая, что походила она на блестящий желудок.

Вот и сейчас там, за широким стеклом салона, старуха с девочкой примостились возле стола, на котором ленинградские монтажники играли в домино. «Ну, что ей там надо, что она понимает в игре и вообще куда она тащится с маленькой девчонкой на пароходе в осеннюю пору? Сидела бы дома, вязала бы, что ли, или с соседками сплетничала», — думал Рыбников, бережно приминая ладонью раздутую щеку, в которой ощутительно пульсировала горячая кровь.

Когда боль немножко отпустила, Рыбников, совершенно уже продрогший на палубе, прошел в салон. Монтажники кончили игру, радио было выключено. Пассажиры толпились у кресла, на котором сидела давешняя старуха с девочкой-желудком на руках. Девочка дремала, положив ей на плечо головку с двумя торчащими вверх косичками-хвостиками, а старуха о чем-то рассказывала. Все слушали. Это было время передачи «последних известий», и Рыбников включил было репродуктор. Но на него зашикали. Стало ясно, что беседа всех интересовала.

— Ах, мамаша, я думал, что теперь только мы, геологи, да цыгане кочевыми народами остались, — гудел высокий худой человек с торчащим кадыком, утверждавший, будто прием коньяка во внутрь помогает при всех воспалениях. — А тут вон оно что: новая кочевая профессия — передвижная бабушка.

— Ты не смейся, не смейся, милый... Женат? Дети есть? И жена работает? Нет? Ну, тогда твое дело иное, ты этого, милый, и не поймешь. А вот у меня четверо сыновей было, старший-то, ее вот папка, — она погладила головку девочки, заснувшей у нее на плече, — он в войну погиб. А трое-то живы, и у всех дети. Ну, меня на разрыв: мамаша, ко мне, нет, ко мне, пожалуйста, нет, уж, мне окажите честь... Вот что пишут...

— Это сыновья, а снохи? — сердито спросил Василий Рыбников, которого раздражал хвастливый тон и самоуверенность старушки и то внимание, с каким ее тут все слушали.

— Не помог, что ли, перец-то? — поинтересовалась та, поднимая голову и наводя на Рыбникова большие, круглые в черной оправе очки.

— Как мертвому припарки.

— Оно и видно. Хмурый больно ты человек...

— Нет, а верно, мамаша, как же с пословицей-то: «Свекровь в дом — все вверх дном?» Иль уж устарела? — осведомился пожилой бригадир монтажников, по совету которого Рыбников полоскал рот коньяком.

— А и устарела, что ты думаешь, — спокойно отозвалась старушка. — Не прежнее время, теперь мы, бабки-то, ах в каком дефиците... Думаешь, у меня так все сразу гладко со снохами-то и пошло? Нет, миленький, все было... И вздоры, и разговоры, и «я или она». Только мне что, живите, как вам лучше, а я сама себе голова. Мне за работу мою достойную пенсия идет. Комната за мной в фабричном доме навечно закреплена. Мы себе с Нюшей живем, сами себе самые главные. На фабрике меня помнят, на торжественные заседания билеты присылают, да все в первый ряд... Узнали, что зрение мое ослабло, читать трудно стало, радиоточку велели ко мне бесплатно провести, чтобы тетя Ксюша от жизни не отставала... Нам с Нюшей и дома хорошо, а вот им без нас — дело иное.

— Сыновьям или снохам?

— Да и тем и другим. Одна семья-то... Ишь, заснула Нюшенька-то моя, вы бы, товарищи, очистили диванчик, я ее бы и уложила.

Сказала она это с такой уверенностью, будто была здесь хозяйкой, и несколько загорелых стажеров, возвращавшихся со строительной практики, сразу же освободили места, а геолог принял спящую девочку из рук старушки и бережно уложил ее.

— Так вот ты, хмурый ты человек, спросил меня: сыновья или снохи? — продолжала старушка, удобно усевшись в кресле и опять наводя на Рыбникова свои старческие очки. — А вот я тебе скажу: и те и другие из-за меня аж вздорят... Вот-вот, и ничего тут особенного, время такое: старый человек теперь в большом уважении... А как им иначе и быть-то? Вот месяца полтора — два назад сын мой Михаил — он в Воронеже в институте лекции читает — и невестка Лида — она тоже у нас ученая, какую-то там клубнику удивительную вывела и даже премию за это получила, — так вот оба пишут мне: «Начинаются у нас занятия со студентами, будем мы очень заняты. Вовка нездоров. Приезжайте...— Они меня на «вы» зовут —...приезжайте, пожалуйста, мамаша, к нам». Ладно! Вовка болен — дело серьезное. Собираемся мы с Нюшей в путь-дорогу, благо нам не привыкать, город Воронеж нам тоже известен. А тут хвать — из Свердловска телеграмма. Большая, рублей пятнадцать, поди, за нее заплачено: «Мама, срочно самолетом командируйтесь к нам. Получили отпуск, путевки в Сочи в кармане, проездные командировочные перевели телеграфом, обнимаем, целуем, Федор, Сима». А Федор — сын мой. Он на Уралмаше мастер наипервейший. Вот машины-то для этих ваших строек какие-то ходячие собирает. А Сима, Серафима то есть, его жена, тоже там в цеху по металлу что-то соображала, а теперь студентка в институте... И вместе с телеграммой подает мне почтарь от них командировочные.

Что делать, куда ехать? Тут Вовка болен, там вовсе трое ребят остались нивесть на кого. И квартира у них, а квартира большая, мебелищи много. Как на чужого-то все это бросить?.. А пока раздумывала, письмо отсюда, от сына моего Сенечки, то есть Семена Петровича Зайчикова, он где-то тут вот у вас на стройке тоннельный мастер, и жена у него Зойка. Они вместе в Москве метро строили, а теперь она тоже тут у них какое-то важное лицо. Я ее, грешным делом, не люблю. Занозистая такая: «Вы

В грозу

Степан ЩИПАЧЕВ

Катает ядра гром
С небесной светлой кручи.
Подуло холодком
От подступившей тучи.

И чернотой ее
В природе все затмилось.
Вдруг молнии копье,
Блеснув, переломилось,

И хлынул дождь прямой,
Тяжелый, как железо...
Кто не успел домой,
Укрылся под навесом.

Чуть виден исполком,
Где ливнем флаг полощет...
Девчонка босиком
Перебегает площадь.

Мальчишки что-то вслед
Кричат...
С другими вместе
Мужчина средних лет
Стоит в одном подъезде.

Стоит он у стены,
Набрался впрок терпенья.
На пиджаке видны
Нашивки за раненья.

Он думает о том,
Что многим — он-то знает! —
Простой из тучи гром
Войну напоминает.

А шустрым огольцам
Поры послевоенной
(Не то что их отцам)
То — гром обыкновенный.

И пусть на их веку
Не будет по-другому!..
Они под дождь бегут
И радуются грому.

в мои дела не лезьте» да «Я и без ваших советов проживу»... Но у них беда — двойня маленькая. И пишут они: «Мама, знаем мы: и Свердловск и Воронеж на вас претендуют, но нам вы должны оказать предпочтение: у нас, дескать, стройка коммунизма — это раз, и четвертая по счету домработница на курсы строителей устрельнула — это два, и нам позарез некогда: объект в эксплуатацию сдаем — это три»...

— Ситуация! — говорит пожилой монтажник, и его длинные моржовые усы, нависающие на рот, не в силах прикрыть улыбку.— Вот и решай, к которому податься. Тут, брат бабушка, нужен государственный подход.

— И правильно, что улыбаешься, милый. Мы с Нюшей так и рассудили. Михаил с Лидой ласковые, обходительные, однако они в большом городе и человека себе, если надо, легко найдут, да и в случае чего могут тещу вытребовать, у них теща имеется. Так? Федор с Симой хоть проездные и командировочные нам прислали, у них тоже не крайность. Детей можно в колхоз к симиному отцу, к свату моему отправить. Я там у него бывала, крепкий, приятный колхоз, и живут просторно, ребятам раздолье, горы, река. А у младшенького-то моего, у Семена Петровича, хоть жена у него и репей, бог с ней совсем, а положение действительно серьезное. Возьмешь молоденькую в няньки, через месяц на курсы бежит. И правильно бежит: ей профессию надо, чего ради она будет в няньках болтаться, когда, может, из нее через год — другой знаменитый человек выйдет? Ну, а старух в окрестных станицах давно всех поразбирали. Сколько людищито понаехало! Да и не очень-то они идут к чужим в няньки, станичные старухи. Очень им надо, когда колхозы тут богатые, все у них есть, да и свои-то внуки — они милей чужих детей!

— Стало быть, к занозистой невестке и едете?

— К занозистой и еду. А как же! Тут стройка коммунизма, должны и мы с Нюшей, чем можем, помочь. Да и что это, милый, значит «занозистая»: приеду — будет рада до смерти: «мамашенька да мамашенька»! Жизнь-то, она вежливости учит. А в случае чего, до свиданья — и на поезд. Деньги на билет у меня всегда в кармане, пенсия идет, комната ждет... Мы с Нюшей люди самостоятельные...

И как уж это случилось — боль ли утихла или усталость взяла свое,— но Василий Рыбников заснул в кресле под мерный старушечий голос.

Проснулся он на рассвете. Кто-то сильно тряс его за плечо. Это был вчерашний геолог. Лицо у него было озабоченное.

— Ну и спите... вы ведь здешний? Говорите скорей: чтобы попасть на Отрадный, где слезать? Тут, на Новой, или до гидроузла плыть?

— Как, уже Новая?

— Ну да, минут пять, как привалили.

Рыбников бросился в каюту, схватил чемоданчик. Геолог шел за ним по пятам.

— Ну, так где же слезать: здесь или дальше?

— Если есть транспорт, слезайте здесь, тут втрое ближе. Но с транспортом худо: слякоть, дороги разъехались, легковой сейчас не пробиться, только грузовик, да и то не всякий... Я вот слезаю, за мной приедут... Пока!

Геолог уже не слушал. Он исчез и через мгновение показался на шатающихся сходнях с чемоданом, баулом и скаткой постели. Вслед за ним, боязливо держась за его плечо, шла давешняя старушка. Усатый монтажник нес спящую девочку. И едва провожавшие старуху успели вернуться на пароход, как сходни подняли, и, производя своими суетливыми плицами шумную кутерьму в реке, судно начало отваливать.

— Бабушка, младшенького, Сенечку, приветствуйте!

— Не давайте снохе потачки! — слышалось с удаляющейся палубы.

— Вот балагуры, рассказать ничего нельзя,— улыбалась старушка, помахивая вслед удаляющемуся пароходу сухой маленькой ручкой.— Вот, долго ли вместе проехали, а будто сроднились, и расставаться жалко.

— Вы скажите лучше, как думаете до Отрадного-то добираться: машину, что ль, сын пришлет? — спросил Василий Рыбников.

— Я ему и не написала. Они что-то там в эксплуатацию сдают, чего его пустяками-то беспокоить.

— Ай-яй-яй, — не на шутку встревожился Рыбников.— Как же так можно? Ведь до Отрадного больше сорока километров, а погода-то вон какая! Глушь, степь, дороги развалились...

Злой дождь, косой и холодный, дробно стучал в железную крышу пристани. Мелкая сердитая волна торопливо пошлепывала по борту дебаркадера. Все кругом, будто на дне старого погреба, было пропитано студеной, промозглой сыростью.

— Как люди, так и я,— вздохнула старушка.

— А где ж они, люди?

— Ты-то вот как поедешь?

— За мной машина придет, но мне в другую сторону, понимаете? И как вы сошли, ни о чем никого не расспросив? Как можно, взять вот так и сойти, да еще с ребенком? Эх!

— Не шуми, не шуми, Нюшу разбудишь,— невозмутимо отозвалась старушка, поправляя шаль, прикрывавшую девочку.— Не пропадем. Не в Америке. Кругом люди свои; сколько мы с Нюшей ни путешествовали, нигде не пропали... Вон, слышь, гудят, не тебя ль кличут?

На невысоком берегу в промозглой мгле прерывисто и настойчиво ревела сирена автомашины. Потом под чьими-то ногами захлюпали сходни. На дебаркадер поднялся коренастый паренек в синем комбинезоне, с ног до головы облепленном грязью. Увидев держащегося за щеку Рыбникова, он виновато опустил глаза.

— Извините, Василий Иванович, три раза в грязи по самый дифер сидел. Развезло, ужас, балки разлились. Едва сейчас дотянул.

— Возьми вон эти вещи,— кивнул Рыбников на имущество старухи. Сам же он поднял девочку-желудок и сердито сказал: — Пошли, мамаша.

— Ну, что ж, пошли так пошли,— спокойно согласилась старушка и деловито осмотрелась кругом: не забыла ли чего.

К приглашению она отнеслась, как к чему-то само собой разумеющемуся, не удивилась, не рассыпалась в благодарностях и вообще не проявила никаких особых чувств. Только когда Рыбников предложил ей лезть в кабину, она запротестовала: как же с этакой-то щекой да в кузов, на ветер? Но убедившись, что все ее доказательства сердитого Рыбникова только раздражают, она дала ему свою большую шаль и взяла с него слово, что он обязательно накроется ею в дороге.

Шофер, явно смущенный тем, что его знаменитому начальнику придется трястись в кузове, да к тому же еще нужно будет делать километров сорок крюку, попробовал было протестовать, ссылаясь на незнание дороги, на то, что не хватит бензина, но Рыбников так посмотрел на него, что он прервал поток доказательств и торопливо сел в кабину.

Ехали молча.

Девочка, привыкшая к путешествиям, крепко спала. Бабушка ее тоже дремала. Холодный косой дождь заливал ветровое стекло так густо, что казалось, будто суетливые «дворники» смахивают с него не воду, а кисель. Машина то и дело буксовала в вязкой грязи, шофер сердито рвал рычаги скоростей, все время думая о том, как неуютно должно чувствовать себя его начальство в кузове среди мокрого, холодного брезента.

Но Василий Рыбников чувствовал себя отлично. При каком-то толчке, когда машину крепко подбросило, флюс прорвался, и теперь начальник крепко спал, закутавшись в большую и теплую старушечью шаль.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР

БЛЕСТЯЩИЙ СТАРТ КОТОВА

От специального корреспондента «Огонька»

Сальтшебаден — курорт неподалеку от Стокгольма. Сюда приезжает отдыхать богатая публика. Летом 1948 года здесь проводился шахматный турнир, подобный тому, который происходит в настоящее время. Тогда турнир проходил в разгар сезона, и в «Гранд-отеле», где играли шахматисты, звучали танцевальные мелодии. Но сегодня уже осень. Купальный сезон кончился. Публики нет. Через день идет дождь. Тишина. Условия благоприятны для шахматного творчества.

Большие афиши с шахматным конем извещают о том, что в «Гранд-отеле» встречаются двадцать один лучший шахматист из тринадцати стран в состязании, которое имеет важное значение в борьбе за первенство мира. Но зрителей на турнире мало. К началу обычно собирается двадцать—тридцать человек; к концу вечера подъезжают на электричке стокгольмцы, и тогда можно видеть «рекордное» количество зрителей—около ста человек. Участники не отделены от зрителей. Можно подойти к любому столику и посмотреть, что делается на доске. В другом зале размещены крупные демонстрационные доски, но посетителей так мало, что почти на каждого из них приходится демонстрационная доска.

Если бы турнир проходил в самом Стокгольме, зрителей было бы, конечно, больше, но аренда помещения там слишком дорога для шахматной организации.

Среди зрителей присутствуют участники турнира 1948 года: Рагозин, Бондаревский, Лилиенталь, Флор, Лундин. «Старая гвардия» радуется успехам молодежи.

Участники турнира, зрители, печать находятся под впечатлением блестящих творческих и спортивных достижений советских шахматистов, и прежде всего лидера турнира Котова. Надо сказать, что он играет каждую партию с огромной волей к победе. Каждая партия — творческое произведение. Советский гроссмейстер вчера выиграл седьмую партию. Семь очков из семи возможных! Не помню за последние годы такого феноменального результата ни у одного шахматиста. В XVI чемпионате СССР Котов стартовал с пятью выигрышами, но здесь он превзошел это достижение. В активе Котова уже есть победы над шахматистами разных стран: над шведом Штольцем, аргентинцем Элисказесом, канадцем Вайтонисом, югославом Глигоричем, голландцем Принсом, немцем Унцикером и англичанином Голомбеком.

В некоторых партиях Котов показал высокую технику защиты. Так, в партии с Принсом он уверенно отразил атаку, а когда кончился цейтнот, то на доске у Принса многого не хватало... Кто-то сказал, что «Котов сделал из Принса нищего!» В партии с Глигоричем Котов показал себя хорошим тактиком. В позиции, когда югославский гроссмейстер чувствовал себя весьма бодро, Котов сделал такой неожиданный ход, что Глигорич на долгое время «застыл» над доской, но спасения уже не было. В свойственном советской шахматной школе стиле Котов провел изящные атаки против Штольца, Унцикера, Голомбека.

В шведской печати можно ежедневно читать лестные отзывы об игре Котова и других наших мастеров: «Блестящая победа русского гроссмейстера», «Изящная партия советского мастера» и т. д.

Дела других наших представителей тоже не плохи. Геллер — шахматист, который не очень сильно расстраивается после проигрыша. После неудачи во втором туре он выиграл три партии подряд и является одним из лидеров турнира.

В борьбе за ведущие места принимают участие также Петросян и Тайманов. Они идут без поражения и дали несколько хороших партий. Следует отметить блестящую победу Тайманова над Унцикером. Немецкий мастер был так доволен своей игрой, что даже не понял, почему он проиграл. В этой партии чемпион Ленинграда уже после тридцатого хода поставил противника в положение полного «цугцванга». Это одна из лучших партий последних лет.

Хорошо играет и мастер Авербах. Правда, в шестом туре он проиграл Штальбергу. Но сам Штальберг в газете «Стокгольмс-тиднинген» написал, что его победа была совершенно незаслуженной.

Сыграна треть турнира. Кроме Авербаха, все наши мастера в ведущей группе.

Из иностранных участников хорошее положение занимают гроссмейстеры Штальберг и Сабо. Один из серьезных противников — гроссмейстер Глигорич — пока ничего интересного не показал. Гроссмейстер Элисказес, пожалуй, уже не имеет шансов быть в числе победителей. Гроссмейстер Пильник, проиграв в седьмом туре Геллеру, также сильно уменьшил свои шансы.

Есть шахматисты, которые «не умеют проигрывать». У них виновными в их проигрыше оказываются то противник, то зрители, то здоровье... Вот Пильник — такой шахматист. Он объяснил свой проигрыш Геллеру тем, что во время игры он чуть не упал в обморок. Американец Стейнер все время в хорошем настроении: он привык проигрывать, и это его не смущает. Он становится немного мрачным только тогда, когда начинает думать о том, что скоро нужно будет возвращаться в Америку. У Стейнера забота о том, где найти триста долларов на обратный проезд. Поскольку он не может надеяться на высокий приз в этом турнире, то, действительно, есть основания серьезно задуматься.

Одна из шахматных надежд Западной Европы — мастер Унцикер. Положение его в турнире неважное. Но после проигрыша Тайманову немецкий мастер приободрился. В чем дело? Унцикер объясняет это так. По воле жребия, номера с шестого по одиннадцатый в турнирной таблице имеют Штальберг, Петросян, Геллер, Сабо, Котов и Тайманов. Иностранные участники называют эту дистанцию «аллеей смерти». Унцикер прошел эту «аллею», набрав всего полтора очка. Но зато теперь он надеется на лучшее: самое страшное уже позади!

С венгерскими шахматистами Сабо и Барца на турнир прибыл старейший венгерский мастер доктор Асталош. Он обычно весь вечер волнуется за своих и доволен только тогда, когда его «бригада» — Сабо и Барца — выполняет нóрму в полтора очка. Вчера Асталош сильно переживал, когда Сабо в партии с Пильником задумался на час и десять минут, пока решил продвинуть своего ферзя на одну клетку. За это время Пахман и Штальберг уже успели сыграть всю партию в тринадцать ходов вничью.

Наши представители находятся в хорошей форме. В последних двух турах четверо из них со стопроцентным результатом играли с иностранцами. Котов выиграл у Унцикера и Голомбека, Тайманов — у Принса и Унцикера, Геллер — у Пильника, Петросян — у Вейда.

Сыграно восемь туров, впереди еще тринадцать. Прогноз? Шахматная погода здесь ясная, солнечная — все будет в порядке

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

Стокгольм, 27 сентября.

В. Ф. Ларионов выпускает в озеро утку.

МЕЧТА БИОЛОГА

По краям озера, заплатанного листьями, вкривь и вкось воткнуты камыши, похожие на рапиры с мягкими ручками. Посередине водной глади — островки, похожие на клумбы. Около них, словно спаянные под водой, дружные утиные выводки.

Доктор биологических наук В. Ф. Ларионов и натуралист-охотник И. И. Халецкий только что выпустили в озеро новую партию окольцованных уток. Биолог осторожно пробирался по овальному берегу этого уже заселенного птицей водоема. Перед ним в 40—50 метрах взлетели утки. Неудачей окончилась его попытка незаметно подкрасться к птицам.

Улыбаясь, очень довольный, биолог вернулся на мысок, откуда вместе со своим помощником выпускал окольцованную дичь.

— Видели? — воскликнул он.— Утки, выпущенные нами сравнительно недавно, уже настолько одичали, что не подпускают человека!

В. Ф. Ларионов по просьбе колхозников, наблюдавших за работой натуралистов, рассказал об опытах обогащения водоемов птицей.

— Представьте русскую охотничью утку, которую охотники берут с собой для привлечения диких селезней,— рассказывает биолог.— В природе наблюдаются случаи, когда эта утка скрещивается с диким селезнем. Можно добиться такого скрещивания и в птицеводческих хозяйствах. Следовательно, закладывая яйца в инкубаторы, можно разводить этих птиц тысячами и затем выпускать в водоемы.

Зачем? — ученый оглядел слушателей.— В нашей стране для всего необычные масштабы! У нас создаются новые водоемы: озера, моря, каналы. А ведь они пока почти не заселены птицей. Наша задача — создать таких птиц, которые, будучи однажды выпущены человеком, в дальнейшем под влиянием условий жизни самостоятельно будут заселять этот и другие водоемы, возвращаясь на них из дальних перелетов.

Опыты, произведенные Останкинской зоологической станцией МГУ на озерах под Москвой, а также и опыты, поставленные Каунасской зоостанцией Литовской академии наук на литовских озерах Камша, Жувинтас, показали, что, воздействуя на биологические свойства пернатых, можно вывести не только новые разновидности уток, но и других птиц.

Обогащение фауны,— продолжает В. Ф. Ларионов,— это только часть наших работ. Мы хотим вывести породы пернатых с отсутствующими или сильно измененными рефлексами отлета... Преобразование природы в нашей стране уже заставило некоторых пернатых перестроить свою жизнь. Замечено, например, что птицы, в том числе утки, зимуют сейчас на незамерзающей воде на Оке, около Каширской электростанции. Остаются птицы и на других водоемах, поблизости от индустриальных центров, в частности на Рыбинском море.

Вывести породы птиц, которые бы зимовали там, где это удобно человеку,— значит сократить потери пернатых в длинном пути перелета... Но смотрите, смотрите!..

Высоко над озером летели дикие утки.

— Ведь в этом районе раньше не было дичи! — говорит В. Ф. Ларионов.— Вот так советский человек заселяет птицами многие новые водоемы. Известно, что в новой пятилетке намечено построить еще 30—35 тысяч колхозных и совхозных водоемов. Они будут использованы для колхозных электростанций, разведения рыб. Надеемся, что будут в них плавать и наши уточки.

И. ШПАРРО

Из почты «Огонька»

Стапелия на окне

Большой интерес для любителей комнатного цветоводства представляют цветы стапелии — южноафриканского растения из семейства ластовниковых.

Цветок стапелии похож на звезду и состоит из пяти лепестков, Оригинальна окраска цветка: зеленоватая или темнофиолетовая, испещренная темнокоричневыми пятнами и полосками. К сожалению, комнатный вид стапелии очень редко цветет. Мясистые стебли растения, напоминающие своим внешним видом кактус, зачастую загнивают и гибнут.

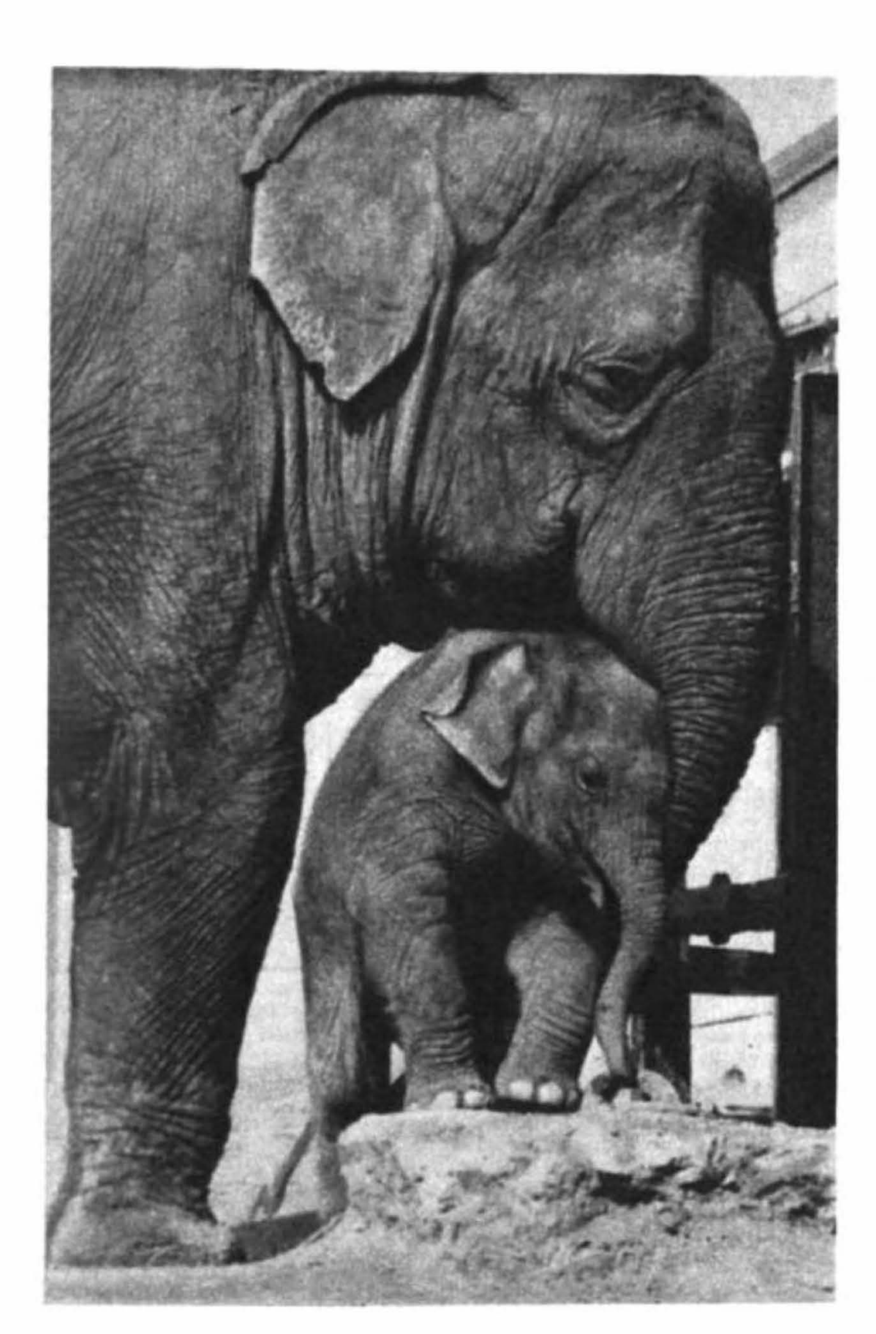
Мне удалось в результате двухлетних опытов найти такой режим для этого любопытного растения, при котором оно нормально развивается и, главное, цветет. Секрет заключается в создании определенной структуры почвы и в нормах полива.

Стапелию нужно сажать в песчано-глинистую почву: 2 части песка, 1 часть глины и 1 часть огородной земли без примеси перегноя. Зимой надо держать цветок не на подоконнике, а на специально устроенной в верхней части окна полочке, то есть в более теплом воздухе, и, конечно, на солнечной стороне. Зимой следует поливать лишь два раза в месяц и не обильно. Перед цветением, в конце апреля, полив увеличить: 1 раз в декаду. Летом поливать через день. Почва для стапелии не требует никаких химических удобрений.

При таком режиме стапелия будет цвести все лето. У меня она цветет с мая (надеюсь, что будет цвести еще и в октябре) и дает одновременно 4—5 красивых цветков.

А. ЕРЕМИН
Город Куйбышев.

Первые шаги

Малютка встал на ноги. Мать, нежно обняв его, помогла сделать первый шаг.

Не прошло и часа после рождения, как малыш, хотя и не совсем твердо держась на ногах, но самостоятельно, бродил, осматривая свое жилище. Через несколько часов он уже бегал, удирая от матери, которая ловила его хоботом и притягивала к себе, боясь оставить маленького без присмотра.

Этот резвый новорожденный — слоненок, появившийся на свет 25 августа в Московском зоопарке. Его родители, слон Шанго и слониха Молли,— наши старые знакомцы. В заметке «Семья слонов» («Огонек» № 2 за 1952 год) мы рассказывали об их первенце — слоненке Москвиче. Младший братик Москвича пока еще не имеет имени, будем временно называть его Малютка.

Малютка при рождении весил больше 100 килограммов и был выше метра ростом. Он обещает быть таким же веселым, шаловливым и смышленым слоненком, каким был «в его годы» старший брат, Москвич. Малютка так же весело гоняет по вольеру картофелины и задирает своих солидных родителей.

Рождение слонов в неволе — событие чрезвычайно редкое. Сотрудники зоопарка наблюдают за жизнью слоненка и ведут научные записи.

Н. НИКОЛАЕВ
Фото А. Анжанова

Судьба фрегата «Паллада»

Сто лет назад, 7 октября 1852 года, отправился в свое последнее кругосветное плавание фрегат «Паллада». Название это стало бессмертным благодаря перу литератора.

Читая путевые очерки И. А. Гончарова, невольно задаешь вопрос, почему автор ни словом не обмолвился об истории фрегата, о его трагической судьбе. Это объясняется, повидимому, цензурными соображениями: «Паллада» была военным кораблем.

Лишь много лет спустя, найдя архивные документы и воспользовавшись воспоминаниями современников, историки флота восстановили биографию корабля.

За строительством «Паллады» наблюдал П. С. Нахимов. Он же был ее первым командиром.

Фрегат в свое время был гордостью и красой русского военно-морского флота. Однако ко времени, когда фрегат ушел в кругосветное плавание, он был уже старым, много повидавшим на своем веку кораблем.

В конце плавания, весною 1854 года, командир фрегата получил приказ следовать к берегам Сахалина, в Татарский пролив, и там дожидаться дальнейших распоряжений. Время было тревожное: Англия и Франция объявили войну России. Войдя в Императорскую (ныне Советская) гавань, фрегат стал на якорь. На берегу закипела работа. Матросы возводили укрепления, строили жилые дома, устанавливали батареи, готовясь отразить нападение англо-французской эскадры.

Но вот из Петербурга поступил новый приказ: отвести фрегат в устье реки Амур. Это была трудная задача. До этого ни одному большому судну не удалось пройти в мелководное устье Амура.

С фрегата сняли орудия и лишний груз, но провести его в устье реки все же не удалось. Корабль вернулся в гавань.

Через год туда прибыл корвет «Оливуца», чтобы отвести фрегат в более надежное место—в лиман мыса Лазарева. Взору моряков открылось небольшое селение, по обеим сторонам которого на лесистом берегу виднелись батареи. Под охраной их пушек невдалеке от берега стояла «Паллада». Ничего не осталось от былой красоты фрегата. Это был короб с тремя мачтами. Бак и ют были сняты, ванты беспомощно висели, рангоут сломан, трюмы наполнены водой.

В таком виде невозможно было вести фрегат куда-либо. Под охраной десяти матросов и офицера его оставили зимовать на прежнем месте.

Вскоре фельдъегерь доставил приказ о затоплении корабля. Напрасно адмирал Г. И. Невельской, знаменитый исследователь Сибири и Дальнего Востока, пытаясь спасти фрегат, писал губернатору Камчатки Завойко: «В уничтожении фрегата «Паллада» не предстоит ныне ни малейшей крайности, потому что вскрытия Императорской гавани, до мая месяца 1856 года может последовать перемирие и даже мир...»

Отменить распоряжение Петербурга не удалось. В январе 1856 года фрегат «Паллада» погрузился на морское дно.

Прошли десятилетия. К месту гибели «Паллады» не раз спускались водолазы. Они извлекали со дна куски дуба, прочного, как сталь, и металлические предметы с корабля. Моряки рассказывают: в тихую погоду, когда вода в Советской гавани чиста и прозрачна, им удавалось разглядеть силуэт легендарного корабля.

А. СВЕТОВ

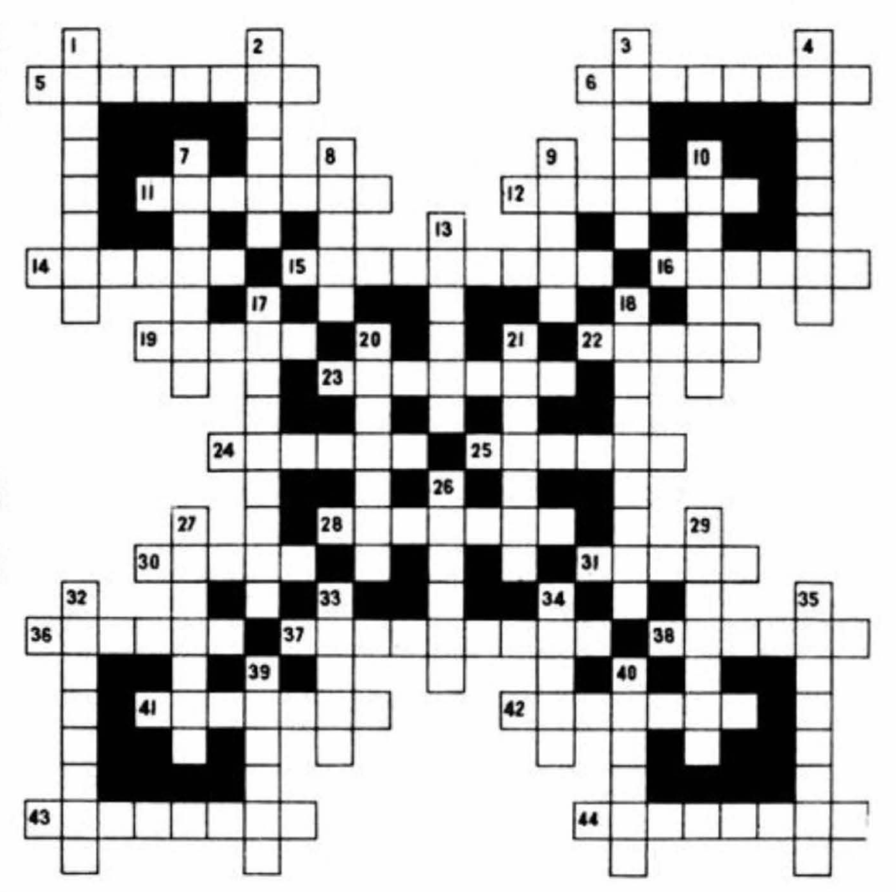
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Человек безмерной силы, стойкости, отваги. 6. Совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении. 11. Советский гроссмейстер. 12. Свойство великого. 14. Химически простое тело или сплав. 15. Объединение государств. 16. Форма публичного выступления. 19. Общественная проверка. 22. Украинская народная пляска. 23. Один из инициаторов социалистического соревнования за снижение себестоимости на каждой производственной операции. 24. Отделение учреждения. 25. Успех в борьбе. 28. Великий советский ученый. 30. Сорт винограда. 31. Коммунист-подпольщик в романе В. Лациса «К новому берегу». 36. Город в Китае. 37. Одна из машин на великих стройках. 38. Английская общественная деятельница, лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами». 41. Советская республика. 42. Радиоактивный элемент. 43. Вид на какую-нибудь местность. 44. Кустарниковое растение.

По вертикали:

1. Устройство для непрерывного перемещения обрабатываемого предмета. 2. Направление линии пути. 3. Автор картины «Утро нашей Родины». 4. Увлажнение почвы. 7. Условное изображение. 8. Орган государственной власти. 9. Основная мысль. 10. Химическое соединение или механическая смесь. 13. Количество уродившихся плодов. 17. Работник, возводящий здания, сооружения. 18. Творчество. 20. Олимпийский чемпион по гимнастике. 21. Нечто цельное, как бы высеченное из одного куска. 26. Советская спортсменка. 27. Город, в районе которого создается мощная гидроэлектростанция. 29. Советский скульптор. 32. Участник вооруженных отрядов, действующих в тылу врага. 33. Словесно-музыкальное произведение. 34. Советский писатель. 35. Приспособление для подачи и распыления топлива. 39. Город в Закавказье. 40. Разноцветные или украшенные живописью стекла.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

1. Косяк. 4. Судак. 7. Канберра. 8. Тропинка. 12. Кавалькада. 13. Контроллер. 15. Дорога. 16. Радищев. 17. Байкал. 18. Шарикоподшипник. 21. Фрахт. 22. Оникс. 26. Александровская. 31. Сатурн. 32. Лемешев. 33. Клиент. 34. Озеленение. 36. Гимнастика. 38. Абориген. 39. Базилика. 40. Астра. 41. Скала.

По вертикали:

1. Киноварь. 2. Стеклограф. 3. Курок. 4. Спрут. 5. Дипломатия. 6. Конфликт. 7. Какаду. 9. Апрель. 10. Здравоохранение. 11. Совершеннолетие. 14. Чирок. 19. Игрек. 20. Покос. 23. Кларнетист. 24. Адлер. 25. Баллистика. 27. Основа. 28. Стрекоза. 29. Медицина. 30. Страна. 35. Елена. 37. Нюанс.

В этом номере помещены восемь страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 05844. Подп. к печ. 30/IX 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 763. Заказ № 2314. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

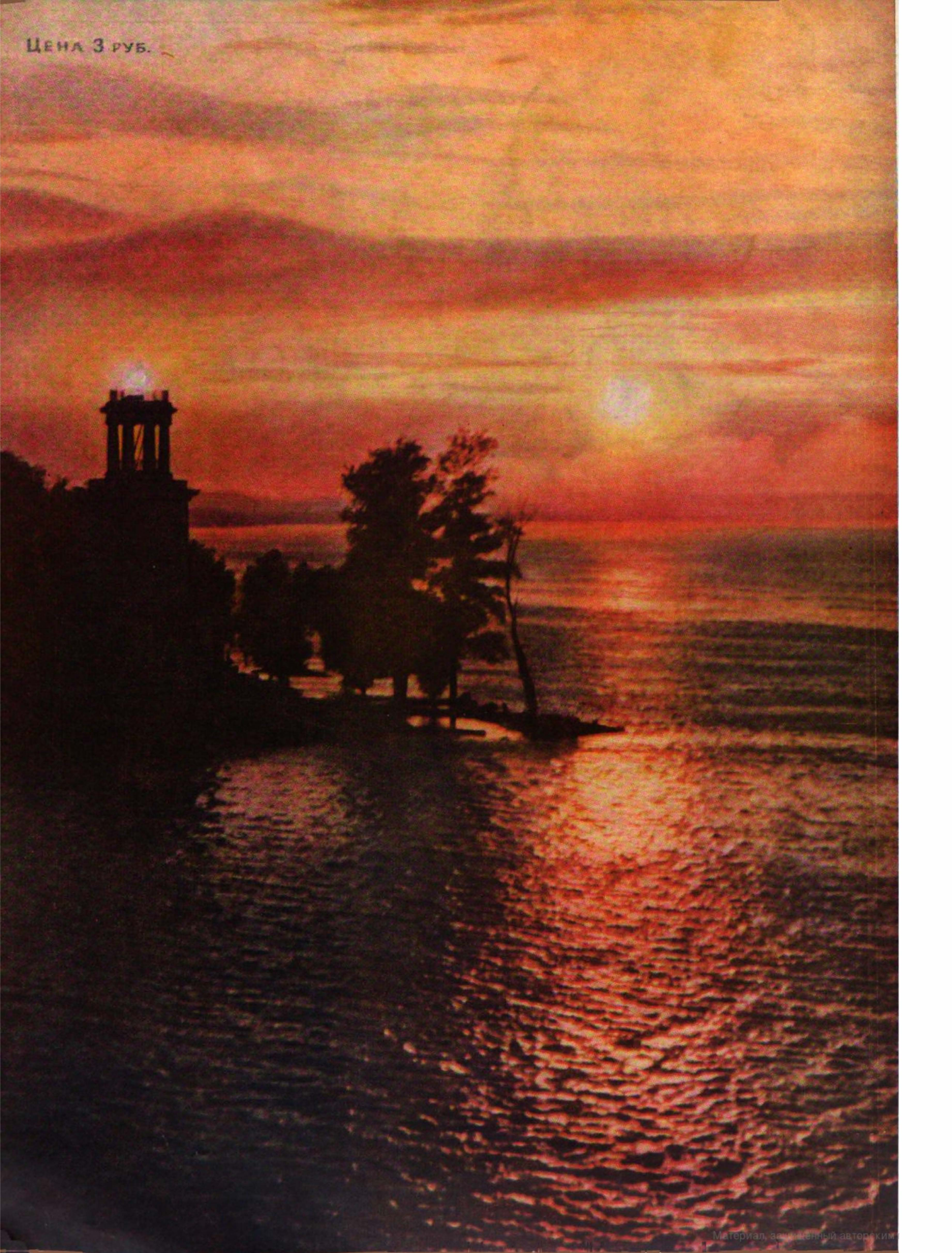
Семья колхозника Филиппа Григорьевича Штанько живет так же, как и все колхозники сельхозартели «Большевик», Криворожского района, Ростовской области. С помощью колхоза Филипп Григорьевич выстроил для себя хороший дом, посадил плодовый сад, развел огород. Всего вдоволь в семье. Только в прошлом году Штанько и его жена Евдокия Филипповна получили на трудодни свыше трех тонн хлеба, а в нынешнем году заработок их будет еще больше.

На снимке: семья Штанько в выходной день в своем саду. Справа налево: Филипп Григорьевич, внучка Людмила, Евдокия Филипповна и зять В. П. Бандурин.

Фото М. Ананьина

На последней странице обложки: у входа в Волго-Донской судоходный канал.

Фото Дм. Бальтерманца

Цена 3 руб.